

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

ЛЯПИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА

**ДАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1890 – 1910 гг.
В РУССКОЙ КРИТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Специальности 10.01.01 – Русская литература
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор
М.В. Михайлова

Москва – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГЕРМАН БАНГ: РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ.....	24
§ 1. Общая характеристика жизни и творчества Г. Банга	24
§ 2. История публикаций произведений писателя в России	28
§ 3. Русская критика Серебряного века о творчестве и жизни Г. Банга	30
§ 3.1. Русская критика начала XX в. о его творчестве.....	30
§ 3.2. Русская пресса о жизни датского писателя.....	48
§ 3.3. Авторские предисловия к русским изданиям.....	51
§ 4. Статьи Г. Банга-журналиста, написанные о России или для русского читателя.....	55
§ 5. Статьи в русских изданиях, посвященные приезду датского писателя в Россию и его кончине	59
§ 6. Рецепция творчества «датского Чехова» в писательской среде: Г. Банг и В.Э. Мейерхольд, Г. Банг и Тэффи.....	68
§ 7. Анализ переводов произведений писателя.....	77
§ 8. История публикации произведений и исследований о творчестве Г. Банга после 1917 г.....	81
Выводы.....	87
ГЛАВА 2. ТВОРЧЕСТВО КАРИН МИХАЭЛИС В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	89
§ 1. Проблема творческой самореализации женщины в России на рубеже XIX-XX вв.	90
§ 2. Биография К. Михаэлис.....	98
§ 3. История публикаций произведений писательницы в России	100
§ 4. Дискуссии о романе «Опасный возраст» и других произведениях К. Михаэлис.....	102
§ 5. К. Михаэлис и русские писатели Серебряного века: взаимное влияние.....	120
§ 6. Переводы произведений писательницы в начале XX в.	124
§ 7. Творчество К. Михаэлис в советской критике и современном отечественном литературоведении.....	127
Выводы.....	129
ГЛАВА 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ КРИТИКОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Х. ПОНТОППИДАНА, Й. ЙЕНСЕНА, О. РУНГА, Й. ЙОРГЕНСЕНА	132
§ 1. Хенрик Понтоппидан в русской критике 1900-1910 гг.	132
§ 1.1. Жизнь и творчество Х. Понтоппидана	133
§ 1.2. Реакция русской критики на произведения писателя	135
§ 2. Произведения Йоханнеса Йенсена в оценке русской критики начала XX в.	144
§ 2.1. Общая характеристика творчества Й. Йенсена	144
§ 2.2. Рецепция произведений писателя	147
§ 3. Характеристика произведений Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена в русской критике 1900-х гг.....	156
§ 3.1. Оценка русской критикой произведений О. Рунга	156
§ 3.2. Восприятие творческих исканий Й. Йоргенсена в России начала XX в.	162
Выводы.....	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
БИБЛИОГРАФИЯ.....	176
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

В современном отечественном литературоведении наблюдается растущий интерес к освещению реакции русской критики определенного периода на творчество одного автора или группы писателей¹. Среди подобных исследований значительную долю занимают работы, посвященные восприятию творчества зарубежных литераторов в России Серебряного века, так как именно в начале XX в. происходила активная адаптация явлений европейской и американской культуры русским художественным сознанием. Особой любовью отечественных читателей пользовались произведения авторов из Скандинавии. Во многом это было связано с «бумом» северных литератур во всей Европе и России в конце XIX в. В 1880-1890-е гг. стали широко известны имена северных писателей, как А. Стриндберг, К. Гамсун, Х. Ибсен (переводы и постановки произведений которых в то время пользовались неизменной популярностью), многое сделал для установления связей с Россией датский критик Г. Брандес. На рубеже веков на волне продолжающегося интереса к этим несколько «экзотическим» литературам стали появляться произведения новых авторов, среди которых было немало датчан. Доля датской литературы в общем скандинавском наследии, переводившимся в России, была достаточно скромной (за исключением работ Г.Х. Андерсена и Г. Брандеса), однако именно творчество датских авторов было освещено в отечественных изданиях наиболее разнообразно – представителями модернизма и различных модификаций реализма, развивавших в том числе и открытия А.П. Чехова, женскими именами, что соответствовало ажиотажу вокруг женского литературного творчества, и т.д.

---

¹ Например, см.: Мыслякова М.В. Концепция творчества Леонида Андреева в символистской критике: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 216 с.; Лебедева О.О. Критические отзывы современников Н. С. Гумилева об его основных поэтических сборниках (1905 - 1925 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 226 с.; Покотыло М.В. В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 204 с.; Дмитриева Л.П. Цикл детективных новелл Э. А. По и его рецепция в России в XIX-начале XX в.: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 202 с.; Чернин В.К. Русская рецепция Альфреда Теннисона: Дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 468 с.; Бит-Юнан Ю.Г. Рецепция произведений В.С. Гроссмана в советской журналистике 1930-1960-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 259 с.; Клинг Д.О. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.; Степина М.Ю. Н.А. Некрасов в русской критике 1838-1848 гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 450 с. и др.

В данном диссертационном исследовании представлена реакция русской критики главным образом начала XX в. на современную ей датскую литературу, а также проанализирован диалог между русскими и датскими писателями, отразившийся в их творчестве, что способствовало упрочению разработки межлитературных связей.

В настоящее время литература и культура в Дании в целом оказались почти не востребованными русским литературным сообществом (за последние десятилетия лишь избранные произведения некоторых авторов, например, Банга, Йенсена, Понтоппидана, были опубликованы в России, и эти выборочные переводы не дают верного представления об их творческом наследии). В начале XX в. жизнь этой небольшой страны, как и других скандинавских государств, занимала видное место в российской печати. Так, читатели могли узнать о жизни датских крестьян²; о политических сложностях в Дании³; о социальной помощи⁴ и т.д. Однако, безусловно, больше всего публикаций появлялось о датской литературе.

Скандинавские литературы в начале XX в. получили в России широкое признание, во многом это объяснялось общностью тем и проблем, единством эстетических исканий и общей перестройкой художественной системы, захватившей всю Европу. Надо также принять во внимание особый северный колорит, привлекавший многих. Так, например, М. Горький в письме Л.А. Никифоровой от 1910 г. писал: «Скандинавы интереснее и серьезнее всех в наши дни»⁵. На общности скандинавской и русской литератур настаивал критик Л. Василевский: «У северных авторов вообще много родственного, «конгениального» нашей русской душе»⁶. А Е. Колтоновская, сопоставляя произведения северных и отечественных модернистов, даже отдавала

---

² Девятков В. Деревенские беседы. Как крестьяне живут за границей. Вып. 1. Нижний Новгород: Тип. т-ва тружеников печ. дела, 1906. С. 9-13; Лекарпентье Г. Поездка к датским крестьянам // Вестник знания. 1912. № 9. С. 3-4.

³ Савский Н. Политический кризис в Дании // Летопись. 1916. № 11. С. 237-245.

⁴ Ганзен П. Трудовая помощь в скандинавских странах // Мир Божий. 1899. № 11. С. 7-12.

⁵ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. С. 167.

⁶ Василевский Л. Рец. на: Сельма Лагерлеф. Северные легенды и рассказы. М. 1905. Стр. 191. Ц. 1 руб. // Мир Божий. 1906. № 2. С. 96.

предпочтение скандинавам, обнаруживая в их прозе «больше свежести, непосредственности и здоровья. Они не утратили связи с землей, природой»⁷. Наиболее образно фурор, произведенный скандинавской литературой, описал критик Ю. Веселовский: «Словно мощный водопад северных стран, который, низвергаясь с отвесной неприступной скалы, широким, властным потоком несется затем по долине <...>, могучими, живительными струями разлились, ближе к концу XIX века, по всем главным европейским литературам новые мысли, картины и образы, созданные творческим воображением скандинавских писателей»⁸.

Все это повлекло за собой даже перестройку издательской деятельности. Появились сборники, объединившие под обложкой скандинавских писателей. Они внесли огромный вклад в популяризацию северных литератур в России. Это были «Северные сборники издательства “Шиповник”» и «Фиорды». Именно благодаря им русские читатели узнали о творчестве датчан Хенрика Понттоппидана, Карин Михаэлис, Германа Банга, шведов Людвиг Нодстрёма, Яльмара Сёдерберга, норвежцев Сигрид Унсет, Йоганна Бойера и многих других. А впоследствии их произведения стали выходить в многотомных собраниях сочинений. Следует отметить, что небольшие рассказы некоторых северных авторов публиковались на русском языке еще до появления сборников скандинавской литературы, однако они появлялись случайно, не сопровождались комментариями или предисловиями. Поэтому в основном эти произведения до их попадания в «Северные сборники» и «Фиорды» оставались незамеченными.

В работе над «Северными сборниками» принимали участие многие известные русские поэты и писатели. Так, переводами занимались Ф.К. Сологуб, А.А. Блок, С.М. Городецкий, Ю.К. Балтрушайтис и другие. Теперь почти всем произведениям были предпосланы предисловия, рассказывающие о творчестве писателей, написанные либо иностранными критиками, либо самими авторами,

---

⁷ Колтоновская Е. Молодая Скандинавия (по поводу «Северных сборников») // Колтоновская Е. Новая жизнь. Критические статьи. Изд. 2-е. СПб.: Самообразование, 1911. С. 225.

⁸ Веселовский Ю. Шведская литература наших дней // Веселовский Ю. Литературные очерки. М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1910. С. 362.

либо русскими литераторами. Так, о датском мыслителе Сёрене Кьеркегоре написал его соотечественник, философ Гаральд Гёфдинг; самохарактеристика предшествовала публикации Германа Банга; о Кнуде Гамсуне очерк создал А.И. Куприн, о норвежском драматурге Гуннаре Гейберге – К.Д. Бальмонт. В каждой книге этих сборников русский читатель открывал для себя новое имя представителя литературы Севера.

Сборники «Фиорды» также представляли новые имена скандинавских авторов русскому читателю. Переводчики А.В. и П.Г. Ганзены включили в издания прозу Карин Михаэлис, Йоганнеса Йенсена, Свена Ланге и многих других писателей, которые до своего появления на страницах сборников в России не публиковались. Предисловий и каких-либо комментариев в книгах не было, однако на последних страницах томов помещались аннотации, анонсы и краткие доброжелательные рецензии на публикуемые произведения. Несмотря на небольшой объем, в этих заметках указывалась национальность писателя, приводились некоторые детали его биографии, давалась характеристика отдельных черт его творчества, что позволяло лучше воспринимать переводимую прозу.

К различиям между сборниками можно отнести и стратегии издателей: если в «Северных сборниках» почти в каждой книге появлялся новый автор, то Ганзены в разных томах своего издания публиковали работы одного и того же наиболее любимшегося публике писателя (так, в книгах «Фиордов» можно встретить несколько романов и рассказов К. Михаэлис, Й. Йенсена и др.). Также нередко переводчики «Северных сборников» работали с немецким подстрочником, что, безусловно, искажало получаемый в итоге текст. А Петер Ганзен, один из переводчиков «Фиордов», приехал в Россию из Дании, поэтому он и его жена Анна, превосходно знавшая скандинавские языки, переводили оригинальный текст, что повышало качество переводов.

Подобные издания, безусловно, не могли остаться незамеченными и заслужили высокую оценку критиков (так, например, критик Е. Колтоновская писала: «Северным писателям посчастливилось. Они появляются на русском

языке не только в литературных – в художественных переводах, дающих о них вполне верное представление»⁹). Таким образом, эти издания, а также отдельные публикации северных авторов способствовали их признанию в России.

Среди датских писателей было немало тех, кто в начале XX в. по популярности в России мог поспорить с известными и сейчас скандинавскими писателями, однако в отличие от последних (уже упоминавшиеся Гамсун, Ибсен, Стриндберг) в настоящее время их имена оказались совершенно неизвестны отечественному читателю. Поэтому интерпретация их творчества русской критикой, представленная в данной работе, помогает понять причины такой популярности. В итоге такие авторы, как Герман Банг, Карин Михаэлис, Хенрик Понтопидан, Йоханнес Йенсен, Отто Рунг и Йоханнес Йоргенсен, не только оказываются вписанными в русский литературный процесс, но и в их произведениях обнаруживаются дополнительные смыслы, которые был способен выявить взгляд извне. Анализ откликов русских рецензентов на датские произведения позволяет продемонстрировать стратегии отечественной критики в отношении зарубежных авторов: работы писателей конкретно Дании попадали в Россию уже после их признания во многих европейских странах, и у русских авторов рецензий был выбор – следовать за уже высказанными мнениями или пытаться самостоятельно оценить то или иное сочинение. При этом даже копировать общеевропейские суждения русским критикам было достаточно сложно из-за недостатка информации. Так, например, в отечественной печати писали о символизме в творчестве датского автора приключенческой прозы Юргена Юргенсена (Jurgen Jurgensen), видимо, воспроизведя заметку о другом писателе Дании – модернисте Йоханнесе Йоргенсене (Johannes Jørgensen), что объяснялось сходством фамилий, хотя их творческая манера была принципиально несхожей. И в целом, в России ситуация с переводами датской литературы и информацией о ней была достаточно сложной: нередко были случаи работы переводчиков с немецкими или французскими подстрочниками, что, безусловно, искажало тексты и ухудшало их качество, иногда издатели или рецензенты

---

⁹ Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 1. СПб., 1907 // Образование. 1907. № 10. С. 79.

предоставляли неверную информацию об авторах или произведениях, пользуясь, вероятно, некими сомнительными источниками. Так, в принципе очень информированный критик Е. Колтоновская в одной из своих заметок называет К. Гамсуна «датским писателем»¹⁰. Совершенно запутывает читателей М. Лиров, который в своей рецензии «Датский роман из русской жизни» разбирает произведение, как пишет критик, «шведа Ааге Маделунга»¹¹, несмотря на то что автор на самом деле был датчанином, на что верно и указывал заголовок статьи. На восприятие датских произведений в России мог повлиять и ряд внелитературных факторов, на которые указывается в диссертационной работе при анализе рецензий: некачественный перевод, место издания (газета, брошюра или книга авторитетного издательства), дата публикации и т.д.

Датские авторы, рецепция творчества которых представлена в диссертационной работе¹², выбраны, исходя из следующих факторов. Помимо того, что они являлись наиболее популярными и публикуемыми писателями Дании своего времени (Й.П. Якобсен уже утратил былую популярность, а М.А. Нексё еще не получил своего признания), каждый из них представлял собою определенное литературное направление и манеру письма, которые оказывались интересны русским читателям.

Так, Герман Банг (1857 – 1912) в своем творчестве сочетал реализм и импрессионизм, создавая яркие произведения, позволявшие читателям почти наяву переживать состояния персонажей, несмотря на то что к прямому психологизму этот писатель прибегал крайне редко. Отличительными чертами его творчества являются пристальное внимание к деталям, которые, тем не менее, позволяют раскрыть характеры его персонажей; отсутствие излишних описаний и рассуждений при обилии диалогов, так как сам писатель считал, что «задача художника в том, чтобы отделить существенное от несущественного», что ему

---

¹⁰ Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 2, 3. СПб., 1907 // Образование. 1908. № 1. С. 147.

¹¹ Лиров М. Датский роман из русской жизни // Киевская мысль. 1914. № 8. 8 января. С. 8.

¹² Анализ восприятия в России творчества Г.Х. Андерсена и Г. Брандеса, двух ключевых датских литераторов, не являлся целью диссертационного исследования, так как подробное изучение этой проблемы уже было проведено. См., например: Орлова Г.К. Х.К. Андерсен в русской литературе конца XIX - начала XX века: восприятие, переводы, влияние: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.; Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Брандес Г. Русские впечатления. М.:ОГИ, 2002. С. 360-405.

следует изображать «только *существенные* действия, то есть ряд действий, в каждом из которых проявляется духовная жизнь описываемого человека»¹³ [курсив Банга. – А.Л.]. При этом датский писатель считал себя реалистом, поскольку стремился с максимальной точностью описывать действительность, воспроизводить пейзажи, давать портретные характеристики. Дополнительную известность этому автору принесло его знакомство с некоторыми русскими литераторами и журналистами и его визит в Москву. Все это вместе позволило Бангу, «датскому Чехову», как его называли и на родине, и в России, по многим своим свойствам родственным традициям русской литературы, заинтересовать русских издателей, читателей и рецензентов.

Творчество Карин Михаэлис (1872 – 1950) прогремело в России на волне возрастающего интереса к женскому творчеству вообще и феминистской проблематике в частности. Оно кажется актуальным и современным даже в наши дни. Все ее произведения посвящены анализу женской психологии, от ее внимания не ускользают ни скрываемые мысли девочки-подростка, ни переживания матери семейства, ни тоска начинающей стареть женщины. И проза Михаэлис произвела ошеломительное впечатление в России именно тогда, когда отечественное женское движение стало интенсивно развиваться, когда начали работать женщины-критики и писательницы. Скандальную известность датчанке обеспечивали и демонстрации, которыми в некоторых европейских странах встречали ее произведения. Это, а также разработка Михаэлис таких жанров, как исповедь, роман в письмах, дневниковые записи и др., обеспечили достаточно долгий интерес к ее творчеству со стороны отечественных читателей и критиков.

Произведения Хенрика Понтопидана (1857 – 1943), почти каждое из которых так или иначе затрагивает религиозную проблематику, пришлось на время, когда обсуждение вопросов веры оказалось в повестке дня. К тому же вплоть до последних своих работ датский писатель оставался в русле реалистического направления, благодаря чему многие критики называли его романы энциклопедией датской деревенской и городской жизни, что

---

¹³ Банг Г. Из письма Эрику Скраму // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 49.

корреспондировало с основной направленностью русской литературы. Неслучайно именно Понтопидан в 1917 г. стал вторым датчанином (после выдающегося поэта Карла Гьеллерупа), получившим Нобелевскую премию по литературе. В его произведениях представлено множество характеров, каждый из которых детально прорисован, выявлены его неповторимые черты, даны портретные и речевые характеристики, а все повествование оснащено емкими и колоритными деталями. Подобное удачное сочетание религиозно-философской проблематики и реалистического направления и оказалось близким русским литераторам и журналистам и вызвало отклики в печати.

Йоханнес Йенсен (1873 – 1950), за свою долгую жизнь несколько раз менявший творческую манеру письма, внес значительный вклад в развитие датской литературы. Разработанная им концепция истории, ориентация на мифологию и даже созданный им самостоятельный жанр «мифы», оригинальность сюжетных решений вывели словесность Дании на качественно новый уровень. Также закономерным представляется тот факт, что именно Йенсен стал третьим и последним на данный момент датским лауреатом Нобелевской премии по литературе. Безусловно, писатель развивался в течение всей своей писательской карьеры, однако и читатели начала XX в. могли познакомиться с определяющими художественными принципами его творчества.

Отто Рунг (1874 – 1945), больше внимания уделявший философским размышлениям и характеристикам персонажей, нежели развитию действия, в Дании до сих пор почитается как один из наиболее последовательных представителей реалистического направления в искусстве начала XX в., хотя в его творениях можно усмотреть множество новаций: так, он едва ли не первым обратил внимание на противоборство и при этом неразрывную взаимосвязь между человеком и машиной, что само по себе стало первостепенной проблемой XX в. А один из его наиболее значительных романов «Вереница теней» рисовал картину распада датского общества на рубеже веков.

Йоханнес Йоргенсен (1866 – 1956) являлся одним из первых датских авторов, творчество которого находилось под сильнейшим влиянием символизма.

Его стихотворные и прозаические работы демонстрировали прекрасное знакомство с наследием французских модернистов, при этом датчанин увлекался католическими символами и сложными ассоциативными рядами. Благодаря этому, его творчество, наполненное религиозными символическими подтекстами, получило отклик в России начала XX в.

Несомненно, именно эти авторы активно переводились в России в начале XX в. Они были интересны отечественному читателю своим творческим разнообразием и в то же время сходством – мастерство психологических описаний, острота тем, освещение «женского вопроса», религиозная составляющая, мифотворчество, внимание к проблеме «человек-машина», обилие символов в произведениях и т.д. – вот что служило основой для переводов и разворачивающихся дискуссий вокруг этих фигур, хотя можно заметить, что недостаточная зрелость русской литературоведческой науки не позволила увидеть многих точек соприкосновения, которые с очевидностью обнаруживаются сейчас (сходство метаний героя Понтоппидана с религиозными исканиями в России; мифотворчества Йенсена с устремленностью к мифологизму русских писателей). Каждый из представленных авторов обладал мощным потенциалом и достаточной известностью в Дании и Европе, чтобы получить соответствующую оценку и в России. Подробный анализ откликов отечественной критической мысли на произведения этих датских авторов помогает понять «издержки» и достижения русских критиков, работавших в сфере изучения межлитературных связей.

Степень изученности проблемы. Следует отметить, что изучение датской литературы XIX-XX вв. в целом не является популярной среди отечественных исследователей темой (по сравнению с другими литературами Севера), поэтому работ, посвященных перечисленным выше авторам (даже без их соотнесения с реакцией русской критики), относительно немного. Обычно эти писатели начала XX в. лишь кратко упоминаются в изданиях, посвященных западным литературам

указанного времени¹⁴. Более развернутая характеристика представлена в пособии В.П. Неустроева, посвященном именно скандинавским литературам¹⁵.

В конце 1950-х гг. появляются первые исследования, посвященные отдельным персоналиям датской литературы. Так, М.И. Бент¹⁶ еще в 1957 г. дал краткую, однако емкую характеристику всего творчества Банга (эта работа была опубликована только в 2012 г.), позднее творчество этого писателя рассматривалось такими исследователями, как В.П. Неустроев¹⁷ и А.В. Сергеев¹⁸. После этого в примечаниях и послесловиях в книгах о скандинавских литературах об этом авторе упоминали Е.М. Апенко¹⁹, Б.А. Ерхов²⁰. Наиболее значительный вклад в современное отечественное банговедение внесли Д.А. Эльяшевич²¹ и А.В. Коровин²².

Творчество Михаэлис до сих пор остается слабо изученным в России, ее имя упоминалось всего в двух небольших справочных статьях²³. Ученым, внесшим значительный вклад в распространение знаний об этой писательнице, можно назвать Э.М. Переслегину, составившую библиографический указатель работ Михаэлис, опубликованных на русском языке²⁴. В современном

---

¹⁴ История зарубежной литературы XX века. 1917-1945: Учебник для студентов филол. фак. пед. ин-тов / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головаченко и др.; Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. 3-е изд., испр., доп. М.: Просвещение, 1984. 304 с.; История зарубежной литературы XX века (1917-1945): Учебник для филол. спец. ун-тов / Под ред. проф. Л.Г. Андреева. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1980. 392 с. и др.

¹⁵ Неустроев В.П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. 279 с.

¹⁶ Бент М.И. «Индивидуальная духовная жизнь» в произведениях Германа Банга // Известия высших учебных заведений: Уральский регион. 2012. № 4. Режим доступа: <http://mark-bent.livejournal.com/> Дата обращения: 06.05.2013.

¹⁷ Неустроев В.П. Герман Банг и его творчество // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 3-21; Неустроев В.П. Герман Банг // Неустроев В.П. Литературные очерки и портреты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 169-192.

¹⁸ Сергеев А.В. Комментарии // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 471-478; Сергеев А.В. Романы Германа Банга 80-х годов XIX века: (К проблеме метода). Дисс. .... канд. филол. наук (10.01.05). М., 1976. 162 с. и др.

¹⁹ Апенко Е.Х. Банг // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. С.481-482.

²⁰ Ерхов Б.А. Послесловие // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 517-527.

²¹ Эльяшевич Д. «Россию я очень-очень люблю...» // Нева. 1991. № 2. С. 202-205.

²² Коровин А.В. Особенности психологизма в новеллах Германа Банга // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 10: Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 82-92.

²³ Брауде Л.Ю. Карин Михаэлис // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. 1967. Стб. 823; Крымова Н., Погодин А. Карин Михаэлис // Датская новелла XIX-XX веков. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 576-577.

²⁴ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. 29 с.

отечественном литературоведении творчеством датской писательницы занимается М.В. Михайлова²⁵.

Изучение творчества Понтопидана отечественными литературоведами началось во второй половине XX в. Среди самых активных исследователей его творчества следует назвать В.П. Неустроева²⁶, написавшего обстоятельное предисловие к первому переизданию его романа «Счастливчик Пер» в СССР, и И.П. Куприянову²⁷, подробно осветившую в статьях биографию Понтопидана и его творчество.

Йоханнес Йенсен является одним из наиболее изученных датских авторов своего времени в России. Среди литературоведов, писавших о его произведениях, можно назвать И.П. Куприянову²⁸, А.В. Сергеева²⁹, А.А. Салтыкова³⁰ и др.

Отто Рунг и Йоханнес Йоргенсен оказались вне сферы интересов отечественного литературоведения, имя первого писателя указывалось только в списках датских писателей соответствующего времени, в статьях, посвященных датской литературе начала XX в., а о Йоргенсене отдельную статью написал только А.В. Сергеев³¹.

Тема русско-датских книжных связей (влияние русской литературы на датского читателя, ее оценка в критике и рецепция) не раз поднималась в

---

²⁵ Михайлова М.В. Роман Карин Михаэлис «Опасный возраст»: рецепция в России / А.А. Ляпина, М.В. Михайлова // Вестник Московского университета: Сер. 9: Филология. 2013. № 2. С. 76-85; Михайлова М.В. Россия Карин Михаэлис // Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68-79.

²⁶ Неустроев В. Генрик Понтопидан и его «Счастливчик Пер» // Понтопидан Г. Счастливчик Пер: Роман / Пер. с дат. С. Фридлянд. Киев: Орион, 1993. С. 3-19.

²⁷ Куприянова И. Выдающийся датский прозаик // Понтопидан Х. Счастливчик Пер. Роман / Перевод с дат. С. Фридлянд; послесловие И. Куприяновой. М.: Панорама, 1995. С. 671-685; Куприянова И. Хенрик Понтопидан // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 128-142; Куприянова И. Воспоминания Хенрика Понтопидана // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 143-155.

²⁸ Куприянова И.П. Культурно-историческая концепция Йоханнеса Йенсена (эпопея «Долгий путь») // Скандинавская филология. Scandinavica. V Межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 126-135.

²⁹ Сергеев А.В. Реализм и миф в творчестве Й.В. Йенсена // Гьеллеруп К. Мельница. Йенсен Й.В. Избранные произведения. М.: Панорама, 2000. С. 465-477.

³⁰ Салтыков А.А. «Мифы» Й.В. Йенсена – новый жанр малой прозы в датской литературе? // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. 10. Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 197-203.

³¹ Сергеев А.В. Йоханнес Йоргенсен и проблема датского символизма // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 1. С. 49-57.

отечественных³² и зарубежных³³ литературоведческих работах. Однако восприятие датской литературы в России до сих пор рассматривалось крайне редко. Заметный вклад в изучение этого вопроса внес знаменитый скандинавист Д.М. Шарыпкин. В книге «Скандинавская литература в России»³⁴ он последовательно описал появление книг северных авторов на русском языке с XVIII в. до конца XIX в., остановившись на описании реакции русской критики на произведения А. Стриндберга и Г. Ибсена. Тяжелая болезнь и внезапная гибель не позволили исследователю продолжить свою работу, хотя в его творческих планах было описать проникновение и других скандинавских авторов в Россию. В другом издании³⁵ Д.М. Шарыпкин подробно осветил реакцию русской критики на работы Г. Брандеса. Так, литературовед проследил, какие отечественные журналы еще в конце XIX в. откликались на публикации датского критика, как отреагировали журналисты на приезды датчанина в Россию и его лекции, обстоятельно раскрыл восприятие разными группами рецензентов его работ.

О формировании в начале XX в. своеобразного пантеона датских авторов в России и благосклонном внимании к ним критики пишет литературовед К. Мурадян³⁶, отметившая феномен почти одновременной публикации произведений писателей на родине и в России.

О восприятии Х.К. Андерсена в России писала исследователь Г.К. Орлова³⁷, представившая обстоятельную работу о реакции русской критики на сочинения

---

³² Краснова Е.В. Российско-датские литературные контакты на рубеже XIX-XX вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 232-238; Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 219 с.; Куприянова И.П. Тургенев в Дании // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 224-231; Шарыпкин Д.М. Георг Брандес и русская литература // Брандес Г. Русские впечатления. М.:ОГИ, 2002. С. 347-359.

³³ Jensen J.F. Turgenev i dansk åndsliv: studier i dansk romankunst 1870 – 1900. [Тургенев в датской духовной жизни: исследования романного искусства 1870-1900]. København: Gyldendal, 1969. 413 s.; Malinovski I. Russiske bøger i danske oversættelser: en bibliografi [Русские книги в датских переводах: Библиография]. København: Borgen, 1953. 51 s.

³⁴ Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.

³⁵ Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. С. 360-405.

³⁶ Мурадян К. Конец тысячелетия: Скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия; итоги и перспективы) // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian>. Дата обращения: 06.03.2014.

³⁷ Орлова Г.К. Х.К. Андерсен в русской литературе конца XIX - начала XX века: восприятие, переводы, влияние: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.; Она же. Новый русский Андерсен // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 6. С. 163-166.

датчанина, о точности переводов его текстов на русский язык и о «транскрипции» его творчества русскими писателями.

Датско-русские культурные связи освещены в небольшой брошюре Б.С. Жарова³⁸, который вкратце охарактеризовал взаимодействие двух стран в XVIII-XXI вв. Однако, так как помещенные в сборнике работы представляют собой напечатанные доклады, произнесенные на различных конференциях, их отличает предельная сжатость и некоторая несвязанность между собой. Так, подглавка «XIX век» завершается 1870-ми гг., а «XX век» начинается с 1930-х гг. (таким образом, интересующий автора настоящей диссертационной работы период оказался «изъятым» из освещения).

Частично затронул тему восприятия датской литературы в России начала XX в. Д.А. Эльяшевич в статье «Русско-скандинавские книжные связи (К постановке вопроса)»³⁹. Так, исследователь кратко охарактеризовал переводческую деятельность супругов Ганzenов⁴⁰ и издательства, публиковавшие книги скандинавов на рубеже XIX-XX вв. Однако формат статьи не позволил Эльяшевичу более подробно представить этот период.

Таким образом, восприятие датской литературы в России в начале XX в. в отечественном литературоведении (равно как и в датском⁴¹) явно изучено недостаточно. Как видно из представленных работ, исследователи лишь намечали эту область для последующего изучения, однако полноценных научных трудов по этой проблеме пока не создано.

Актуальность исследования. Предлагаемое диссертационное исследование является первой обстоятельной научной работой, освещающей

---

³⁸ Жаров Б.С. Датско-русские связи в области культуры. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. 32 с.

³⁹ Эльяшевич Д.А. Русско-скандинавские книжные связи (К постановке вопроса) // Из истории русско-советского международного книжного общения (XIX-XX вв.). Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1987. С. 6-19.

⁴⁰ Деятельность супругов-переводчиков обсуждается на регулярно Ганzenовских чтениях с участием ведущих литературоведов, потомков Ганzenов и их учеников. Их работе посвящены многочисленные статьи, см., например, Брауде Л.Ю. Мирное завоевание: Скандинавская литература в России // Детская литература. 1994. № 2. С. 45-50; Она же. Ганс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Х.К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука, 1983. С.328-332 и т.д.

⁴¹ В датских исследованиях, посвященных литературе XIX-XX вв., распространение произведений за пределы страны описывается кратко, в виде перечисления тех стран, на языки которых был осуществлен перевод той или иной работы.

восприятие датской литературы в России в начале XX в. Помимо представления работы русских рецензентов рубежа веков, данная работа дает описание и характеристику датских писателей в отечественном литературоведении, критике и литературе того времени. Акцент сделан на произведениях, пользовавшихся популярностью и получивших признание, что позволяет сделать вывод о приоритетах русской критики, чутье ее отдельных представителей.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем впервые охарактеризована рецепция датской литературы в русской культуре в начале XX в. Реакция русской критики на произведения датчан описывается с учетом общей культурно-исторической ситуации, демонстрируется сложность получения информации отечественными критиками о том или ином авторе. В работе представлены новые источники, в том числе и архивные данные, ранее остававшиеся вне сферы интересов исследователей. Прослеживается реакция журналистов не только на сами произведения, публиковавшиеся в России, но и на авторов, приезжавших в страну. Выделены разные способы представления русским читателям новых авторов в литературной критике (упоминание в обзорной статье, рецензия, литературный портрет, биография автора, аннотация и пересказ содержания, интервью и т.д.). Устанавливаются факторы, препятствовавшие достижению того признания отдельных датских писателей в России, какое они имели на родине, анализируются причины, вызывавшие к жизни ошибочные суждения русского культурного сообщества. Дается характеристика качества переводов, являвшегося одной из основных причин «прохладного» приема некоторых произведений, пришедших из Дании. В диссертационной работе реакция русской критики начала XX в. постоянно сопоставляется с современными оценками творчества датских авторов в русском и датском литературоведении.

Объект исследования – рецепция произведений Г. Банга, К. Михаэлис, Х. Понтоппидана, Й. Йенсена, О. Рунга, Й. Йоргенсена, опубликованных в России, русской критикой 1900-1910-х гг.

Предмет исследования – формирование сферы межлитературных русско-датских связей в русской критике начала XX в. с учетом культурно-исторического контекста, реализуемой в разнообразных жанровых модификациях.

Материалом исследования стали как произведения датских авторов (Германа Банга, Карин Михаэлис, Хенрика Понтоппидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга, Йоханнеса Йоргенсена), опубликованные в России в начале XX в., так и статьи отечественных критиков об этих работах (А. Левинсона, Ю. Веселовского, Е. Колтоновской, Л. Василевского, Н. Петровской и др.).

Цель работы – раскрытие специфики критических откликов о произведениях датской литературы рубежа XIX-XX вв. в России.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

- установить даты первых публикаций произведений датских авторов на родине и в России;
- проанализировать реакцию русской критики на опубликованные в России произведения датских авторов;
- выявить факторы, повлиявшие на популярность или невостребованность произведений того или иного датского автора в России;
- проследить эволюцию русской критики в ее отношении к переводной датской литературе рубежа XIX-XX вв.

Методологическая база исследования – комплексный исследовательский подход, включающий в себя типологический, сравнительно-исторический, биографический и описательно-аналитический методы. Был использован опыт А.Н. Веселовского, Н.И. Стороженко, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова, М.П. Алексева, Л.Я. Гинзбург, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и др.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по истории русской литературы конца XIX – начала XX в., истории русской критики этого же периода, истории датской литературы; на специальных курсах, посвященных компаративистике. Полученные в результате исследования

данные могут стать основой для комментариев или сопутствующих статей в случае публикации текстов незаслуженно игнорируемых современными издательствами ярких датских писателей 1890-1910 гг.

Апробация представленных в работе положений проводилась в формате докладов на следующих конференциях:

- 1) апрель 2012 г. Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2012». Секция «Филология» (Москва) – доклад «Герман Банг в русской критике начала 1910-х годов»;
- 2) апрель 2012 г. XV Межрегиональная научно-практическая конференция (Апатиты) – доклад «Произведения Йоханнеса Йоргенсена в России в переводах Анатолия Доброхотова» (заочное участие);
- 3) сентябрь 2012 г. Международная научная конференция «Поэтика быта: Русская литература XVIII-XXI вв.» (Гиссен, Германия) – доклад «Изображение повседневной жизни женщины в романе Карин Михаэлис “Опасный возраст”: реакция критики и читателей в России»;
- 4) сентябрь 2012 г. XIV Международная научная конференция «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, Белоруссия) – доклад «Мотив “неприятя смерти” в творчестве русских и зарубежных писателей (генетические и типологические схождения)»;
- 5) октябрь 2012 г. V Международная научная конференция РАИЖИ, приуроченная к Году российской истории «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (Тверь) – доклад «Оценки романа Карин Михаэлис “Опасный возраст” в России: “клевета” или манифест женского движения?»;
- 6) апрель 2013 г. Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2013». Секция «Филология» (Москва) – доклад «Йоханнес В. Йенсен в русской критике начала XX в.»
- 7) октябрь 2013 г. Международная научная конференция «Тенденции и перспективы развития гуманитарных наук» (Кутаиси, Грузия) – доклад

«Освещение творчества Хенрика Понтоппидана в русской критике начала XX века» (заочное участие);

- 8) октябрь 2013 г. Международная научная конференция «Россия и Скандинавия: литературные взаимодействия на рубеже XIX – XX веков» (Москва) – доклад «Творчество Карин Михаэлис в зеркале русской критики Серебряного века»;
- 9) декабрь 2013 г. XI Поспеловские чтения (Москва) – доклад «Интерпретация романа Хенрика Понтоппидана “Счастливчик Пер” в русской критике»;
- 10) апрель 2014 г. Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2014». Секция «Филология» (Москва) – доклад ««Северные сборники издательства “Шиповник”» и «Фиорды»: реакция русской критики начала XX века».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений. Данная структура обусловлена поставленными задачами и спецификой выбранной методологии. Во Введении дается характеристика культурно-литературной ситуации в России начала XX в., отмечается «бум» скандинавской литературы в целом и датской в частности, описываются сборники северных писателей, благодаря которым многие авторы впервые появлялись в России, дается краткая характеристика датских литераторов (Банг, Михаэлис, Понтоппидан, Йенсен, Рунг, Йоргенсен), чье творчество анализируется в связи с откликами русской критики в основном тексте диссертационного исследования. Также во введении формулируются цели и задачи диссертации, раскрывается ее научно-практическая значимость.

В первой главе диссертационной работы исследования представлена характеристика творчества Банга в отечественном и зарубежном литературоведении, проведен анализ откликов на его произведения в России начала XX в. Обращение к архивным данным позволило раскрыть ранее не изученные теплые дружеские отношения датского писателя с русскими литераторами – О. Дымовым и О. Мельником. Также в первой главе диссертации проанализированы отклики на приезд писателя в Москву, опубликованные в

отечественной печати. Отмечается постепенное улучшение отношения к творчеству датского автора, популярность которого в России возросла уже во время его лекций в столице, а после его неожиданной смерти в 1912 г. почти в каждом издании, имевшем литературно-критический отдел, появились некрологи о Банге. В главе отмечается и обратная сторона такого всплеска популярности: произведения Банга после его гибели перестают интересовать критиков, что и демонстрируется при анализе откликов 1912-1917 гг. Особое место в первой главе отведено исследованию параллелей между творчеством датского писателя и отечественных литераторов, также дан анализ пьесы Мейерхольда, созданной по мотивам рассказа Банга, «Короли воздуха и Дама из ложки».

Во второй главе рассматривается творчество знаменитой датской писательницы Карин Михаэлис сквозь призму русской критики начала XX в. Дается общая характеристика настроений общества того времени: обсуждение «женского вопроса», появление женских обществ, самообразование и иная реализация творческого потенциала женщин-писательниц и критиков. Подробное раскрытие социокультурной ситуации объясняет возникновение благоприятной для дебюта датчанки почвы, поскольку в центре ее творчества всегда находились проблемы женской психологии, брака и взаимоотношений с мужчинами в целом. Основное внимание уделено откликам критики на самое резонансное произведение Михаэлис «Опасный возраст», принесшее ей мировую известность. Не остаются без внимания и другие ее работы, подтверждающие, что на протяжении 20 лет в России имел место непрекращающийся интерес к ее творчеству. В конце главы проводится сопоставление произведений датской писательницы и русских авторов по типологическим и генетическим признакам.

В третьей главе представлена реакция русской критики на четырех авторов, которые, несмотря на популярность в большинстве европейских стран, не смогли получить достойного признания русских читателей. Выделяются причины, которые помешали Понтопидану, мощно развивавшему в своем творчестве религиозную составляющую, приблизиться по популярности к Бангу, хотя его роман «Счастливчик Пер» был принят очень благожелательно. Публикации не

менее знаменитого Йенсена, несмотря на все его достижения в литературном творчестве, также не ввели его в «пантеон» почитаемых в России авторов. Также в третьей главе рассматриваются точки зрения рецензентов на творчество Рунга и Йоргенсена. Выявляются факторы литературного и внелитературного содержания, которые могли помешать иностранным авторам стать в России такими же знаменитыми, какими они были на родине.

В главах отмечается роль критики в популяризации датской литературы в России в начале XX в., а также тот важный вклад, который внесли издатели «Северных сборников» и «Фиордов», удачных издательских проектов, в формирование определенного ряда писателей Дании, ставших известными русскому читателю.

В Заключении представлены основные выводы исследования, намечены перспективы дальнейшего изучения рецепции датской литературы в России.

В двух Приложениях приводятся сопоставительные таблицы времени публикации произведений Банга и Йенсена на родине и в России, так как до настоящего диссертационного исследования хронология их издания на русском языке не была представлена в полной мере.

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в десяти публикациях, три из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК:

- 1) Роман Карин Михаэлис "Опасный возраст": рецепция в России / А.А. Ляпина, М.В. Михайлова // Вестник Московского университета: Сер. 9: Филология. 2013. № 2. С. 76-85. (журнал, рекомендованный ВАК).
- 2) Интерпретация Вс. Мейерхольдом рассказа Г. Банга «Четыре беса»: мелодрама «Короли воздуха и Дама из ложи» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 2. М.: ЦМО МГУ, 2013. С. 100-104. (журнал, рекомендованный ВАК).
- 3) Герман Банг: рецепция личности и творчества в русской критике // Дискуссия. 2013. № 11 (41). С. 152-156. (журнал, рекомендованный ВАК).

- 4) Мотив «неприятия смерти» в творчестве русских и зарубежных писателей (генетические и типологические схождения) // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст. В 3 ч. Ч. 3 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 160-163.
- 5) Герман Банг в русской критике начала 1910-х годов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
- 6) Йоханнес В. Йенсен в русской критике начала XX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
- 7) «Северные сборники издательства “Шиповник”» и «Фиорды»: реакция русской критики начала XX века // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2014. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
- 8) Освещение творчества Хенрика Понттоппидана в русской критике начала XX века // International Scientific Conference “Modern Interdisciplinarity and Humanitarian Thinking”. Kutaisi: Akaki Tsereteli State University, 2013. С. 396-401.
- 9) Оценки романа Карин Михаэлис «Опасный возраст» в России: «клевета» или манифест женского движения? // Женщины и мужчины в контексте

исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. С. 311-314.

- 10) Произведения Йоханнеса Йоргенсена в России в переводах Анатолия Доброхотова // XV Межрегиональная научно-практическая конференция (17-19 апреля 2012 г.). Тезисы докладов. Часть 2. Апатиты: Изд. КФ ПетрГУ, 2012. С. 119-120.

Также несколько публикаций готовятся к печати (Изображение повседневной жизни женщины в романе Карин Михаэлис «Опасный возраст»: реакция критики и читателей в России // Гиссен, Германия, сборник «Поэтика быта: Русская литература XVIII-XXI в.», готовится к печати; Творчество Карин Михаэлис в зеркале русской критики Серебряного века // Москва, (ИМЛИ), сборник «Россия и Скандинавия: литературные взаимодействия на рубеже XIX – XX вв.», готовится к печати; «Вереница теней» Отто Рунга: интерпретация в России // Вестник САФУ (рекомендован ВАК), готовится к печати; Герман Банг и Всеволод Мейерхольд: история создания одной пьесы // Современная драматургия, готовится к печати).

Общий объем работы – 204 с. Библиографический список включает 326 источников.

ГЛАВА 1. ГЕРМАН БАНГ: РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ

Творчество датского писателя Германа Банга (Herman Bang), создававшего свои произведения на стыке реализма и импрессионизма, стало новым этапом не только в датской литературе (он стал одним из представителей «движения прорыва» на родине), но и во всей Европе. Однако в России, активно интересовавшейся иностранными новинками, его работы, несмотря на многочисленные издания, личное знакомство со многими русскими литераторами и близость творческих установок, не оставили заметного следа в истории литературы. В данной главе представлен анализ причин, из-за которых писатель оказался достаточно быстро забытым русскими читателями.

§ 1. Общая характеристика жизни и творчества Г. Банга

Многие зарубежные исследователи считают творчество датского писателя рубежа XIX – начала XX века Германа Банга⁴² (1857-1912) одним из лучших достижений литературы Дании своего времени. В своих произведениях автор сочетал психологические реалистические зарисовки с импрессионистическим стилем повествования, уделяя особое внимание деталям – случайным оборотам речи персонажей, их движениям и едва уловимым изменениям действительности. Благодаря обилию диалогов и действия ему удавалось в своих романах и рассказах создавать «эффект присутствия» - как будто события разворачиваются прямо на глазах у читателя. Некоторые западные исследователи называли эту технику «кинематографичной»⁴³, что не лишено оснований, так как Банг активно интересовался достижениями техники кино, а также потому, что одна из его новелл «Четыре черта» (“Les quatre diables” / “De Fire Djævle”, 1896) смогла стать

---

⁴² В некоторых отечественных исследованиях используется иной вариант написания имени датского писателя – Херман Банг, однако в данной работе будет применяться имя Герман как более часто встречаемое в переводах и статьях о его творчестве.

⁴³ Nunnally T. About the author // Bang H. Katinka. Washington: Fjord Press, 1990. P. 6.

основой киноленты еще при жизни писателя, в 1911 г., и впоследствии еще несколько раз, что подтверждает ее «кинематографическую» основу. Также в 1920-1980-х гг. на киноэкранах появились постановки других произведений писателя. Узнаваемой чертой большинства его работ являются и образы главных героев – в основном, это люди, не вписывающиеся в общественные рамки, изгнанные или не принятые из-за своего характера социумом.

Герман Банг родился в 1857 г. в южной Дании в семье священника. В достаточно юном возрасте Банг остается сиротой, так как рано потерял мать, а отец остаток своих дней провел в сумасшедшем доме. Все эти события не могли не повлиять на его характер. Писатель очень рано пришел к мысли о том, что его род вырождается, что подтверждалось слабым здоровьем матери, безумием отца, его собственной нетрадиционной ориентацией. Свои переживания впоследствии Банг опишет почти с документальной точностью в первом романе «Безнадежные поколения» (“Haabløse Slægter”, 1880), который был признан скандальным и даже порнографическим из-за описания любовных сцен между юношей и женщиной старше его и изъят из печати полицией. Затем писатель часто будет обращаться к теме угасания старого рода.

Прежде чем стать писателем, Банг перепробовал множество профессий. В университете он начал обучаться юриспруденции, но вскоре он увлекся театром, мечтая стать актером. Однако это ему не удалось, и он занялся журналистикой, достаточно быстро став популярным автором вызывающих и резких, но узнаваемых по стилю заметок о жизни высшего света в Копенгагене и в провинции. При этом Банг не порывал связей с театром и литературой: он также писал небольшие критические заметки о писателях-современниках, о театральных постановках, участвовал в создании спектаклей в качестве режиссера, идейного вдохновителя и управляющего. Банг написал несколько одноактных пьес («Ты и я» (“Du og Jeg”), «Ежедневная борьба» (“Hverdagskampe”), «Пасмурная погода» (“Graavejr”) (1879-1881)), которые были поставлены в Королевском театре Копенгагена, однако успеха не имели.

В 1879 г. выходит одно из самых известных критических литературных исследований Банга – сборник статей «Реализм и реалисты» (“Realisme og realister”), обращенное к творчеству как датских (Й.П. Якобсена, Х. Драхмана, С. Скандорфа, К. Гьеллерупа, Э. Скрама и др.), так и французских писателей (О. де Бальзака, А. Дюма-младшего, Э. Золя и др.).

Постепенно критические статьи Банга о литературе становятся очень популярными, затмевая очерки самого Георга Брандеса, который до 1883 г. жил в Германии и в Дании печатался достаточно редко. Возвращение прославленного критика привело к напряженному противостоянию двух авторов на страницах газет с резкими замечаниями, например, Банга о том, что подход Брандеса «устарел»⁴⁴.

Написанный в 1883 г. роман «Графиня Урнэ» / «Федра» (“Fædra”, 1883) также не был принят публикой во многом из-за образа главной героини, употребляющей алкоголь и морфий.

Чувствуя обиду на датскую публику, Банг решает в 1885 г. уехать из страны и переезжает в Берлин, откуда он вскоре был вынужден уехать из-за едкой заметки о семье кайзера. Он перебирается в Майнинген, Вену, а позднее в Прагу.

Именно к 1885-1886 гг. относится серьезное признание датской и европейской публикой творчества писателя, и уже повесть «У дороги» (“Ved vejen”, отдельно опубликована в 1898 г.) (из сборника «Странные рассказы» (“Stille Eksistenser”, 1886)) имела оглушительный успех. Именно в этом произведении писатель отходит от реализма, обращаясь к импрессионистической манере, чтобы передать «мгновенное впечатление» от происходящего. Норвежский исследователь Ю. Борген так описывает эту особенность: «У Банга все впечатления даются в какой-то магической одновременности: любящий взгляд... дорога, на ней вздымающаяся пыль... и – в то же мгновение – артиллерийская канонада...»⁴⁵. Сам писатель в письме своему другу Питеру

---

⁴⁴ Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. København: Gyldendal, 2009. S. 192.

⁴⁵ Борген Ю. «Тине» Германа Банга – к столетию описываемых в романе событий // Борген Ю. Слова, живущие во времени. Статьи и эссе. Пер. с норв. М.: Радуга, 1988. С. 181.

Нансену так описывал произошедший в его творчестве переворот: «Я прилагаю все свои силы, чтобы зафиксировать впечатление, каждое впечатление точно, тщательно и полно, и я никогда не думаю о цельности»⁴⁶ [перевод мой. - А.Л.].

Из Праги Банг возвращается на родину, где в 1889 г. выходит его новый роман «Тине» (“Tine”), неоднозначно встреченный публикой и критикой, которая не приняла импрессионистичную манеру повествования. Скандальной была и тема романа – позорное поражение Дании 1864 г. в войне с Пруссией и Австрией, на фоне которого разворачивается история любви.

Книги Банга в 1880-е гг. продавались плохо, и, несмотря на колоссальный объем работ (журналистика, литературная критика, театральные постановки и т.д.), писатель ощущал недостаток денег, заглушая нужду алкоголем, морфием и опиумом. Поэтому неудивительно, что в 1891 г. он предпринимает попытку самоубийства, однако врачам удалось его спасти.

После этого Банг вновь решает покинуть не расположенную к нему Данию и в начале 1890-х гг. переезжает в Париж, где в театре Эвр руководит постановками многих спектаклей. Именно во Франции он начинает чувствовать себя востребованным. Банг оставил о себе восторженное воспоминание: «Он облагородил наш театр, заразительность его уроков чувствовали все», «В нем горел необыкновенный огонь», «Банг щедро тратил самого себя...»⁴⁷.

Именно после триумфальных постановок Ибсена в Париже Банг чувствует новый прилив сил и пишет «Роман больничной сиделки» / «Роман сестры милосердия» / «Холм Людвига» / «Усадьба Людвигсбакке»⁴⁸ (“Ludvigsbakke”, 1896) по мотивам своего пребывания в госпитале Копенгагена в 1891 г. И теперь датская критика встретила произведение очень благожелательно, были даже переизданы предыдущие романы. Таким образом, подлинное открытие Банга на родине состоялось лишь в конце 1890-х гг.

---

⁴⁶ Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. København: Gyldendal, 2009. S. 208.

⁴⁷ Люнье-По О.М. Парад. Театральные воспоминания и впечатления (фрагменты из книги) // Искусство режиссуры за рубежом. Первая половина XX века. Хрестоматия / Отв. ред. Л.И. Гительман. СПб.: Чистый лист, 2004. С. 73.

⁴⁸ Разные варианты переводов в изданиях произведений Германа Банга и критической литературы о нем в России.

В 1898 г. Банг публикует роман «Белый дом» (“Det Hvide Hus”), а в 1901 г. – «Серый дом» (“Det Grå Hus”), своеобразное продолжение первого произведения. В начале XX в. Банг – уже признанный датский писатель с изданным собранием сочинений, который переводится на разные европейские языки, участвует в постановках Королевского копенгагенского театра, публикует авторитетные статьи в уважаемых журналах. Его последними завершёнными романами, помимо многочисленных рассказов и новелл, стали «Микаэль» (“Mikaël”, 1904) и «Без родины» (“De uden Fædreland”, 1906).

Но несмотря на известность и достаточную обеспеченность, Банг не мог чувствовать себя спокойно в Дании: из-за нетрадиционной ориентации ему часто приходилось общаться с полицией, критики разбирали его поведение, а не произведения. Во многом это стало причиной предпринятого датским писателем кругосветного путешествия, в ходе которого Банг успел посетить Россию, Польшу, Германию и США. Он планировал побывать в Японии, Китае, Индии, Египте и Италии, однако скоропостижно скончался в небольшом городе Огден, штат Юта, США. До сих пор его смерть остается загадкой, так как внятных причин, почему писатель потерял сознание в поезде и больше не пришел в себя, не было названо.

В течение всей своей жизни Банг сталкивался с насмешками и непониманием как его личной жизни, так и его творчества. Все это привело к постепенному усилению в последних произведениях мотивов безысходности, опустошенности и пониманию жизни как лишенной смысла.

§ 2. История публикаций произведений писателя в России

Россия открыла для себя этого незаурядного писателя довольно поздно. На родине Банг уже более четверти века печатал свои произведения, однако в России он появился именно тогда, когда состоялось его повторное и более успешное «открытие» в Дании и других европейских странах. Первая публикация его произведения в России относится к 1904 г., когда в брошюре «Рассказы для чтения в наших скорых поездах» был опубликован его малоизвестный рассказ

«Сон в летнюю ночь»⁴⁹. Откликов на это произведение не последовало, что во многом объясняется типом издания, а также составом авторов сборника: в основном, это была «бульварная» проза, в которой не самый удачный рассказ писателя затерялся.

После этой публикации произведения Банга начинают переводить на русский язык, и во многом это связано с тем, что в конце 1900-х гг. Россия проявляет интерес к скандинавской литературе. Публикация нескольких книг «Северных сборников» ярко обозначила зарождение моды на северный колорит. В семи томах этого издания появились такие всемирно известные авторы, как Серен Киркегор (книга 4), Кнут Гамсун (книга 2), Август Стриндберг (книга 5) и многие другие. И в первую же книгу этих сборников (1907) были включены новеллы Банга «Четыре черта» и «Ее высочество» в переводе Ф. Сологуба. Эти небольшие, но яркие запоминающиеся произведения и публикация в популярном сборнике мгновенно сделали датского писателя известным и любимым в России⁵⁰.

В 1908 г. выходит следующее произведение Банга – роман «Белый дом», а в следующем году начинается издание его собрания сочинений (трехтомное – в издательстве «Современное творчество» (1909-1910), десятитомные – в «Современных проблемах» (1910-1913) и «Изданиях В.М. Саблина» (1910-1911)). Также к его произведениям активно обращаются и другие издательства («Польза», «Универсальная библиотека», «Современные проблемы», «Хронос» и др.).

К 1912 г. большинство написанных Бангом художественных произведений было переведено на русский язык и опубликовано, и этот датский писатель стал известен и любим в России не меньше, чем на родине и во всей Европе.

После смерти Банга в 1912 г. публикации его произведений становятся менее частыми (во многом в связи с тем, что это были лишь переиздания и новые переводы уже напечатанных в России произведений), однако до 1917 г. его рассказы и романы постоянно появляются на страницах книг, журналов и газет.

---

⁴⁹ Банг Г. Сон в летнюю ночь // Рассказы для чтения в наших скорых поездах. СПб.: Энергия, 1904. С. 1-9.

⁵⁰ Подробный сопоставительный анализ публикаций Германа Банга в Дании и России см. в Приложении 1.

После революции издание рассказов и некоторых романов Банга продолжается, до 1930-х гг. несколько раз печатается, например, его самый популярный в России рассказ «Четыре дьявола». Однако в 1930-е гг. ажиотаж вокруг его творчества постепенно затихает, а его новое «открытие» происходит в 1960-е гг. в рамках нового всплеска интереса к скандинавской литературе.

§ 3. Русская критика Серебряного века о творчестве и жизни Г. Банга

§ 3.1. Русская критика начала XX в. о его творчестве

На первое произведение писателя в России откликов не последовало, однако именно в 1904 г. появилась первая статья, посвященная одному из его романов – «Микаэль». Этот роман еще не был переведен на русский язык, и датчанин А. Маделунг⁵¹, приглашенный в журнал «Весы» лично В.Я. Брюсовым «в качестве посредника между русскими читателями и датской литературой»⁵², впервые представил своего соотечественника русскому читателю на страницах этого журнала. Уже в первой рецензии критик попытался кратко очертить творческий путь писателя (за 25 лет творческой деятельности Бангом написано более 30 произведений), раскрыть основные особенности творчества («стремится к абсолютной точности выражения», «верит в душу слов», «простирает руки к откровению»)⁵³. В 1904 г. не только в Дании, но и за ее пределами стало понятно, что Банг – «один из самых выдающихся романистов северных стран», что и отмечает Маделунг в первых строках своей рецензии. После общей

---

⁵¹ Ааге (Oge, Аггей Андреевич) Маделунг впервые приехал в Россию в 1897 г. как экспортер масла. В Вологде он встретился с находившимся в ссылке А.М. Ремизовым, который познакомил его с выдающимися произведениями русской литературы (Письма А.М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Копенгаген: Rosenkilde and Bagger, 1976. 80 с.). После этого Маделунг принимает решение остаться в России и писать рассказы по-русски (один из его рассказов «Сансара» был раскритикован В.Я. Брюсовым, однако опубликован) (Валерий Брюсов и его корреспонденты. В двух книгах. Т. 98. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 220; Ремизов А. Москва // Новоселье. 1949. № 39-41. С.14). В 1904 г. В.Я. Брюсов вводит его в редколлегию журнала «Весы» и предлагает знакомить читателей с иностранной литературой. Уехав из России, Маделунг стал на родине известным писателем, однако не порвал связей с Россией. Он переписывался с А. Ремизовым, а также, по воспоминаниям писателя и революционера Б. Савинкова, в 1907 году помогал ему скрываться от полиции: «Маделунг спрятал меня в Копенгагене у своих родителей. <...> В сопровождении Маделунга я выехал из Копенгагена, но не прямо в Германию, а сперва в Швецию, в г. Гетеборг, а оттуда в Берлин» (Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010.shtml).

⁵² Валерий Брюсов и его корреспонденты. В двух книгах. Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 177.

⁵³ Маделунг А. Herman Bang. Mikaël. Nordisk Forlag. Köbenhavn-Kristiania, 1904 // Весы. 1904. № 8. С. 57.

характеристики творчества критик переходит к отрывочному пересказу сюжета романа «Микаэль» с цитатами, которые, однако, не позволяли русскому читателю, не знакомому с текстом романа, понять все богатство этого произведения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что и первая публикация произведения Банга в России, и первая статья о его творчестве, появившиеся в 1904 г., остались незамеченными и не способствовали дальнейшему продвижению переводов его книг.

Известность пришла к Бангу в России в 1907 г. после публикации его новеллы «Четыре беса». На этот выпуск «Северных сборников» последовало множество рецензий, в основном одобрительных, и достаточно часто критики в своих статьях останавливались именно на этом ярком произведении. Следует отметить, что в первой книге «Северных сборников» была опубликована еще одна новелла Банга – «Ее высочество», однако критика обошла ее своим вниманием. Возможно, причина кроется в контрастной природе напечатанных произведений писателя. Если «Четыре беса» насыщены действием, напряженными переживаниями, трагическими поворотами действия, то «Ее высочество» – лишенная внешних эффектов новелла, описывающая глубинные переживания принцессы, вынужденной в течение всей своей жизни скрывать их от своего окружения. На фоне первой динамичной новеллы вторая выглядела бледно, и, видимо, поэтому рецензенты ее проигнорировали. Несколько статей «Северным сборникам» посвятила критик Е. Колтоновская. Она называла «Четыре беса» «очень типичной»⁵⁴ для Банга новеллой. Как и многие рецензенты второй половины 1900-х гг., она стремилась выявить причины скандинавского «прорыва» в литературной сфере, выделяя два аспекта: «большой искренний интерес к <...> глубоким и таинственным источникам человеческого духа и в то же время тесную органическую связь человека с матерью-природой»⁵⁵. Творчество Банга, по мнению критика, обладает этими особенностями и великолепно раскрывает их: «Причина <...> – в большой непосредственности и

---

⁵⁴ Колтоновская Е. Скандинавские модернисты // Образование. 1909. № 3. С. 41.

⁵⁵ Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 1. СПб., 1907 // Образование. 1907. № 10. С. 79.

душевной молодости, <...> [его] устами с нами как бы говорит сама жизнь»⁵⁶. Е. Колтоновская одной из первых дала краткую, но очень верную характеристику творчества Банга, основываясь на анализе всего лишь одного произведения: «Всеисчерпывающая глубина и яркость анализа, при необыкновенной простоте его»⁵⁷. Также ею была затронута проблема перевода, некачественное исполнение которого нередко искажало смысл подлинника. Однако работа Ф. Сологуба заставила критика надеяться на улучшение ситуации, так как тот сумел «уловить не только основные черты своеобразного датского психолога страсти», что говорило о «несомненном душевном сродстве между автором и переводчиком»⁵⁸.

Темой произведения Е. Колтоновская назвала «роковую романтическую любовь в пламени современной нервической страсти»⁵⁹. Сюжет новеллы таков: четыре цирковых акробата выступают под куполом, выполняя рискованные номера. Двое членов труппы симпатизируют друг другу, однако юноша влюбляется в знатную даму, присутствующую на выступлениях, впоследствии она отвечает ему взаимностью. Гимнастка, одолеваемая ревностью, на одном из выступлений намеренно срывается из-под купола и увлекает за собой любимого. Достаточно мелодраматический сюжет под пером Банга обрел психологическую глубину. Он раскрыл внутреннее состояние героев, обрисовал обстановку. Но главным при этом «двигателем» всего действия явилась «страсть <...> как основа жизни и ее владычица»⁶⁰.

В этой же рецензии Колтоновская указывает на сходство датских и отечественных писателей: «Они сосредотачиваются исключительно на анализе современной интеллигентской психологии и разных проблем духа, больше всего проблемы любви», среди наиболее близких скандинавам она назвала С.Н. Сергеева-Ценского, К.Д. Бальмонта и О. Дымова.

---

⁵⁶ Колтоновская Е. Северные сборники. С. 80.

⁵⁷ Колтоновская Е. Северные сборники. С. 80.

⁵⁸ Колтоновская Е. Северные сборники. С. 80.

⁵⁹ Колтоновская Е. Рец. на: Г. Банг. Четыре беса в «Северных сборниках», кн. 1 // Колтоновская Е. Критические статьи. Изд. 2-е. СПб.: Самообразование, 1911. С. 230.

⁶⁰ Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 1. СПб., 1907. С. 80.

Таким образом, уже в первом обстоятельном анализе творчества Банга (хотя и на основе одного произведения) критиком были выявлены те аспекты его художественной манеры, которые позже привлекут внимание и других рецензентов: глубокий психологический анализ, интерес к теме любви как всепоглощающей страсти, искренность изложения и т.д.

По «Северным сборникам» с творчеством Банга познакомился и А. Блок, и в «Литературных итогах 1907 года» он указал, какие писатели произвели на него наибольшее впечатление. Это К. Гамсун, А. Стриндберг, С. Лагерлеф, Г. Банг, П. Якобсен, О. Гансон⁶¹. О том, что порядок перечисления имен был важен, напомнил Вяч. Иванов в статье «Блок и Стриндберг»⁶². Действительно, имя Банга стоит четвертым в этом списке после писателей, популярных и известных в России уже много лет.

О том, что творчество Банга не было безразлично Блоку, свидетельствуют следующие косвенные факты, хотя отдельных работ о творчестве датского писателя у него нет. Но Блок смотрел кинофильм «Четыре черта» по мотивам новеллы Банга «в кинематографе на Среднем проспекте»⁶³, а также он сохранял заметки и вырезки из газет о смерти датского автора⁶⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Банг своим первым произведением, опубликованном в авторитетном издании, обратил на себя внимание не только критиков и простых читателей, но и известных художников слова.

В 1907 г. в России появилась еще одна статья о творчестве Банга, опубликованная в очерках, написанных немецким литературным критиком Ф. Поппенбергом⁶⁵. А в 1911 г. при переиздании новеллы «Четыре дьявола» акционерным обществом типографского дела в Санкт-Петербурге в качестве

---

⁶¹ Блок А. Литературные итоги 1907 года // Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. Проза 1903-1917. М.-Л.: Художественная литература, 1962. С. 221.

⁶² Иванов Вяч. Вс. Блок и Стриндберг // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. М.: Наука, 1993. С. 402.

⁶³ Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Автобиография. Дневники. М.-Л.: Художественная литература, 1963. С. 80.

⁶⁴ Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Автобиография. Дневники. С. 422.

⁶⁵ Поппенберг Ф. Герман Банг // Европейская литература в ее главных представителях. Северные писатели. Герман Банг – Кнут Гамсун – Густав Гейерстам. Критико-биографические очерки Ф. Поппенберга под ред. проф. Г. Брандеса с приложением образцов произведений. Пер. М.Н.Т. под ред В.В. Битнера. СПб.: Вестник знания, 1907. С. 3-12.

предисловия была использована эта же переводная статья, которая, однако, была посвящена другому сборнику повестей датчанина «Под ярмом», никогда не включавшему новеллу «Четыре дьявола». Подобная редакторская небрежность выглядит даже несколько комичной, так как в достаточно объемном предисловии (17 страниц) нет ни одного упоминания о произведении, которому предпослано предисловие. В этой статье Ф. Поппенберга представлен подробный и обстоятельный анализ лишь одного сборника новелл с краткими обращениями к наиболее известным романам Банга. При этом даже названия произведений остались непроверенными: так, например, роман “Stuk” в 1911 г. был издан в России под названием «Погибшие мечты», однако в статье как в 1907, так и в 1911 г. он называется «Штук».

Тем не менее, в этом развернутом очерке встречается несколько очень ценных замечаний о стиле писателя («кисть его сурова и резка», «горький иронический смех», «его <...> занимает <...> трагедия тех, кто живет в пустоте и отупении»⁶⁶). Также именно в статье Ф. Поппенберга впервые возникает сопоставление творчества Г. Банга и А.П. Чехова, так как оба автора стремятся «представить жизненные явления как действия заведенного автомата», при этом немец отдает предпочтение датскому автору: «Чехов скользит на поверхности, у Банга же раскрываются глубины и перспективы»⁶⁷. Сопоставление датчанина и русского писателя после этой статьи Поппенберга будет переходить из рецензии в рецензию («“Белый дом” – это “Вишневый сад” Банга»⁶⁸, «И, как Чехов, скорбел красиво и трогательно Банг...»⁶⁹).

Также именно Поппенбергу принадлежит первое замечание о стилистической манере Банга – о его стремлении к эпизодичности, незаконченности сцен и желании несколько утрировать черты второстепенных

---

⁶⁶ Поппенберг Ф. Герман Банг // Банг Г. Четыре дьявола. СПб.: Издание акционерного общества типографского дела в Санкт-Петербурге, 1911. С. 3.

⁶⁷ Поппенберг Ф. Герман Банг. С. 6.

⁶⁸ Левинсон А. Герман Банг. Очерк // Современный мир. 1907. № 11. С. 37.

⁶⁹ Герман Банг (Некролог) // Русские ведомости. 1912. № 15. 19 января. С. 6.

героев: «Такое впечатление производит жизнь на Банга – бессмысленной, вертящейся, торопливой гонки, пружины которой неведомы»⁷⁰.

Таким образом, в 1907 г. русский читатель в основном из зарубежных рецензий мог получить разношерстную информацию об особенностях творчества датского писателя.

Однако и отечественные критики в 1907 г. отреагировали на публикации датского автора. Одним из первых русских рецензентов его произведений стал Андрей Левинсон, продемонстрировавший хорошее знакомство с его творчеством («Безнадежные поколения», «Тине», «При дороге» («У дороги»), «Графиня Урнэ» и др.), несмотря на то, что к тому времени было переведено не слишком много его творений. Как важнейшую скрепу в творчестве писателя критик отметил мотив памяти, «область воспоминаний, призрачных пережитков минувшего»⁷¹. Также отличительной чертой Банга Левинсон посчитал «утонченно-лаконическую образность импрессионизма»⁷² и стремление сделать рассказ «жизненным», вводя большое количество действующих лиц. Очевидно, что эта статья опиралась на иностранные рецензии, так как мысли, высказанные в ней, созвучны с общеевропейскими характеристиками Банга, однако все же они были пропущены через мировоззрение русского критика. Поэтому следует считать, что к 1907 г. русские читатели могли ознакомиться с мнениями иностранной и русской критики о произведениях датского автора.

В 1908 г. появляется рецензия о «Романе больничной сиделки» («Ludvigsbakke»). К тому времени это произведение не было переведено на русский язык, поэтому анонимный критик Р. М-ч обращается к немецкой версии романа. Сюжет книги достаточно прост, как и во многих других сочинениях Банга: бедная девушка Ида Брандт, не найдя своего места в жизни, поступает в сумасшедший дом медсестрой. Там она встречает бухгалтера Карла Эйхенбаума, с которым была знакома, когда жила в родном поместье Людвигсбакке (Холм Людвиг). Между молодыми людьми зарождается взаимное чувство, однако Карл

---

⁷⁰ Поппенберг Ф. Герман Банг. С. 20.

⁷¹ Левинсон А. Герман Банг. Очерк. С. 37.

⁷² Левинсон А. Герман Банг. Очерк. С. 41.

знакомится с богатой девушкой Кэт Мурье и женится на ней, так как выгодный брак позволит ему купить поместье, мечтой о котором он делился в разговорах с Идой.

Как яркую особенность этого романа критик отметил «иллюзию подлинной живой жизни», возникающую благодаря сочетанию «перспективы» с «интимностью близких переживаний»⁷³. В качестве «истинного героя романа» он выделил «все побеждающее, все увлекающее за собой» – «барское имение»⁷⁴. Этот образ пронизывает все произведение, он является сюжетообразующим компонентом: из-за Людвигсбакке сближаются Ида и Карл и из-за него же расстаются.

Ценность этой статьи состояла еще и в том, что она вводила русского читателя в контекст литературного развития Европы: так, рецензент сообщал, что «яркого представителя импрессионистической школы в современной датской литературе»⁷⁵ Банга давно знают в Европе, но этот роман, написанный в 1890-е гг., в Германии был издан лишь в 1908 г.

Кроме того, эта статья содержала обстоятельный (в 2,5 страницы) пересказ романа, культурно-исторические сведения и суждения о художественной ценности произведения и, несомненно, способствовала появлению других произведений датского автора на русском языке.

Сам «Роман больничной сиделки» (или в другом переводе «Роман сестры милосердия») первый раз был переведен в 1910 г., впоследствии несколько раз переиздавался в разных издательствах. Название было взято из немецкого варианта “Ludwigshöhe. Roman einer Konderpflegerin”, а само название поместья было исключено из заголовка, хотя оно играет немаловажную роль в повествовании.

На опубликованное на русском языке произведение последовало несколько рецензий, и некоторые из них содержали не слишком восторженные отзывы. Так,

---

⁷³ М-ч Р. Рец. на Герман Банг. Herman Bang – Ludwigshöhe. Roman einer Konderpflegerin. Berlin, 1908 (S. Fiischer) // Образование. 1908. № 8. С. 88.

⁷⁴ М-ч Р. Рец. на Герман Банг. С. 88.

⁷⁵ М-ч Р. Рец. на Герман Банг. С. 87.

критик М. Новикова, сопоставляя психологические зарисовки Кнута Гамсуна и Банга, отдает предпочтение первому. По ее мнению, датчанин «утомляет глаз мелькающими изломами линий, кричащей дисгармонией случайных оттенков..., фабула путается...»⁷⁶. Новикова делает следующий вывод: «Книга Банга читается с трудом, ни одной минуты не возбуждая не только глубокого интереса, но даже <...> чисто внешнего любопытства...»⁷⁷. Ясно, что при этом сопоставлении критик совершенно не учитывает различия в стилях и художественных установках писателей, так как Банг намеренно вводил в свои произведения множество персонажей, чтобы передать жизнь, «как она есть», и это было одним из основополагающих принципов его творчества.

Мысль Новиковой о том, что роман «чужд каких-нибудь внешних эффектов», воспроизводит «обыденную серенькую жизнь»⁷⁸, продолжает критик «Московских ведомостей», который, однако, в конце статьи заметил, что вышеперечисленные характеристики не являются недостатками и «не мешают роману быть интересным»⁷⁹. Подобный вывод не подтверждался выдержками из романа, поэтому выглядел несколько необоснованным и не раскрывал внутреннего содержания произведения.

Наиболее подробная и основательная характеристика русской версии «Романа сестры милосердия» принадлежит поэту, прозаику, критику В. Гофману, который незадолго до своей гибели посвятил этому произведению статью. Он отталкивался от мнения многих читателей этого романа: «Какие-то отрывочные, бесцветные, бессодержательные разговоры <...> серая мелкая жизнь, пошлкое прозябание, не расцвеченное ничем. Кому это нужно? Зачем об этом говорить?»⁸⁰ – и в итоге опровергал его. Признавая, что книгу временами скучно читать, критик указывал, что это прием, намеренно использованный автором: «Нужно

---

⁷⁶ Новикова М. Рец. на Банг, Герман. Собр. соч. Роман сестры милосердия. Пер. М. Лавровой. К-во «Совр. пробл.», М., 1911 // Утро России. 1911. № 231. 8 октября. С. 5.

⁷⁷ Новикова М. Рец. на Банг, Герман. Собр. соч. Роман сестры милосердия. С. 5.

⁷⁸ Новикова М. Рец. на: Банг, Герман. Собр. соч. Роман сестры милосердия. С. 5.

⁷⁹ Н. Герман Банг. Полное собрание сочинений. Том VII. Роман больничной сиделки. Изд. В.М. Саблина. 345 стр. М., 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1911. № 280. 7 декабря. С. 4.

⁸⁰ Гофман В. Рец. на: Герман Банг. Роман сестры милосердия. Собрание сочинений, т. VI. Перевод М. Лавровой. К-во «Современные проблемы». Москва, 1910. Ц. 1 р. 25 к. // Новая жизнь. 1911. № 7. С. 269.

понять Банга. Его книга – это жизнь, не прикрашенная, не акцентированная, без курсивов и иллюминации»⁸¹, то есть как раз выделяет то, к чему стремился писатель, – изображать жизненную правду. Таким образом, критик тонко уловил, что намеренное отсутствие каких-либо «эффектов и украшений, всех возможностей выдумки или уловок искусственности»⁸² является сознательным художественным решением. И несмотря на то что Гофману такая манера не близка, он считает ее «стенографической»⁸³, критик не может не отдать должное мастерству исполнения замысла.

Таким образом, «Роман сестры милосердия» в России был встречен по-разному: некоторые критики осуждали его за отсутствие внешнего действия, занимательности, однако более внимательные рецензенты смогли осознать оригинальность задачи, поставленной перед собой автором.

В 1909 г., через год после публикации первой статьи о «Романе больничной сиделки» в русских газетах появляются переводы рецензий иностранных критиков о творчестве писателя. Это, безусловно, помогало русскому читателю ориентироваться в потоке переводной литературы и выделить место датского мастера в ней. Так, А. Элиасберг в статье «О дешевых книгах», описывая издание «Библиотеки современных романов», издаваемой С. Фишером в Берлине («самое известное из литературных издательств»⁸⁴), перечисляет авторов, опубликованных «в изящных томиках в желтом коленкоровом переплете на тонкой легкой бумаге»⁸⁵: Томас Манн, Герман Банг, Габриэль д'Аннуцио, Густав Гейерстам и др. При этом имя датского писателя упоминается раньше некоторых его более знаменитых коллег. Уже благодаря этой «перечислительной» статье можно было составить представление о месте, которое занял Банг в литературном мире Европы.

В 1909 г. в книгах двух издательств («Заря» и «Современное творчество») была опубликована статья известного датского критика Георга Брандеса о

---

⁸¹ Гофман В. Рец. на: Герман Банг. Роман сестры милосердия. С. 269.

⁸² Гофман В. Рец. на: Герман Банг. Роман сестры милосердия. С. 270.

⁸³ Гофман В. Герман Банг. Роман сестры милосердия. С. 270.

⁸⁴ Элиасберг А. О дешевых книгах // Весы. 1909. № 1. С. 104.

⁸⁵ Элиасберг А. О дешевых книгах. С. 104.

творчестве Банга в целом и о двух романах в частности – «Белый дом» и «Серый дом». Брандес пользовался огромным уважением в Европе и России⁸⁶, и его мнение о датском писателе могло оказаться решающим. Однако опубликованная в московских изданиях рецензия предназначалась для датской публики, поэтому в ней содержалось множество малопонятных иностранному читателю фактов: творчество Банга сравнивалось с произведениями Хольгера Драхмана (переводчик статьи ошибочно называет его Гомером), малоизвестного в России автора (на рубеже веков было опубликовано несколько его произведений, оставшихся незамеченными), содержалась ссылка на еще не опубликованный в России роман «Штук» («Крах» или «Погибшие мечты»), упоминались также без каких-либо комментариев фамилии почти не знакомых русской публике датских писателей: Трельса Лунда, Петера Якобсена и др. Таким образом, статья вместо разъяснений лишь вводила читателей в заблуждение, снабжая их малоактуальными сведениями.

Также из-за не слишком квалифицированного перевода и незнания предыстории вопроса читатели не могли уловить двусмысленных намеков, содержащихся в статье. Уже упоминалось о непростых отношениях Брандеса и Банга, и даже в этой статье, написанной спустя несколько лет после примирения, критик коснулся некоторых щекотливых моментов: «К писанию побудило его удивление своей собственной страшной сущностью»⁸⁷ и «для него как бы гордость быть нездоровым»⁸⁸.

Однако даже в эту несвободную от противоречий статью критик включил ряд справедливых и ценных суждений, весьма полезных для русского читателя. Так, Брандес выделил типы, характерные почти для всех произведений художника: главный герой почти всегда повторяет судьбу автора, а прототипом матерей всегда являлась мать Банга. Критик считает тему угасания рода и тему упадка после поражения в войне в 1864 г. основополагающей в творчестве

---

⁸⁶ См.: Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам / Д.М. Шарыпкин // Русские источники для истории зарубежных литератур : Сб. исследований и материалов / отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С.184-232.

⁸⁷ Брандес Г. Герман Банг // Критический альманах. Книга 1. М.: Заря, 1909. С. 125.

⁸⁸ Брандес Г. Герман Банг. С. 129.

датского писателя: «Его труды – звено в цепи тех усилий, которые делались с разных сторон», чтобы помочь «стране разобраться в новом положении после разгрома»⁸⁹.

Тем не менее, в статье есть едкое высказывание по поводу психического нездоровья Банга, о его «способности» писать стихи (по мнению критика, он только занимается «перестановкой естественного порядка слов»⁹⁰). Но в итоге Брандес делает парадоксальное заключение: «Если доктор Моро прав в своем утверждении: «гений есть невроз», то Банг – гений»⁹¹. Думается, что эта итоговая формула немало поспособствовала популярности датского писателя в России.

Идеи Георга Брандеса, высказанные в предисловии к изданию «Серого дома», развивает критик Е. Брик в статье о «Белом доме». В этом произведении, считает он, легко намечена жизнь жены и матери, которая внешне, казалось бы, наполнена событиями, однако главная героиня все время ощущает внутреннюю пустоту, собственную ненужность и часто задумывается о смерти. Рецензент отмечает «тяжелую давящую атмосферу»⁹², которой пропитан роман, как и Брандес, объясняя это обстоятельство угасанием рода и сложностями отношений людей в браке. И все же критик не может не увидеть «ясной солнечной души»⁹³ молодой женщины. Он почти дословно повторяет слова Брандеса об отношении автора к героине: «Нежными любовными чертами рисует Банг образ»⁹⁴ (ср. у Брандеса: «Описывает ее с сыновней любовью и воодушевлением»⁹⁵). При этом критик все же не повторяет выводы Брандеса. Он в отличие от датского литературоведа высоко оценивает стихотворения Банга и сожалеет, что они переведены без должного старания в то время, как «они составляют одно целое с текстом и заслуживают большего внимания»⁹⁶.

---

⁸⁹ Брандес Г. Герман Банг. С. 128.

⁹⁰ Брандес Г. Герман Банг. С. 129.

⁹¹ Брандес Г. Герман Банг. С. 129.

⁹² Брик Е. Рец. на: Герман Банг. Белый дом. Перевод Я. Сегал. Издание В.М. Саблина. Москва. 1908 // Образование. 1909. № 3. С. 74.

⁹³ Брик Е. Рец. на Герман Банг. Белый дом. С. 74.

⁹⁴ Брик Е. Рец. на Герман Банг. Белый дом. С. 75.

⁹⁵ Брандес Г. Герман Банг. С. 127.

⁹⁶ Брик Е. Рец. на Герман Банг. Белый дом. С. 75.

«Московские ведомости» продолжали следить за творчеством датчанина и в рецензии на роман «Серый дом» продублировали мысль датского критика о том, что тема угасания рода – основная в творчестве Банга, при этом было верно замечено, что символом угасания стал сам дом: «Сам серый дом, все существа, его населяющие» отжили уже «свой долгий век вместе с фамильными гербами и тяжелой старинною обстановкой»⁹⁷. Однако, восхитившись мастерством автора, критик высказал некоторое опасение по поводу изображенного в романе медленного угасания последнего представителя рода и даже прибегнул к обобщению: «Жутким холодом близкой могилы веет от этой вещи»⁹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отечественные рецензенты поначалу заимствовали часть суждений из статей зарубежных коллег о датском писателе, однако все же стремились к независимости и высказывали порой противоречащие общеевропейскому мнению идеи.

Одновременно издатели стремились познакомить русскую публику с положительными рецензиями иностранных авторов о Банге, поэтому в 1909 г. в первом томе его собрания сочинений были опубликованы выдержки из иностранных газет, посвященные его произведениям. Первая из них относилась к роману «Тине», описывавшему трагедию маленьких людей на фоне Австро-пруско-датской войны 1864 г. Но цитата из статьи швейцарской газеты “*Berner Bund*” содержала лишь хвалебные восклицания, касающиеся «глубокого, потрясающего трагизма, который так часто на протяжении романа заставляет содрогаться наше сердце»⁹⁹. Эта характеристика носила, скорее, рекламный характер и не предлагала анализа произведения, однако позволяла почувствовать настроение европейской публики.

Выдержка из немецкой газеты “*Berliner Tageblatt*” представляла собой столь же эмоциональный восторженный отзыв. Он касался романа из жизни парижских

---

⁹⁷ Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том IX. Серый дом. Летние развлечения. Пер. Е. Барсовой и М. Розенфельд. Изд. В.М. Саблина. 338 стр. М., 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 262. 15 ноября. С. 4.

⁹⁸ Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том IX. Серый дом. С. 4.

⁹⁹ Из отзывов иностранной печати // Банг Г. Собр. соч. Т. 1 Его превосходительство (Серый дом). М.: Современное творчество, 1909. С. 217.

художников «Михаэль». Важно, что в приведенной цитате подчеркивалась «нежность» произведения, «где больше полунамеков, чем законченности»¹⁰⁰. Оба отклика, конечно, не претендовали на полноту, но помогли сориентироваться русским читателям, указывая на отношение европейцев к таланту Банга.

После появления этих восторженных откликов, достаточно благосклонного приема в отечественной прессе, появления собрания сочинений, отдельных книг и публикаций в журналах и газетах¹⁰¹ датский писатель стал известен и узнаваем в России. К 1911 г. большая часть его произведений была переведена на русский язык, и именно к этому году появилось множество рецензий на творчество датского автора.

Особый интерес вызвала его повесть «У дороги» (другой вариант перевода – «На пути»). В этом произведении главная героиня замужняя дама Катинка Бай, живущая около маленькой станции вместе со своим скучным мужем, влюбляется в инженера, который, однако, оказывается слишком слаб и безволен, чтобы быть достойным такого сильного чувства. Разочарование приводит героиню к смерти, а жизнь вокруг остается такой же серой и унылой. Критик Ю. Веселовский в статье об этой повести назвал ее «одним из лучших произведений <...> датского беллетриста»¹⁰². Рецензент оценил высоко именно совмещение разных планов повествования («с реалистической картиной сонного захолустного мира соединяется здесь простая, но необыкновенно грустная и трогательная житейская история»¹⁰³). Критик отметил намеренно подчеркнутую автором простоту сюжета, что позволило рельефно выделить образы людей, «мимо которых мы, быть может, проходим в жизни, даже не замечая их»¹⁰⁴.

Общая характеристика творчества Банга, представленная на страницах «Бюллетеней литературы и жизни», дополнилась примерами из этого произведения. Анонимного рецензента поразило парадоксальное сочетание

---

¹⁰⁰ Из отзывов иностранной печати. С. 217.

¹⁰¹ Например, рассказ «Франц Пандер» опубликован в журнале «Современный мир», 1909 № 1 (с. 183-196), «Зовы властные...» – в газете «Утро России», 1911, № 258, 9 ноября (с. 2) и т.д.

¹⁰² В.Ю. Рец. на Герман Банг. Полное собрание сочинений, том IX: «На пути». М., 1912. Кн-во «Современные проблемы». Ц. 1 руб. // Русские ведомости. 1912. № 176. 31 июля. С. 5.

¹⁰³ В.Ю. Рец. на Герман Банг. Полное собрание сочинений, том IX: «На пути». С. 5.

¹⁰⁴ В.Ю. Рец. на Герман Банг. Полное собрание сочинений, том IX: «На пути». С. 5.

юмора и сочувствия при изображении большинства персонажей. Об этом писали европейские критики, но до 1911 г. эта черта писательского облика не была отмечена русскими критиками: «Нередко события проходят перед нами в отчетливых подробностях юмористического характера, но в конечном итоге впечатление все-таки очень далекое от смеха и улыбки...»¹⁰⁵. Не менее важное замечание анонимный рецензент делает и о роли образа женщины в произведениях писателя: «Нелепости и неурюстройства жизни Банг очень часто рассматривает через призму женской судьбы»¹⁰⁶. Критик улавливает, что художнику был близок сложный внутренний мир женщины, и свое отношение к происходящему автор часто вкладывал в уста женских персонажей.

Женский образ выведен на первый план в романе «Графиня Урнэ», на который последовало множество восторженных рецензий. Изображение демонической женщины, с детства ощущавшей одиночество в большом доме, страдающей от алкоголизма отца, чувствовавшей деградацию рода, которая, повзрослев, стала беспощадна к мужчинам и погубила не одного своего воздыхателя, а впоследствии влюбилась в пасынка и из-за невозможности взаимной любви погибла, восхитило многих зарубежных и отечественных критиков. Одной из наиболее заметных и интересных явилась работа Н. Петровской. Критика интересовал не сам сюжет, а мастерство описания психологического состояния главной героини: «Вечная и неизъяснимая обостренность всех ощущений и восприятий создает в душе графини Урнэ атмосферу такого безумного неразрешимого напряжения, что вся жизнь становится для нее одним глухим страданием»¹⁰⁷. Критик отмечает, что падение героини, произошедшее в конце романа, психологически обусловлено предыдущими переживаниями героини, и подчеркивает, что все описанное в романе очень жизненно и эту книгу можно рассматривать как «психологическое

---

¹⁰⁵ Рец. на: Банг Г. Собр. соч. Изд. В. М. Саблина // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 5. С. 91.

¹⁰⁶ Рец. на: Банг Г. Собр. соч. Изд. В. М. Саблина С. 92.

¹⁰⁷ Петровская Н. Рец. на: Герман Банг. Графиня Урнэ. К-во «Соврем. пробл.». М. 1911 г. Ц. 1 руб. // Утро России. 1911 № 157. 9 июля. С. 4.

исследование, почти скорбный лист больной и утонченной современной женской души»¹⁰⁸.

Однако не все творчество Банга было сконцентрировано на изображении женских образов. Следующим произведением, на которое было опубликовано немало откликов, стал роман «Погибшие мечты» (“Stuk”). Стоит отметить, что в большинстве рецензий слышалось недоумение от прочитанного, и, кроме замечаний о блистательном таланте датского писателя, никаких конкретных характеристик этого произведения долгое время не появлялось. Во многом подобное «молчание» в критике было связано с необычной структурой романа. В предисловии к его первому изданию в Дании Банг отмечал, что в нем нет «привычной композиции», однако есть «стройная архитектура» [“ingen almindelig komposition, men streng arkitektur”¹⁰⁹] [перевод мой. – А.Л.]. При этом критик Эдвард Брандес главным действующим лицом романа называл Копенгаген. Действительно, в романе отсутствует полноценный сюжет, перед нами лирические картины, объединенные образами нескольких персонажей, о которых, однако, читатель не получает полной информации, и достаточно часто причины их поведения остаются неясными. Естественно, такой сложный роман с трудом воспринимался русскими читателями, для которых не было переведено предисловие самого автора и остались неизвестными европейские рецензии на это произведение. Неслучайно именно это произведение меньше всего переиздавалось (после первой публикации в 1911 г. он был издан только в 1916). Наиболее подробное освещение он получил в статье Ю. Веселовского, который, однако, в первых строках заметки сообщил, что роман «нельзя отнести к числу самых лучших произведений Германа Банга»¹¹⁰. Его замечания сводились к следующему: слишком много эпизодических лиц, которые затрудняют чтение; характер «главного» героя Херлуфа Берга очерчен недостаточно «ярко и

---

¹⁰⁸ Петровская Н. Рец. на: Герман Банг. Графиня Урнэ. С. 4.

¹⁰⁹ Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. - København: Gyldendal, 2009. S. 212.

¹¹⁰ Веселовский Ю. Рец. на: Банг Герман. Полн. собр. соч. Т. 1. «Погибшие мечты». Роман. М. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к. // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 18. С. 517.

рельефно»¹¹¹. Однако критику все же удастся увидеть ценность этого произведения – правдиво и динамично изображенную жизнь большого города «со всеми ее будничными, даже пошлыми сторонами»¹¹². Веселовский, восхищаясь мастерством изображения повседневного быта, почти повторяет слова Э. Брандеса: «Общая картина копенгагенской жизни <...> является, пожалуй, даже самой главной и яркой частью этого произведения»¹¹³. Таким образом, даже достаточно сложное и непривычное творение Банга, вышедшее без предисловий и комментариев, было воспринято читателями и нашло благодарные отклики.

Как энциклопедию датской жизни интерпретировали критики и другой роман Банга «Без родины», в котором главный герой, талантливый музыкант, пытается найти место, где он бы не чувствовал себя чужим, а в конце романа возвращается на остров, где был рожден. Как это часто бывает у датского писателя, в романе множество второстепенных и эпизодических персонажей, которые дополняют общую картину, помогая автору создать «правду жизни». Критик Н.Т.¹¹⁴ именно так и воспринимает этот роман, обращая внимание именно на галерею разнообразных действующих лиц: «Банг <...> рисует ряд типов представителей международного аристократического мира и современного датского общества»¹¹⁵. Однако в отличие от романа «Погибшие мечты» это произведение было проще для восприятия, поэтому оно получило более лестную итоговую оценку: «Читается роман с большим интересом»¹¹⁶.

Критик А. Левинсон предпринял, однако, попытку более глубокого анализа этого произведения. Отмечая невозможность воспроизвести сюжет романа («Не умею пересказать этой книги»¹¹⁷), рецензент высоко оценивает его, подчеркивая

---

¹¹¹ Веселовский Ю. Рец. на: Банг Герман. Полн. собр. соч. Т. 1. «Погибшие мечты». С. 517.

¹¹² Веселовский Ю. Рец. на: Банг Герман. Полн. собр. соч. Т. 1. «Погибшие мечты». С. 517.

¹¹³ Там же. С. 517.

¹¹⁴ Н.Т. – псевдоним критика Н.П. Тихменева (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1957. С. 233).

¹¹⁵ Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собр. соч. Т. X. Без родины. Пер. М. Розенфельд. Изд. В.М. Саблина. 385 стр. М. 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1912. № 52. 3 марта. С. 4.

¹¹⁶ Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собр. соч. Т. X. Без родины. С. 4.

¹¹⁷ Левинсон А. Рец. на: Герман Банг. «Без родины» (Собрание сочинений, т. X). Перевод М. Розенфельд. Издание В.М. Саблина. Москва, 1911 год. Стр. 385. Ц. 1 р. // Современный мир. 1912. № 3. С. 332.

особую атмосферу произведения («Исполнена благой печалью»¹¹⁸). А. Левинсон сопоставляет судьбу героя и биографию самого писателя: «чувство вечной отчужденности и сознание своего поражения»¹¹⁹ объединяют Банга и его персонажа графа Уйгази. Таким образом, критик вводит читателя в «контекст» творчества датского писателя, так как его биография и особенно внутренний мир были слабо освещены в русской прессе 1900 - начала 1910-х гг.

Не менее интересные наблюдения русских рецензентов присутствуют в статьях, посвященных сборнику «Эксцентрические новеллы». В эту книгу Банг включил рассказы о «маленьких людях», которые покорно принимают все испытания, посылаемые им судьбой, не имеют сил бороться за свое счастье и погибают, даже не задумавшись о прожитом пути («Fratelli Bendini», «Ее высочество», «Шарло Дюпон»). Анонимный рецензент «Нового журнала для всех» выделил именно эти качества: «талантливая книга о людях с разрушенной и бессильной душой»¹²⁰, подчеркнул «мотив безнадежности»¹²¹, присутствующий во всех новеллах сборника. Однако в конце этой статьи появляется новаторская, по сравнению с другими откликами мысль: автор не осуждает тех, кто заставляет «маленьких людей» страдать, «и тех и других он изображает подвластными какой-то третьей силе, перед которой они бессильны»¹²². Действительно, это было позицией Банга-писателя – не осуждать и не судить кого-то из персонажей, а давать течение жизни, «как оно есть».

Одна из новелл сборника «Ее высочество» (не замеченная критиками при первой публикации в 1907 г.) достаточно подробно разбирается в другой рецензии, посвященной 7-му тому собрания сочинений. Веселовский, обстоятельно познакомив читателей с сюжетом, заключает, что это «любопытная в психологическом отношении повесть»¹²³. Критик отмечает те же свойства этого

---

¹¹⁸ Левинсон А. Рец. на: Герман Банг. «Без родины». С. 332.

¹¹⁹ Левинсон А. Рец. на: Герман Банг. «Без родины». С. 331.

¹²⁰ Рец. на: Герман Банг. Эксцентрические новеллы. Перевод Н. Эфроса. Изд. В. Саблина. М. 1911. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1912. № 2. С. 122.

¹²¹ Рец. на: Герман Банг. Эксцентрические новеллы. С. 122.

¹²² Рец. на: Герман Банг. Эксцентрические новеллы. С. 123.

¹²³ В.Ю. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том седьмой. М. 1912 г. Ц. 1 р. // Русские ведомости. 1912. № 19. 24 янв. С. 6.

произведения, что и анонимный рецензент: «невольное сострадание автора к судьбе никому не нужных, тоскливо доживающих свой век людей», но объясняет эту особенность тем, что датский писатель «не мог отрешиться от известной слабости к навсегда промелькнувшей эпохе»¹²⁴, что раскрывало перед читателями некоторые особенности творчества Банга как части его биографии.

На эту новеллу обратил внимание и критик Б.Л. Бразоль, который пытается сломать стереотип восприятия некоторых читателей, убежденных что «Ее высочество» читается с трудом: «Новелла написана не скучно, но в ней описывается скука, серые будни придворного прозябания»¹²⁵. Также рецензент отмечает импрессионистический стиль произведения: «Какие нежные тона, какие мягкие, трепещущие, тающие линии»¹²⁶. Таким образом, эта не замеченная ранее новелла впоследствии была воспринята как одна из эталонных вещей писателя.

Издательство В.М. Саблина в 1911 г. опубликовало другой сборник рассказов Банга «Из папки», особенностью которого стало наличие авторского предисловия к каждому произведению, а также объяснение объединения этих рассказов в рамках одной книги. В первом предисловии ко всему сборнику Банг объяснял, что представленные в книге отрывки – это важные этапы в его работе над более серьезными произведениями и он надеется, что, благодаря этой публикации, русский читатель лучше поймет его индивидуальность: «Быть может, читая эти скромные рассказы, где ясней выявляется художник, они [читатели. – А.Л.] научатся немного глубже судить о душе человека»¹²⁷.

Однако Н. Кадмин откликнулся на этот душевный порыв Банга крайне недоброжелательно: «Лучше было бы, если бы эти сентиментальные и большей частью фальшивые рассказы остались непереуладенными»¹²⁸. Свой вердикт он объяснил тем, что нужно переводить уже готовые произведения, а не отрывочные записи или детские воспоминания. Однако критик Н.Т. по достоинству оценил

---

¹²⁴ В.Ю. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том седьмой. С. 6.

¹²⁵ Бразоль Б.Л. Северные сборники // Бразоль Б.Л. Критические грани. СПб.: Родник, 1910. С. 169.

¹²⁶ Бразоль Б.Л. Северные сборники. С. 171.

¹²⁷ Банг Г. Предисловие // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 3.

¹²⁸ Кадмин Н. Рец. на Герман Банг. Из папки. Рассказы. Москва, изд. В.М. Саблина. 1911 г. Ц. 1 р. // Новая жизнь. 1911. № 13 (декабрь). С. 283-284.

замысел этой публикации, обнаруживающей, что в последние годы жизни слава признанного автора стала тяготить Банга и он стремился обрести друзей, а не поклонников. Именно это и выразил критик: «Ему хочется, чтобы его узнали и полюбили не как писателя, но как человека»¹²⁹. Рецензент увидел в этих небольших набросках начало работы над ставшими уже знаменитыми в России романами и новеллами Банга, поэтому считает, что для русского читателя эта книга «представляет особенный и исключительный интерес»¹³⁰.

Таким образом, проделанный анализ демонстрирует постепенное усложнение читательского восприятия творчества Банга, свидетельствующий, однако, что некоторые его произведения оказались понятны лишь некоторым критикам и читателям (что во многом было связано с отсутствием сопроводительных предисловий и комментариев). Однако в целом его творчество было принято в России, где писатель стал одним из самых читаемых авторов Дании. Русские критики, наравне с европейскими коллегами, выделили такие особенности его таланта, как импрессионистический стиль, тонкий психологический анализ, обилие второстепенных и эпизодических персонажей, слаборазвитый сюжет, мастерство воссоздания атмосферы, тему упадка и исчезновения аристократических корней, внимание к «маленьким людям». Все названные качества были близки и понятны русскому сознанию, именно с этим, вероятно, связан устойчивый всплеск интереса к творчеству Банга на рубеже 1900-1910-х гг.

§ 3.2. Русская пресса о жизни датского писателя

По мере возрастания интереса к творчеству писателя в России появлялось все больше информации, касающейся его биографии. Следует отметить, что подобная ситуация была совершенно нетипичной для России начала XX в. Достаточно часто читатели не обладали никакими сведениями об авторе, и рецензенты допускали в своих статьях фактические ошибки. Совершенно обычной была ситуация, когда критики путали национальности, биографии,

---

¹²⁹ Н.Т. Рец. на Герман Банг. Собрание сочинений. Т. VIII. Из папки. Перевод. А. Владимировой. Издание В.М. Саблина. М., 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1911. № 264. 17 ноября. С. 4.

¹³⁰ Н.Т. Рец. на Герман Банг. Собрание сочинений. Т. VIII. Из папки. С. 4.

названия произведений и имена персонажей малознакомых авторов. Однако в случае с Бангом ситуация почти с самого начала была иной. Из первых же рецензий русский читатель мог выделить хотя и скудную, но все же достоверную информацию обо всем творчестве датского писателя, а также узнать о некоторых разрозненных деталях его биографии. Первой попыткой более подробно осветить жизнь Германа Банга можно считать разбиравшееся выше предисловие Георга Брандеса. Из этой статьи внимательный читатель мог получить представление о семье датского писателя: он родился в Альзене (другой вариант названия – Альс), пережил нападение на Данию в 1864 г. («великое событие седьмого года его жизни»¹³¹) и был вынужден покинуть с семьей остров, «он – последний бедный родственник находящегося в упадке рода»¹³². Эти краткие биографические сведения все же могли помочь русскому читателю более объективно и точно оценивать произведения Банга.

Небольшое дополнение к биографии Банга появилось в «Заметках о современной Дании» К.Ф. Тиандера, стремившегося кратко охарактеризовать культуру, политику, историю и жизнь простого народа этой страны. Помимо общей информации, которая была представлена в предисловии Брандеса, ученый добавляет, что датский писатель был сыном пастора, и приводит достаточно ценное высказывание самого Банга: «Мой род <...> когда-то дарил отечеству выдающихся государственных деятелей, потом их потомки стали пасторами, потому что вид крови доводил их до обморока, и, наконец, беспомощными бездельниками, пустые головы которых приходится искусственно согревать»¹³³. В этих словах писателя находит объяснение едва упоминавшийся предыдущими рецензентами конфликт с его отцом-священнослужителем, возникший разлад с родственниками, которых писатель считал крайне примитивными созданиями, и почти физическое ощущение своей зависимости от наследственности.

---

¹³¹ Брандес Г. Герман Банг. С. 126.

¹³² Брандес Г. Герман Банг. С. 126.

¹³³ Тиандер К. Заметки о современной Дании // Современный мир. 1911. № 11. С. 266.

Из отечественных авторов биографии Банга коснулся переводчик многих его рассказов и романов Я. Сегал¹³⁴. Собрав воедино те факты, которые уже были известны русскому читателю (происхождение и детство на фоне ужасов войны), он сообщает, что датский писатель, закончив академию, хотел стать актером, однако при прослушивании ему сообщили, что «о театре ему и думать нечего»¹³⁵. Переводчик перечисляет профессии, которые испробовал в дальнейшем Банг: профессиональный журналист, театральный критик. Относительно его путешествий и переездов Я. Сегал выражает мнение, что это была «одна из продуктивных эпох»¹³⁶.

Публикация процитированного предисловия также не обошлась без некоторой редакторской небрежности. Первое издание «Таинственных рассказов», которому оно и было предпослано, появилось в 1909 г., а в 1913 г. было принято решение о его повторном издании. При этом подробное и хорошо написанное предисловие не было изменено, несмотря на то, что оно заканчивалось словами: «Мы вправе ожидать от него [Банга – А.Л.] еще многих интересных по замыслу и оригинальных по выполнению вещей»¹³⁷. В 1909 г. эти слова вполне могли считаться пророческими, так как за три года Банг выпустил несколько рассказов и работал над романом, однако после его смерти в начале 1912 г. подобные строки выглядели странно и нелепо.

Таким образом, в начале 1910-х гг. Банг был окончательно принят в русской литературной среде. Помимо многочисленных рецензий на его произведения, в печать просачивались и некоторые детали его биографии, имели место и переводные статьи с относительно подробной информацией о его жизни, а позднее – и жизнеописания, написанные отечественными критиками. Это означало высокий интерес к творчеству и биографии датского писателя.

---

¹³⁴ Яков Лейбович Сегал – талантливый переводчик начала XX века. Существует иное написание его фамилии – Сегаль (вероятно, вызванное плохой различимостью в печати начала XX в. букв «ь» и «ъ»), стоявших в конце фамилии). В данной работе будет использоваться вариант фамилии – Сегал.

¹³⁵ Сегал Я. Предисловие // Банг Г. Таинственные рассказы. М.: Мысль, 1913. С. 3.

¹³⁶ Сегал Я. Предисловие. С. 4.

¹³⁷ Сегал Я. Предисловие. С. 7.

§ 3.3. Авторские предисловия к русским изданиям

Сам писатель стремился наладить диалог с Россией. Он хотел облегчить русским читателям восприятие собственных произведений, поэтому нередко сопровождал свои романы и повести предисловиями.

Первое предисловие Банга появилось в 1907 г. вместе с двумя повестями, сделавшими датского писателя известным в России («Четыре беса» и «Ее высочество»), в «Северных сборниках». Эта вводная статья демонстрирует самоироничный характер Банга, который, несмотря на просьбу издательства «Шиповник» написать автобиографию, отказался это делать, задавая редакции встречный вопрос: «Смог ли когда-нибудь хоть один из десяти тысяч передать в автобиографии более, нежели чисто внешние события своей жизни?»¹³⁸. Далее в форме вопросов «Нужно ли оповещать мир о том, что я...» Банг все же кратко освещает некоторые эпизоды своей жизни: «Я родился в апрельский день, на острове, в провинциальной семье и прожил большую часть <...> жизни в шести-семи столицах различных государств»¹³⁹, написал 32 тома собрания сочинений («из которых, по крайней мере, двадцать писать вовсе бы не следовало»¹⁴⁰), участвовал в постановке около 20 пьес. Сам датский писатель заявил, играя с читателем, что для него автобиографии, как и для русской публики, очень мало значат, так как внешняя информация никак не может раскрыть суть предмета. Далее он высказал еще одну парадоксальную мысль: он опасается перевода своих произведений на иностранный язык, так как боится непонимания: «Полагаю, много приятнее не быть переведенным вовсе, нежели быть переведенным и потом заброшенным на чужбине и когда-нибудь найти оберточную бумагу в чьем-то далеком краю»¹⁴¹.

Основной частью этого предисловия, вопреки воле издательства, становятся рассуждения Банга об истоках его творчества и впечатлениях от русской литературы, что самому автору представлялось более ценным, чем перечисление

---

¹³⁸ Банг Г. Предисловие // Северные сборники издательства «Шиповник». Книга 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 141.

¹³⁹ Банг Г. Предисловие. С. 141.

¹⁴⁰ Банг Г. Предисловие. С. 141.

¹⁴¹ Банг Г. Предисловие. С. 142.

фактов собственной жизни. Писатель указывает на две литературы, которые повлияли на него, – французскую и русскую, больше внимания уделяя русским авторам. В этом предисловии Банг выстраивает своеобразную иерархию русских прозаиков: И.С. Тургенев¹⁴², Ф.М. Достоевский («Он открыл мне и целый народ, и весь его дух»¹⁴³), Н.В. Гоголь («Этот изумительный человек стоит выше своего произведения»¹⁴⁴ [«Мертвые души». – А.Л.]), Л.Н. Толстой («Какая мощь письма!»¹⁴⁵), А.П. Чехов («Какая скромность в этом величии всепонимания»¹⁴⁶). Банг даже в этом первом обращении к русскому читателю демонстрирует свой независимый и очень противоречивый характер: он пишет о превосходстве русской литературы над многими европейскими, в том числе и над датской, однако в конце своей статьи указывает на патриотический импульс своего творчества: «Я – по силе возможности – писал под тем же знаменем, которое развевается и сверкает над всей русской литературой – под священным знаменем любви к своей родине»¹⁴⁷.

Это предисловие наглядно демонстрирует литературные интересы датского писателя, его восхищение русской литературой и его интерес к России в целом, а также его целеустремленность и желание быть понятым именно русским читателем.

Через четыре года после публикации первого предисловия Банга выходит его роман «Без родины» со вступительным словом автора. Как ни странно, именно к 1911 г., когда уже были опубликованы все собрания сочинений датского писателя в России, относится первая разрешенная автором публикация его произведения. В этом предисловии, посвященном памяти А.П. Чехова, Банг опять не пишет о себе или своих произведениях, его больше занимают размышления о русской литературе, которые он не завершил в прошлой статье. Датский писатель с гордостью заявляет о знакомстве со стихами А.С. Пушкина, однако никак не

---

¹⁴² О близости романа Германа Банга «Тине» произведению И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» впоследствии писала и датская критика, см., например: Jensen J.F. Turgenjev i dansk åndsliv. København, 1969. S. 255-256.

¹⁴³ Банг Г. Предисловие. С. 144.

¹⁴⁴ Банг Г. Предисловие. С. 144.

¹⁴⁵ Банг Г. Предисловие. С. 145.

¹⁴⁶ Банг Г. Предисловие. С. 145.

¹⁴⁷ Банг Г. Предисловие. С. 145.

комментирует их, при этом признаваясь, что М.Ю. Лермонтов оказал на него значительное влияние при создании романа «Безнадежно погибающие». Среди тех авторов, которых он не назвал в прошлом предисловии, Банг выделяет Л.Н. Андреева: «Глазами Леонида Андреева я созерцал Россию последних дней»¹⁴⁸.

Большую часть статьи занимает характеристика и интерпретация творчества А.П. Чехова, которая в скрытом виде представляет программу самого Банга, мечтавшего писать в духе русского автора. Одной из важных черт прозы Чехова датский писатель считает «спокойствие»: «Печаль проявлялась у него лишь в складке у рта, а радость – в полугрустной улыбке»¹⁴⁹. Видимо, под «спокойствием» он имел в виду сдержанность и непроявленность авторской позиции. В конце статьи Банг намекает, что именно такое настроение он стремился вложить в свой роман «Без родины». Таким образом, датский писатель намеренно мало говорит о себе и своих произведениях, призывая читателя сделать свой собственный вывод. Однако косвенную интерпретацию его творчества публика могла получить и через восприятие им русской литературы.

Третьим вступительным словом, с которым Банг обратился именно к русским читателям, можно считать почти весь сборник рассказов «Из папки», рецензии на который были рассмотрены выше. Эта книга, состоящая из десяти небольших рассказов, предисловия и заключения, имеет очень необычную структуру, так как, помимо вступительного слова автора ко всему сборнику, он сопровождал каждый рассказ дополнительным введением. Благодаря этому приему, весь сборник выглядит как попытка диалога с читателем, где писатель представляет свою интерпретацию произведения, а рассказ должен подтвердить подлинность его слов.

Выбранные Бангом рассказы, являясь законченными произведениями, послужили в свое время основой более известных повестей и романов. Так, в рассказе «Побежденный» угадываются мотивы из романа «Без родины», а в

---

¹⁴⁸ Банг Г. Предисловие автора к русскому изданию // Банг Г. Без родины. М.: Польза, 1911. С. 3.

¹⁴⁹ Банг Г. Предисловие автора к русскому изданию. С. 4.

произведении «Пастор» – из повести «У дороги». Для Банга объединение этих рассказов и пояснений к ним, который он именуется «отражением жизни»¹⁵⁰, имеет очень глубокий смысл: ему важно показать читателям процесс работы над произведением.

Лейтмотивом всего сборника становится вопрос: что важнее – слава или дружба? Для Банга ответ очевиден: «Приобрести дружеское расположение других людей – не это ли единственная радость нашей жалкой жизни?»¹⁵¹. Последним произведением, включенным в сборник, становится рассказ «Слава», подробно описывающий, насколько страшно быть известным: «Знаменитый человек попадает в застенки, и страх, страх лишиться славы, является его палачом»¹⁵². В этом исповедальном рассказе-рассуждении Банг говорит и о своей трагедии: всю жизнь, даже став известным писателем, он ощущал одиночество и отчужденность от обычных людей, что всегда тяготило его. Из подобных личных зарисовок внимательный читатель мог составить психологический портрет автора, который в этом сборнике раскрывается максимально, несмотря на то что обычно он не любил рассказывать о себе. Вероятно, подобные откровения были вызваны тем, что сборник «Из папки» стал одним из последних произведений датского писателя, который, возможно, предчувствуя свой уход, хотел раскрыть свою душу.

В предисловиях Банг частично раскрывает секреты своей творческой биографии. Так, во введении к писательскому дебюту, рассказу «Пастор», датский автор сообщает, что первые слушатели не приняли это произведение, однако впоследствии именно этот рассказ одним из первых был переведен на множество иностранных языков, и его хотят слышать те, кто приходил на встречу с писателем.

Во введении к рассказу «Мисс Эллино» писатель объясняет значение образа матери во многих своих произведениях: «Как водяной знак на бумаге сразу

---

¹⁵⁰ Банг Г. Предисловие // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 3.

¹⁵¹ Банг Г. Предисловие // Банг Г. Из папки. С. 3.

¹⁵² Банг Г. Слава // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 220.

не бросается в глаза, но выступает, как таинственный штампель, если смотреть на свет, так чудный образ моей прекрасной матери встает из каждого исписанного мной листа»¹⁵³. В данном высказывании Банг подтверждает слова многих интерпретаторов, называвших прототипом почти каждого женского образа его мать.

Подобные откровения встречаются в каждом пояснении к рассказу, что настраивало читателей на интимное и непосредственное общение между простым человеком и автором, к чему, вероятно, и стремился Банг.

Таким образом, можно утверждать, что Банг активно стремился к диалогу с читателями, для чего избирал еще не распространенный в то время способ соприкосновения. При этом наблюдается динамика его «откровений». В первых предисловиях писатель не стремится рассказать о себе или своем творчестве, он рассказывает о своем восприятии русской литературы, что должно помочь читателю сориентироваться в его художественном мире. В последнем сборнике Банг более откровенен, чем в предыдущих предисловиях, однако основные мысли в этих введениях выражены так, что оправдать или опровергнуть их можно только после прочтения самих рассказов. Следовательно, читателю предлагался определенный «симбиоз» художественного и публицистического материала, который должен был его образовывать.

§ 4. Статьи Г. Банга-журналиста, написанные о России или для русского читателя

Как уже отмечалось выше, на родине и во многих европейских странах Банг был известен не только как писатель, но и как талантливый и очень плодовитый журналист. В книге датского исследователя Кнуда Арне Юргенсена простое перечисление в табличной форме статей Банга о культурной жизни европейского общества (рецензии на новинки оперы, балета, драматические постановки и т.д.) занимает более 170 страниц¹⁵⁴.

---

¹⁵³ Банг Г. Мисс Эллинон // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 28.

¹⁵⁴ Jürgensen K.A. Herman Bangs teaterkritik, -journalistik, -essayistik, -poesier, -aforismer og sceniske arbejder. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kb.dk/da/publikationer/online/fund_og_forskning/download/herman_bang.pdf

Банг очень интересовался русской нацией и посвятил немало страниц русской культурной жизни в датских, норвежских и немецких газетах. Так, он писал, как указывается в исследовании Юргенсена, об известной пианистке А.Н. Есиповой¹⁵⁵, профессоре математики С.В. Ковалевской¹⁵⁶, Александре III¹⁵⁷, А.П. Чехове¹⁵⁸, Ф.И. Шаляпине¹⁵⁹, К.С. Станиславском¹⁶⁰ и др.

Русские читатели узнавали о журналистском призвании Банга в основном из рецензий других критиков, которые упоминали об этой стороне его жизни (например, Я. Сегал в упоминавшемся выше предисловии¹⁶¹). Однако некоторые статьи все же доходили до России и публиковались в газетах и журналах.

Так, в 1911 г. в газете «Утро России» появилась статья Банга о Шаляпине в роли Бориса Годунова. Датский писатель восторженно приветствует это исполнение, особенно поражаясь тому минимальному набору средств исполнителя, которые, несмотря ни на что, заставляют публику, не отрываясь, смотреть постановку: «Что сделал Шаляпин, чтобы произвести впечатление сумасшедшего? Ничего. Только одна прядь волос поднялась дыбом над его лбом»¹⁶². Статья содержит множество хвалебных слов о даре певца и завершается словами: «Лучше закрыть свои уста, чтобы не оскорбить его своей благодарностью»¹⁶³. При этом даже в статью о певце Банг вводит традиционные для своего творчества темы: тему славы и тему невозможности быть победителем во всех аспектах жизни.

Банг также участвовал в издании собрания сочинений других авторов в России. Так, издательства заказали ему биографию-некролог Густава Гейерстама¹⁶⁴ и предисловие к роману «Брак» Йонаса Ли¹⁶⁵.

---

¹⁵⁵ Nationaltidende. 4.12.1881.

¹⁵⁶ København. 12.2.1891.

¹⁵⁷ Samtiden. 1894.

¹⁵⁸ København. 26.11.1907.

¹⁵⁹ Masken. Nr. 16, 14.1.1912, s. 121-123.

¹⁶⁰ Masken. Nr. 18, 28.1.1912, s. 137.

¹⁶¹ Сегал Я. Предисловие. С. 4.

¹⁶² Банг Г. Шаляпин // Утро России. 1911. № 280. 6 декабря. С. 2.

¹⁶³ Банг Г. Шаляпин. С. 2.

¹⁶⁴ Густав (аф) Гейерстам (1858-1909) – шведский писатель, прославившийся благодаря своим бытописательным романам. Был известен не только в скандинавских странах, но и в Европе. В России вышло его 11-томное

В этих двух вступительных статьях Банг сохраняет узнаваемый стиль и свое отношение к необходимости давать характеристику писателям: он не стремится прямо раскрывать детали биографии авторов, а передает чувства, возникшие по отношению к ним и их произведениям.

Так, в предисловии к первому тому собрания сочинений Йонаса Ли на русском языке содержится биографическая информация об авторе. И в итоге становится понятно только то, что норвежский автор долгое время жил вдали от родины, в Германии, однако, в отличие от Г. Ибсена, не приобрел общеевропейской известности: «Соперничество было чуждо ему»¹⁶⁶. И это вся биографическая информация, которую можно получить из достаточно объемного предисловия.

Большую часть этой статьи занимают рассуждения Банга о природе творчества Йонаса Ли, так как, по мнению датского писателя, понимание внутреннего мира автора всегда намного важнее знания фактов ее биографии, что он нередко демонстрировал и в статьях о своих произведениях. Банг останавливается на неразрывной связи описаний природы и образов людей в творчестве норвежского писателя: «Там, где Ледовитый океан пенится о несокрушимые скалы, судьба так же сурова, как воля людей, которые ее побеждают»¹⁶⁷. В этом предисловии Банг бегло, не называя произведений, очерчивает этапы творчества Йонаса Ли: его первые романы были посвящены борьбе людей со стихией, однако позже норвежский автор прославил свое имя благодаря романам о семейной жизни: «Он раскрыл перед нами семейную жизнь, в которой мы жили всегда близорукими и полуслепыми»¹⁶⁸. Далее Банг дает

собрание сочинений (1909-1913, издательство «Современные проблемы»), а также отдельные рассказы и романы. В начале XX века его имя писалось как Густав аф Гейерстам, однако в современном отечественном литературоведении «аф» опускается. В данной работе также будет использован современный вариант – Густав Гейерстам, помимо случаев цитирования.

¹⁶⁵ Йонас Ли (1833-1908) – норвежский писатель, ставший в странах Скандинавии родоначальником жанра импрессионистического романа. В своих произведениях он описывал суровую природу северных стран, а также сильные характеры, зародившиеся в этих местах. Завоевав признание на родине, Йонас Ли был мало известен даже в Германии, где прожил значительную часть своей жизни, однако в России в 1909 г. выходит и его собрание сочинений (в двух томах, издательство «Звезда»), а также публикуются его отдельные рассказы, повести и романы.

¹⁶⁶ Банг Г. Предисловие // Йонас Ли. Собр. соч. Т.1. Брак. Роман. М.: Книгоиздательство «Звезда», 1909. С. 11.

¹⁶⁷ Банг Г. Предисловие // Йонас Ли. Собр. соч. Т.1. Брак. С. 6.

¹⁶⁸ Банг Г. Предисловие // Йонас Ли. Собр. соч. Т.1. Брак. С. 7.

восторженную характеристику творчества Йонаса Ли, которая также может быть отнесена и к его собственным произведениям: он «видел сердцем. Сердцем и понимал. Поэтому он и умел прощать»¹⁶⁹. Для датского писателя крайне важным было не осуждать своих героев, не ставить себя над ними, а следить за их судьбой, изучать их поведение и характеры. Например, в одном из интервью он сказал: «Я люблю всех людей – добрых, злых, красивых, уродливых, порочных. Я преодолел отвращение и люблю человека прежде всего, несмотря ни на что»¹⁷⁰. Таким образом, в данной характеристике норвежского автора Банг выделяет именно те черты творчества Йонаса Ли, которые были близки и важны для него.

Критик Ю. Веселовский, посвятивший статью роману Йонаса Ли «Брак», много раз обращается к предисловию Банга, ссылаясь на его суждения. Можно сказать, что первая часть статьи, характеризующая творчество норвежского автора в целом, является интерпретационным пересказом предисловия Банга. А во второй части критик дает самому роману Йонаса Ли характеристики, сходные со словами датчанина о методе «видеть сердцем»: «Метод Ли – это очень тонкое, изумительно живое и острое зарисовывание мимолетных впечатлений, еле уловимых настроений, мелькающих мыслей»¹⁷¹. Таким образом, мысли о литературе Банга были приняты в русском литературном сообществе и использованы для интерпретации других скандинавских авторов.

Некролог Густаву Гейерстаму был опубликован в третьем томе его собрания сочинений (в связи с внезапной кончиной автора). Возможно, по этой причине, а также в связи с тем, что в первом томе было опубликовано развернутое предисловие Ю. Веселовского, эта статья Банга носит лирический, а не информативный характер. О биографии Густава Гейерстама читатель мог получить лишь скудные сведения: шведский автор долгое время жил вдали от родины, не сразу принявшей его творчество, а вернувшись, хотел жить «на

---

¹⁶⁹ Банг Г. Предисловие // Йонас Ли. Собр. соч. Т.1. Брак. С. 9.

¹⁷⁰ Хин Р.М. о пребывании Германа Банга в Москве // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 4. С. 177.

¹⁷¹ Веселовский Ю. Рец. на Йонас Ли. Роман. С предисловием Германа Банга. К-во «Звезда». Москва. 1909. 240 стр. Ц. 1 р. // Современный мир. 1909. № 5. С. 142.

просторе, у озера, в тени сосен <...> спокойно, в уединении»¹⁷² вместе с супругой. Для Банга важно создать психологический портрет Гейерстама и передать эмоциональный настрой его произведений. Как и в предисловии к роману Йонаса Ли, в некрологе датский автор пишет о слиянии писателя с природой: «Ветер полей твоих закалил твою душу, и в глазах твоих отразилась синева лазурных озер»¹⁷³. С помощью повторяющихся риторических вопросов («Почему туча стрел окружила тебя и поразила твое сердце?»¹⁷⁴) и восклицаний («Ах, таким был ты»¹⁷⁵) Банг создает жанр похоронного плача или причитания, которое даже своей формой намекает на связь Гейерстама со скандинавским эпосом. В этом некрологе датский автор придерживается своих принципов: почти ничего не рассказывает о биографии писателя, воссоздавая лишь эмоциональный фон его жизни, чтобы читатель мог сам «подключиться» к изучению его творчества.

Благодаря статьям Банга, которые были опубликованы в России, русская читающая публика смогла уяснить разные стороны деятельности датского автора, познакомиться с ним и как с журналистом, и как с литературным критиком.

§ 5. Статьи в русских изданиях, посвященные приезду датского писателя в Россию и его кончине

Начало 1910-х гг. стало пиком популярности Банга в России: почти все его произведения были переведены и изданы, в литературной критике его имя стало узнаваемым и любимым, также публика была знакома с его журналистскими работами. Датский писатель давно мечтал побывать на родине своих любимых авторов, о которых неоднократно писал в предисловиях, поэтому, когда датская газета предложила ему совершить кругосветное путешествие, описывая впечатления в путевых заметках, он согласился, и одной из первых стран, которую посетил Банг, стала Россия. Интерес к русской культуре у датчанина проявлялся и в его художественных произведениях: он нередко вводил в свои сюжеты русских персонажей, узнаваемые русские топонимы и омонимы. Так,

---

¹⁷² Банг Г. Густав аф-Гейерстам // Густав аф-Гейерстам. Собрание сочинений. Т. 3. Голова медузы. М.: Современные проблемы, 1909. С. 4.

¹⁷³ Банг Г. Густав аф-Гейерстам. С. 3.

¹⁷⁴ Банг Г. Густав аф-Гейерстам. С. 4.

¹⁷⁵ Там же. С. 4.

например, в рассказе «Бархан умер» (посвященном О.С. Мельнику¹⁷⁶) почти все действующие лица – русские, живущие в Петербурге (при этом упоминаются некоторые реалии – журнал «Северный вестник», статья Волынского, герой живет у Финляндского вокзала и т.д.). А в романе «Микаэль» одна из главных героинь Люция Замикова – княгиня из России – обсуждает картины В.В. Верещагина. В основном почти все персонажи в творчестве Банга, в характере которых есть какая-то загадка, так или иначе связаны с Россией.

В ходе своего достаточно краткого визита в Россию (не более недели) датчанин побывал в Москве и Санкт-Петербурге, присутствовал на спектакле Московского Художественного театра «Месяц в деревне» и познакомился с К.С. Станиславским. Эта постановка произвела на датского автора настолько сильное впечатление, что он, по воспоминаниям писателя А. Койранского, «не мог заснуть всю ночь ни на минуту»¹⁷⁷, так как обдумывал увиденное. Утром Банг признался: «Хотя это было превосходно <...>, я никак не мог согласиться с господином Станиславским»¹⁷⁸. Более развернутые впечатления от знакомства со знаменитым режиссером и его постановкой датский писатель изложил в своих письмах в датскую газету. К сожалению, в России они не были напечатаны. В первом письме Банг выделяет двух лидеров европейского театрального искусства – Макса Рейнхардта и К.С. Станиславского, называя последнего «львом, играющим с собачками»¹⁷⁹ [перевод мой. – А.Л.]. Во втором письме датчанин описывает свои восторженные впечатления от спектакля, удивляясь, насколько в России медленная жизнь (судя по постановке). Он отдает должное мастерству постановки сцен в спектакле Станиславского. Его поражает картина, в которой пять человек сидят, и больше ничего не происходит: «Тому, кто не видел этого, я не в силах передать свои чувства, которые вызывал ряд картин, создаваемый

---

¹⁷⁶ Осип (Йозеф) Семенович Мельник – русский журналист, долгое время живший в Берлине и ставший одним из самых близких друзей Германа Банга. Предположительно именно он перевел некоторые стихотворения Пушкина на датский язык для своего друга, и он помогал Герману Бангу знакомиться с русской литературой в целом. Осип Мельник одним из первых сообщил в Москву о гибели датского писателя.

¹⁷⁷ Койранский А. Герман Банг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 16.

¹⁷⁸ Койранский А. Герман Банг. С. 16.

¹⁷⁹ Dramaturgiske Pennetegninger. Herman Bang som teateressayist. En antologi. Udgivet og kommenteret af Knud Arne Jørgensen. Odense: Syddansk Universitets Forlag, 2007. S. 354.

этими сидящими людьми, которые просто поворачивали головы, пересаживались, откидывались на спинку дивана, судорожно сжимая горло»¹⁸⁰ [перевод мой. – А.Л.]. В двух последних письмах Банг осветил историю театра и сумел ярко передать стиль репетиций Станиславского: «Внезапно говорит: Испугайся! И одиннадцать человек лицом и телом представляют страх. Все движения тела, лица, каждый нерв – страх»¹⁸¹ [перевод мой. – А.Л.]. Таким образом, даже в своих последних статьях датский автор стремился передать читателям на родине свой интерес к России и дать представление о ее известных людях.

Также во время своего визита в Россию Банг выступил с лекциями-чтениями своих произведений (отрывки из романа «Микаэль», рассказы «Смерть маэстро» и «Пастор»). Сам Банг в воспоминаниях о своих чтениях признавался, что именно эти его произведения больше всего полюбили его поклонникам, и их публика встречала с неизменным восторгом, поэтому выбор работ для чтений в России был очевиден.

Несколько газет написали заметки о приезде известного датского литератора в Москву, анонсируя его доклад в Польском доме. Из этих статей русский читатель мог узнать не только о маршруте кругосветного путешествия («объездил почти всю Европу, был в Австрии, Германии, Норвегии, Швеции <...> Его воображению рисуется Нью-Йорк, Цейлон, Иокогама...»¹⁸²), но и о сферах его деятельности (писатель, журналист, режиссер) и творческих планах («По возвращении в Данию Банг поставит в своем театре «Три сестры» и «Дядю Ваню» - только сначала он хочет посмотреть, “как это выходит у Станиславского”»¹⁸³). В другой статье давались портрет и характеристика датского писателя: «Герман Банг – маленький, беспомощный человек, лет 55, с усталым лицом и большими грустными глазами. <...> Удивительно милый собеседник этот северянин-скиталец <...>, его можно часами слушать, нисколько не утомляясь»¹⁸⁴ и подчеркивалось его глубокое уважение к русской литературе: «Чехов! Это, -

---

¹⁸⁰ Dramaturgiske Pennetegninger. S. 355-356.

¹⁸¹ Dramaturgiske Pennetegninger. S. 356.

¹⁸² С. Герман Банг в Москве // Русские ведомости. 1911. № 280. 6 декабря. С. 5.

¹⁸³ С. Герман Банг в Москве. С. 5.

¹⁸⁴ Герман Банг в Москве // Утро России. 1911. № 280. 6 декабря. С. 5.

воскликает Банг, - не учитель даже мой, а брат, душа которого я чувствую в его страницах как близкую мне душу по крови»¹⁸⁵.

В прессе приезд Банга не остался незамеченным, и все статьи о его визите в Россию заканчивались фразой, анонсирующей его выступление в Польской библиотеке. Однако на сами чтения пришло поразительно мало людей. Корреспонденты объясняли это по-разному: кто-то считал, что чтения сорвались из-за того, что «автор не владеет русским языком»¹⁸⁶ (однако Банг читал по-немецки, на языке, который в начале XX в. понимало большинство образованных читателей), другие журналисты обвиняли организаторов мероприятия («они точно заботились, чтобы сделать из выступлений Банга секрет, позабыли сколько-нибудь заблаговременно оповестить о чтении, не приняли никаких мер, чтобы привлечь внимание»¹⁸⁷). Вторая причина кажется более вероятной, так как первые заметки о выступлении датского писателя появились в газетах 6 декабря 1911 г., именно в тот день, когда и должно было состояться выступление.

Само выступление Банга, судя по отзывам в газетах, имело оглушительный успех среди публики, присутствовавшей в зале. Во многих статьях слышится удивление манерой датского автора представлять свои произведения: «Банг читает... Впрочем, это слово совсем здесь не годится. Прежде всего, он на эстраде – без книги. <...> Он скорее играет, чем читает»¹⁸⁸. Журналисты честно отмечают первоначальное недоумение и неприятие русской публики такого выступления: «Первое впечатление было чрезвычайно неприятное. Какая-то волна враждебности прокатилась по зале. Эта декламация... этот театральный пафос... Ведь он не актер, а писатель!.. Зачем он ломается!..»¹⁸⁹. Однако в течение выступления отношение публики к Бангу изменилось: к его чтению привыкли и прониклись его искренностью, поэтому в конце «его проникновенные печальные глаза встречали со всех сторон лишь дружелюбные взоры и взволнованные лица,

---

¹⁸⁵ Герман Банг в Москве. С. 5.

¹⁸⁶ Датский романист в Москве // Московские ведомости. 1911. № 280. 7 декабря. С. 3.

¹⁸⁷ На чтении Банга // Русские ведомости. 1911. № 281. 7 декабря. С. 4.

¹⁸⁸ На чтении Банга. С. 4.

¹⁸⁹ Хин Р. о пребывании Германа Банга в Москве. С. 176.

а зала гремела такими аплодисментами, точно она была полна несметной толпой»¹⁹⁰.

Сам писатель был очень расстроен почти сорванной лекцией в стране, литературой которой он так восхищался, также он знал, что его произведения известны в России, и ожидал совсем иного приема. Так, на самом выступлении Банг сказал, что «даже в крохотном датском городе с населением в какую-нибудь тысячу человек сумели лучше оповестить об его чтении, чем в Москве»¹⁹¹. Впоследствии многие журналисты и литературные критики винили во внезапной смерти датского писателя, случившейся всего через месяц после путешествия в Россию, холодный прием, оказанный автору русской публикой: «Не здесь ли его пылающие уста приняли последнюю горчайшую каплю, скатившуюся из отравленного кубка жизни?»¹⁹².

Действительно, Банг умер в США, штат Юта, 29 (17) января 1912 г., после чего в России было опубликовано множество некрологов, что было обусловлено, во-первых, известностью писателя, а во-вторых, его скандальной, таинственной и внезапной смертью спустя краткое время после отъезда из Москвы (до сих пор некоторые датские исследователи рассуждают о причинах гибели писателя: было ли это самоубийство или остановка сердца).

Через два дня после смерти Банга в российских газетах появляются первые некрологи. Некоторые сообщения о смерти писателя, вышедшие без проверки их достоверности, выглядели несколько странно: «Трагически скончался датский писатель Банг, который был в Берлине своим человеком»¹⁹³. На этом сообщении о смерти датчанина завершается, и никак не поясняется, почему для характеристики Банга был выбран такой эпизод его биографии, несмотря на то что именно газета «Русские ведомости» месяц назад освещала приезд датского автора в Москву.

---

¹⁹⁰ Хин Р. о пребывании Германа Банга в Москве. С. 176.

¹⁹¹ На чтении Банга. С. 4.

¹⁹² Ивашенко А. Герман Банг (из личных впечатлений) // Путь. 1912. № 5. С. 88.

¹⁹³ Кончина Германа Банга // Русские ведомости. 1912. № 15. 19 января. С. 4.

Путаница произошла с указанием места смерти Банга. Видимо, сообщение о его гибели пришло в Москву из Берлина, поэтому многие издатели посчитали, что и скончался датчанин тоже в Берлине (например, в той же газете «Русские ведомости»¹⁹⁴).

В связи с публикацией многочисленных некрологов обнаружилось, как много людей успело познакомиться и проникнуться уважением к Бангу, несмотря на его краткое пребывание в России. Так, прощальные статьи, помимо анонимных, были написаны О. Дымовым, А. Койранским, Л. Василевским и др. Некрологов было напечатано настолько много, что в 1912 г. А.Я. Левинсон объединяет многие из них в сборнике «Поэт безнадежных поколений [Герман Банг]». Во многих воспоминаниях о писателе прослеживается одна тенденция – демонизация его образа (особо подчеркивались темные печальные глаза) и мифологизация его предчувствия смерти. В воспоминаниях русских Банг представлял человеком, который в начале знакомства почти всем сообщал, что знает, что скоро умрет, и даже предвидит, где это случится, например. Так, Дымов сообщил, что ему было сказано: «Дымов, я из поездки не вернусь, я умру по дороге»¹⁹⁵. Если перечитать заметки в газетах о выступлении Банга, то получается, что датский писатель предсказывал свою гибель еще в декабре 1911 г. («Второй лекции не будет <...> Я больше никогда сюда не приеду»¹⁹⁶; «И вот, когда смерть не за горами, хочется в последний раз увидеть землю, чтобы унести свежезапечатленную ее красоту»¹⁹⁷), либо зная о своей болезни, либо создавая вокруг себя таинственную атмосферу.

Предчувствия Банга наиболее подробно описаны в статье его друга, писателя О. Дымова. Судя по этой статье, датский автор верил в магическую силу чисел, и роковой для него стала цифра восемь («она всегда приносит мне несчастье»¹⁹⁸), а ему досталась каюта для кругосветного путешествия именно с таким номером. О. Дымов предлагает читателю самостоятельно сделать выводы

---

¹⁹⁴ Герман Банг (Некролог) // Русские ведомости. 1912. № 15. 19 января. С. 6.

¹⁹⁵ Дымов О. Памяти Германа Банга // Солнце России. 1912. № 5 (104). С. 10.

¹⁹⁶ Хин Р. о пребывании Германа Банга в Москве. С. 177.

¹⁹⁷ Герман Банг в Москве. С. 5.

¹⁹⁸ Дымов О. Памяти Германа Банга // Солнце России. 1912. № 5 (104). С. 10.

из этой мистической истории, завершая некролог словами: «А через пять дней я прочел, что Банг умер, как он предсказывал, в своей каюте № 8»¹⁹⁹.

Банга и Осипа Дымова (Иосифа Исидоровича Перельмана) объединяла давняя дружба. Они познакомились в 1907 г. в Берлине. Благодаря рекомендации датского писателя в 1908 г. там же и была поставлена пьеса О. Дымова «Ню. Трагедия каждого дня». Вначале русская публика встретила пьесу настороженно, многие критики полагали, что такое произведение нельзя будет показывать в театре (главная героиня разрывается между мужем и любовником, не в силах отличить фальшь от настоящих чувств, и совершает самоубийство), тем более что пьеса имела автобиографическую подоплеку. Однако Банг, ознакомившись с текстом, настоял на необходимости постановки. В письме к А.В. Руманову (от 20 октября 1907 г.) О. Дымов приводил слова датского автора: «Если бы я был на месте Рейнгардта <...> я бы сейчас поставил. Вы должны быть счастливы, Дымов, что одарены таким большим драматическим талантом»²⁰⁰. Сам русский писатель в этом же письме признается, что эти слова помогли ему поверить в себя: «Дорогой друг моего духа. Я не хвастаюсь, но ведь я никогда не слышал таких слов. У меня вырастают крылья. Между тем, как русские газеты обрезывали их»²⁰¹. Банг смог уговорить Берлинский театр поставить пьесу «Ню». В одном из репортажей для копенгагенской газеты он описал встречу с О. Дымовым и его женой, которые собирались на генеральную репетицию этой постановки: «Сам Осип Дымов, как всегда, в блестящем настроении. Он может изобразить любого человека и говорить его голосом. В кофейнях он рисует карикатуры <...> И лишь его лицо немного бледнее...»²⁰² [перевод с датского мой. – А.Л.]. Новая пьеса русского драматурга была встречена в Берлине восторженно, и после этого общение Банга и Дымова продолжилось. В другом письме к А. Руманову (1908) О. Дымов настаивает, чтобы коллекционер обязательно выкупил рукопись датского автора,

---

¹⁹⁹ Дымов О. Памяти Германа Банга. С. 11.

²⁰⁰ Обухова-Зелиньска И. Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902-1914) // Русские евреи в Америке. Вып. 5. М. – Иерусалим: Гиперион, 2011. С. 104.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Dramaturgiske Pennebetegninger. Herman Bang som teateressayist. En antologi. Udgivet og kommenteret af Knud Arne Jürgensen. Odense: Syddansk Universitets Forlag, 2007. S. 226.

так как это «великолепный, первоклассный писатель»²⁰³. В письме к критику С.К. Маковскому (4 августа 1909 г.) русский писатель также призывал печатать Банга в России («ручаюсь за него»²⁰⁴). Собираясь приехать в Москву, датский писатель одним из первых известил Дымова о своем намерении (25 ноября 1911 г. из Гельсигфорса (Хельсинки))²⁰⁵.

Также русский писатель часто переписывался с близким другом Банга Осипом Мельником. Так, от него, а не от датского писателя О. Дымов в письме 9 ноября 1911 г. узнал о готовящемся кругосветном путешествии и о том, что журналист собирается доехать с ним до Сан-Франциско²⁰⁶. И именно Мельник прислал русскому писателю скорбную весть о гибели Банга: «Последнее письмо усталое, тоскливое и кончается словами: “Ah, Ossip!”. <...> У него было сердце Франциска Ассизского и глаза Бальзака: соединение редкое и непонятное в этой жизни»²⁰⁷.

Из вышеприведенных фактов видно, что Банг интересовался не только русской классической культурой, но и современными авторами, стремился с ними познакомиться и поддерживать отношения.

В некрологах-воспоминаниях нередко появляется почти дословное воспроизведение долгих бесед с датчанином, что удивительно при столь кратком визите писателя в Москву. Видимо, он стремился как можно больше узнать о России. В этих статьях еще раз пересказывалась биография художника с довольно точными сведениями обо всех эпизодах его жизни («отпрыск угасшего и развенчанного древнего рода, он еще ребенком перенес вторжение Пруссии в поля его страны»²⁰⁸). Однако все же в некоторых статьях содержались не совсем верные факты, так, Л.М. Василевский сообщает, что Банг «никогда ничего не

---

²⁰³ Обухова-Зелиньска И. Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902-1914). С. 99.

²⁰⁴ Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуаров и эпистолярного наследия: в 2 т. Т.2: В дружеском и творческом кругу Дымова / Сост. и коммент. В. Хазана. Иерусалим: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011. С. 239.

²⁰⁵ Письмо Г. Банга О. Дымову // РГАЛИ. Ф. № 181. Оп. 1. Ед. хр. 5.

²⁰⁶ Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... С. 261.

²⁰⁷ Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... С. 262.

²⁰⁸ Койранский А. Герман Банг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 17.

писал для сцены»²⁰⁹, что на самом деле неверно, так как в начале своей карьеры датский автор написал три пьесы для Копенгагенского театра. Однако сам датчанин в беседе с театральным критиком объясняет, почему он не пишет для сцены: «Именно потому, что для сцены надо писать так, как Чехов, – или не писать вовсе»²¹⁰. И эти слова действительно можно истолковать как то, что он не был драматургом никогда.

А.Я. Левинсон, составитель сборника статей о Банге, опубликовал в этой книге и свой развернутый критический очерк о датском писателе, включив в него и статью 1907 г., о которой говорилось выше. Эту публикацию можно было бы считать итогом размышлений русской критики начала XX в. о творчестве датского писателя, так как в ней дается обзор почти всех работ автора, даже его поздних творений. Однако очевидно, что эта статья не вполне самостоятельна и опирается на европейскую критику, как и первая часть очерка, написанная в 1907 г. В статье 1912 г. А. Левинсон упоминает о двух драмах Банга («В серую погоду» и «В четырех стенах»²¹¹) (противореча упоминавшемуся выше некрологу Л. Василевского, в котором утверждалось, что датчанин не писал для сцены), которые на русский язык не были переведены. Критик обращается к не опубликованной на русском языке в начале XX в. статье Банга о театре (впервые напечатана на русском языке в 1982 г.)²¹². Также в статье, завершающей сборник, неверно указан возраст Банга (51, а не 54 года), что создает эффект неадаптированной переведенной иностранной статьи.

Таким образом, в статьях, посвященных приезду Банга в Москву и его неожиданной смерти, был окончательно сформирован образ писателя: представлены его портрет, психологические черты, трактовка им своего творчества и жизни, и было закреплено его лидирующее положение среди датских авторов в российской печати, чему не помешал даже «провал» чтений в Москве.

---

²⁰⁹ Василевский Л. Герман Банг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 14.

²¹⁰ Василевский Л. Герман Банг. С. 14.

²¹¹ Левинсон А. Герман Банг. Критический очерк // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 43.

²¹² Банг Г. Несколько замечаний о технике // Писатели Скандинавии о литературе: сборник статей / Сост. К.Е. Мурадян. М.: Радуга, 1982. С. 44-47.

§ 6. Рецепция творчества «датского Чехова» в писательской среде: Г. Банг и В.Э. Мейерхольд, Г. Банг и Тэффи

Датский писатель был очень известен в России, поэтому восприятие и интерпретация его творчества отечественными авторами были неизбежными. Наиболее репрезентативной является рецепция одного рассказа Банга В.Э. Мейерхольдом.

19 февраля 1909 г. в Литейном театре Вениамина Казанского (Сормера) (Санкт-Петербург) состоялась премьера пьесы «Короли воздуха и Дама из ложи». Автором «мелодрамы для театров типа Grand Guignol» (как было указано в подзаголовке) был В.Э. Мейерхольд, использовавший в качестве основы рассказ Банга «Четыре черта». Этот выбор был не случаен. Помимо того, что во второй половине 1900-х гг. датский автор был уже достаточно известен русской публике, Мейерхольд был одним из тех, кто задолго до появления его книг в России познакомился с сочинениями Банга. Судя по материалам записной книжки за 1900 г., режиссер прочитал на немецком языке роман «Безнадежные поколения» (“Håbløse slægter”) (в русском переводе «Безнадежно погибающие»²¹³). К сожалению, до нас не дошли отзывы Мейерхольда о прочитанном, однако можно предположить, что этот роман все же произвел на режиссера впечатление, так как впоследствии именно к творчеству Банга он обратится при выборе темы для своей драмы.

Пьеса была написана специально для Литейного театра, специализировавшегося на демонстрации публике ужасов в подражание французскому театру Grand Guignol. Парижский театр, пользовавшийся невероятной популярностью, привлекал публику кошмарными сценами: распиливание человека пополам, обезглавливание и т.д. Заведение почти сразу после открытия стало известно не только во Франции, но и во многих европейских странах, поэтому предприимчивый В. Казанский, до этого уже создавший два театра (“Новый фарс” и “Модерн”), решил перенести французскую прибыльную идею на русскую почву, и 7 января 1909 г. в бывшем манеже графа

---

²¹³ Мейерхольд В.Э. Наследие. М.: ОГИ, 1998. С. 366.

Шереметева открылся новый театр. Администрация театра перед первым представлением опубликовала следующее пугающе-привлекательное предупреждение: «Лиц со слабыми нервами просят не смотреть, ввиду особой тяжести пьес»²¹⁴. Возможно, именно поэтому первые постановки привлекли множество зрителей, заинтересовавшихся новинкой. Несмотря на это, театральные критики в основном отнеслись к идее Казанского скептически, хотя следует отметить, что появление Литейного театра стало ярким событием в театральной жизни Петербурга. Так, во втором номере журнала «Театр и искусство» появилось сразу две статьи о новых постановках. В первой заметке критик с недоверием писал о возможности успешной деятельности театра такого типа и предсказывал его скорый крах, но при этом отметил достойную игру актеров и занимательность постановки: «“Кислая капуста” ужасов и несчастий, чуждая сытому обиходу у завсегдатаев парижских больших бульваров, Елисейских полей и Булонского леса, для нас – ежедневное блюдо. По всей России, куда ни глянь, ужас на ужасе»²¹⁵. Другим рецензентом был знаменитый А. Кугель, и он также выразил уверенность, что повторить успех парижского театра невозможно, и дал следующее объяснение этому предположению: во Франции жизнь стабильна, поэтому скучающий обыватель, «пресыщенный порядком, законностью, правомерностью», ждет «сильных ощущений»²¹⁶, а в России, бросающейся из крайности в крайность, этот парадоксальный эффект будет утрачен, поэтому в страшные моменты публика будет смеяться, а не пугаться. И все же, признавая идею заимствованной, указывая на множество недостатков в постановках, критики сошлись во мнении, что «русский “Grand Guignol”, по-видимому, отвечает какому-то спросу»²¹⁷.

Однако всего через несколько недель после начала постановок интерес публики к новому театру стал угасать. Русский «Grand Guignol» перестал быть новинкой, а недостатки спектаклей, напротив, стали особенно заметны. Критики выражали

---

²¹⁴ Василевский Л. Литейный театр. Русский «Guignol» // Речь. 1909. 16 янв. С. 5.

²¹⁵ К-в А. Литейный театр // Театр и искусство. 1909. № 2. С. 29.

²¹⁶ Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1909. № 2. С. 37

²¹⁷ Василевский Л. Новинки Литейного театра // Речь. 1909. 14 марта. С. 7.

недовольство игрой актеров («труппа, увы, далеко не первоклассная, да к тому же плохо сыгравшаяся»²¹⁸, «актеры играют по-гимназически неумело, с ходульной лубочностью вместо действительного трагизма»²¹⁹). В. Казанский, трезво оценив ситуацию, решил изменить театральную тактику: к уже наскучившим публике ужасам он добавил мелодрамы, комедии и фарсы. Одной из таких пьес и стала мелодрама «Короли воздуха и Дама из ложи» Вс. Мейерхольда.

Мейерхольд, как он сам признавался в письмах, написал эту мелодраму во время болезни от скуки, на спор «с одним товарищем»²²⁰. Автор всячески демонстрировал, что относится к этому «пустячку» несерьезно, и был крайне удивлен, что театр Казанского решил ее ставить. Однако при таком несколько презрительном отношении к своему детищу Мейерхольд все же обратился к цензору Н.В. Дризену с просьбой, чтобы цензурный комитет посмотрел пьесу «вне очереди»²²¹. Правда, объяснил свою просьбу заботой об актерах, однако в таком объяснении видится определенная степень лукавства.

Мейерхольд назвал свою пьесу «свободной композицией»²²², что означало следование мотивам рассказа Банга «Четыре черта». Однако на самом деле драматург почти дословно воспроизвел основные сюжетные линии текста датского писателя.

Адаптируя рассказ Банга для театра, Мейерхольд воспользовался переводом Ф. Сологуба, опубликованным в «Северных сборниках» издательства «Шиповник» 1907 г. При этом автор пьесы дополнительно русифицировал текст, дав персонажам русские имена. Так, вместо Фрица появился Алексей, вместо Адольфа – Антон, Луиза стала Лизой, а Эме – Любовью, что собственно и означает это имя по-французски, так оно и было дано в переводе Сологуба. Однако и имя Эме оказалось не забыто: в парижском цирке конференсье объявляет выход пары: «Le grand voltige sans fillet, exécuté par monsieur Aléxis et mademoiselle Aimée» [грандиозный полет без сетки, исполненный месье Алексеем

²¹⁸ К-в А. Литейный театр Казанского // Театр и искусство. 1909. № 9. С. 161.

²¹⁹ Литейный театр // Речь. 1909. 10 нояб. С. 5.

²²⁰ Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896-1939. М.: Искусство, 1976. С. 123.

²²¹ Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896-1939. С. 124.

²²² Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896-1939. С. 123.

и мадемуазель Эме]²²³. Таким образом, Мейерхольд словно бы прозрачно намекнул на существование прототекста.

Мейерхольд усиливает драматизм ситуации оригинального рассказа: погибают не только два акробата (как было в рассказе Г. Банга), другой гимнаст в самом конце пьесы закалывает появившуюся за кулисами знатную даму. Многие критики посчитали эту смерть «драматургически ненужной»²²⁴, однако ее можно не только обосновать требованиями драматургии, но и интерпретировать как некий «реверанс» в сторону Литейного театра, чьи постановки отличались именно обилием смертей.

Мейерхольд сохранил почти все сюжетные ходы и даже некоторые детали рассказа Банга: последовательность событий, история создания цирковой труппы. В пьесе нередко почти дословно воспроизводятся реплики героев рассказа, описания лишь слегка переиначиваются («Она сказала мне: “Твои губы пусть будут цветок мой, твои руки – смерть моя”» (Мейерхольд)²²⁵ и «Она сказала: его губы пускай будут цветок мой, его руки – гибель моя» (Банг)²²⁶). Мейерхольд явно не хотел тратить усилий на переработку текста (создание пьесы уложилось в одну неделю!), из чего можно сделать вывод, что в данном произведении автор видел себя именно драматургом, который создает произведение для сцены, а не ищет словесный эквивалент. Недаром, несмотря на шуточный тон при упоминании этого произведения в письмах к Н.В. Дризену и Л.Я. Гуревич, чувствуется гордость автора за свое детище.

Итак, что же было изменено? Мейерхольд ввел дополнительных персонажей: наездницу, танцора, жонглера, конюхов, режиссера цирка, дуэнью и т.д., которых в рассказе Банга нет. В пьесе же эти второстепенные персонажи выполняют несколько важных с точки зрения целостности спектакля функций: рождается ощущение «заполненности» цирка, толпа за кулисами объясняет

---

²²³ Мейерхольд В. Короли воздуха и дама из ложи. Мелодрама для театров, типа парижского Grand Guignol, по рассказу датчанина Германа Банга “Die vier teufel” В. Мейерхольда. М.: Театр. б-ка М.А. Соколовой, 1909. С. 28.

²²⁴ Волков Н.Д. Мейерхольд: В 2 т. Т. 2: 1908 – 1917. М.; Л.: Academia, 1929. С. 50.

²²⁵ Мейерхольд В. Короли воздуха и дама из ложи. С. 10.

²²⁶ Банг Г. Четыре беса // Северные сборники издательства «Шиповник». [С критико-биографическими очерками Теодора Вольфа, Оскара Левертина, А. Куприна и др.]. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 179.

взаимоотношения героев, благодаря непониманию друг друга в разноязычной труппе цирка, коверканью русских слов иностранцами, диалогу «глухих» создается комический эффект. На последней функции стоит остановиться особо. Мейерхольд знал, что пишет пьесу для театра Казанского, но стремился создать нечто, отличающееся от привычных однообразных и нацеленных на нагнетание ужасных впечатлений постановок Литейного театра. Поэтому и был сделан упор на комических мизансценах. Второе отличие пьесы от рассказа Банга – развернутые ремарки с описаниями, которые отсутствовали в тексте датского писателя. «Короли воздуха...» открываются объемным перечислением разнообразных предметов, которые должны находиться на сцене: «У арки – черная доска, на которой режиссер пишет извещения о репетициях. Колокол. Доска для афиши. Яркие плакаты гастролеров»²²⁷. Ремарки в данной пьесе составляют значительную часть текста, автор даже прописал, что должно происходить во время перерывов, чтобы публика не расходилась. И это явление находилось в русле исканий русской драматургии, которая все более была склонна «работать» на воображение читающего и ставящего пьесу, бесконечно расширяя «поле» описания действия, расшифровывая подробности, разрабатывая психологическое состояние актеров. Но все же Мейерхольд-драматург в данном случае «подыгрывал» Мейерхольду-режиссеру, «раскрывая» именно постановочные возможности пьесы.

Эту мысль высказал исследователь Н.Д. Волков: «Читая пьесу Мейерхольда, нетрудно заметить, что перед нами не столько пьеса, сколько уже готовый режиссерский экземпляр, учитывающий все средства сценической выразительности, дабы усилить впечатление от спектакля»²²⁸. В качестве примера цветовой образности исследователь приводит костюмы королей воздуха: черные у гимнасток и светлые у гимнастов. Здесь, кстати, Мейерхольд прямо следует за Бангом, но он продолжает игру с контрастами: другие персонажи пьесы появляются на сцене в ярких пестрых костюмах, что явно оттеняет «строго»

---

²²⁷ Мейерхольд В. Короли воздуха и дама из ложи. С. 5.

²²⁸ Волков Н.Д. Мейерхольд. С. 49.

одетых главных героев. Показательна в этом смысле финальная сцена: после гибели Алексея и Любы отличительные черно-белые признаки «переходят» на остальных – на сцене остается только одетый в черное гимнаст Антон, сидящий на белом стуле, а его окружают мужчины в элегантных черных пальто и цилиндрах – посетители цирка.

Мейерхольд также энергично использовал звуковую символику. Лейтмотивом пьесы становится вальс «Звуки любви»: он сопровождает выступления гимнастов, музыка звучит во время антрактов, мелодию напевает влюбленный Алексей, насвистывают клоуны. И каждый из героев слышит в этом вальсе свое: для Лизы и Антона, как и для всех остальных, это лишь обычная мелодия, а для Алексея – символ его любви к даме из ложи и его успеха, для Любы – разрушенного счастья. А во время смертельного выступления вальс сменяется барабанной дробью и звоном тарелок.

В рассказе Банга есть сцена, которую Мейерхольд почти без изменений переносит в пьесу: гимнасты, дурачась в ресторане, перебрасываются колпаком от люстры, и главная героиня, погруженная в мысли о предавшем ее любимом, не успевает его поймать – колпак разбивается. При этом важно, что он был брошен ее возлюбленным. После этого Люба впервые задумывается о смерти. Символичность данной сцене добавляет то, что каждый из героев интерпретирует случившееся по-своему: для мужчины это счастливая примета, свидетельствующая о развитии его отношений с нравящейся ему женщиной, для девушки – символ разбитой любви.

Но в произведении датчанина есть символическая деталь, которую Мейерхольд проигнорировал: главный герой перед выходом на арену всегда пудрил руки своей напарнице, однако, когда он охладел к ней, он стал забывать об этой обязанности и даже стал покрикивать на девушку («Что ж ты не напудрилась? – сказал он потом резко и ушел»)²²⁹. Возможно, это объясняется тем, что Мейерхольд максимально сократил рассказ Банга, изъяв множество реплик персонажей, сцен и описаний, детально, на нескольких страницах

---

²²⁹ Банг Г. Четыре беса. С. 162.

«разъясняющих» мысли главной героини. В пьесе есть только возгласы, например: «И стоит только развязать петлю! Он мой»²³⁰. Но именно эти реплики создают напряжение и драматизм, столь необходимые на сцене, где действие должно «выплескиваться».

Необычным и именно режиссерским решением следует считать выбранное место действия. Пришедшая в театр на Литейном публика присутствует на представлении в цирке: ей виден краешек зрительного зала цирка, а также и то, что делается за кулисами. Следовательно, актерам театра не пришлось выполнять сложные трюки, зато реакция зрителей циркового представления передавалась непосредственно зрительному залу театра. Такая «опосредованность» была призвана усилить переживания людей, которые не наблюдают «воочию», но через реакцию других «довоссоздают» недостающие элементы и детали случившегося несчастья.

Принципиальному изменению по сравнению с первоисточником подверглось название произведения. «Четыре черта/беса/дьявола» (разные переводы названия группы гимнастов) Банга превратились у Мейерхольда в «Короли воздуха и Дама из ложи». Бангу важно было подчеркнуть дьявольскую быстроту и ловкость, с которой работали цирковые артисты. Мейерхольд же хотел, по-видимому, усилить не только «воздушность», «неземной» характер отношений героев, но и их решимость. «Короли воздуха» («Les rois de l'air») звучат в этом случае лучше. А добавление «и Дама из ложи» придает названию таинственности...

Но критика и публика не оценили новшеств. Один из рецензентов посчитал, что «в пьесе не оказалось никакого содержания, кроме содержания арии “Смейся, паяц”»²³¹. Другой был еще более резок: «Шаблоннейшая, стереотипная тема. ... Это не эстетический оппортунизм, а сценическое шарлатанство. Еще раз: из сильных ощущений самое слабое от пьесы Мейерхольда, а самое сильное — от отвращения к ней»²³². Однако большинство подобных выпадов можно объяснить личной неприязнью критиков к автору. Но встречались и отзывы, которые объясняли неуспех «недостаточно искренней», «тяжеловесной» игрой актеров,

---

²³⁰ Мейерхольд В. Короли воздуха и дама из ложи. С. 25.

²³¹ Михайлов А. Литейный театр // Слово. 1909. 21 февр. С. 5.

²³² Легри А. Литейный театр с г. Мейерхольдом // Биржевые ведомости (веч.). 1909. 20 февр. С. 5.

неумелой постановкой П.П. Ивановского, не сумевшего «тонко обработать» сцены²³³. В результате пьеса, обладавшая, по мнению рецензента журнала «Театр и искусство», мощным потенциалом, оказалась «смазанной». Действительно, театр Казанского был не самым удачным местом для экспериментов Мейерхольда: актеры, привыкшие к игре на грани истерики, были неспособны к разработке характеров, уловлению контрастных переходов. А так как спектакли шли каждый день, времени на полноценные репетиции не оставалось.

Для Мейерхольда же пьеса была, несомненно, важна. Исследователь Л.И. Тихвинская интерпретирует обращение режиссера к написанию «Королей воздуха» желанием поработать в русле «низовой театральной традиции» (в конце 1900-х гг. он по-настоящему увлекся «гиньолем, балаганом и кабаре» и при постановке «Последнего из Уэшеров» по рассказу Э. По в «Лукоморье» в 1908 г. «использовал приемы “театра ужасов”»)²³⁴. Однако можно предположить, что Мейерхольда также интересовала и цирковая культура. Одним из первых опытов обращения к цирку следует считать его постановку «Акробатов» Ф. фон Шентана в Херсоне в 1903 г., где Мейерхольд был и переводчиком, и режиссером, и исполнителем главной роли. Эта пьеса, одна из наиболее популярных постановок театра в тот год²³⁵, также оставляла в тени сами цирковые выступления, однако успех спектакля дал режиссеру достаточную мотивацию, чтобы не прекращать размышлений о возможности «пересечения» циркового и театрального искусств. Мейерхольд и далее продолжает мечтать об этом союзе: «Может быть, когда-нибудь создастся театр наподобие цирка с движущимися площадками для зрителей»²³⁶.

После революции идея циркизации театра («использования на драматической сцене актерских приемов и умений циркового происхождения»)²³⁷

---

²³³ К-в А. Литейный театр Казанского // Театр и искусство. 1909. № 9. С. 162.

²³⁴ Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века: Кабаре и театр миниатюр в России: 1908 – 1917. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 183.

²³⁵ Звенигородская Н.Э. Провинциальные сезоны Всеволода Мейерхольда. 1902-1905 гг. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 149.

²³⁶ Мейерхольд В.Э. Лекции: 1918-1919 / Сост. О.М. Фельдман. М.: О.Г.И., 2001. С. 27.

²³⁷ Сергеев А.В. Проблема циркизации театра в русской режиссуре 1910-1920-х годов. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1998. С. 5.

не покидает режиссера, он выпускает несколько статей о цирке («Да здравствует жонглер!», «Возрождение цирка»), мечтает о создании специальной художественно-акробатической гимназии для воспитания юношей, готовых к выступлениям как в цирке, так и в театре. В объединении театра и цирка Мейерхольд видел возможность реформирования театрального искусства, «в возрождении культуры сценического движения и в воспитании артиста, отлично владеющего своим телом», видел путь, «ведущий к созданию театра, способного выполнять сложные и разносторонние задачи»²³⁸. Впоследствии в таких постановках Мейерхольда, как две редакции «Мистерии-буфф», «Смерть Тарелкина», «Лес», нашли реализацию эти идеи.

Таким образом, пьеса Мейерхольда «Короли воздуха и Дама из ложи», не впечатлившая современников автора, на самом деле является одним из первых шагов режиссера к разработке концепции нового театра, и эксперименты Мейерхольда в данной пьесе являются ключом к пониманию его творческого развития. А обращение к рассказу Г. Банга подтверждает глубочайшую осведомленность режиссера в современной ему переводной литературе, его умение работать с литературным материалом, «приспосабливая» его к выполнению нужных задач, и в свою очередь говорит о «проникновении» датской прозы на театральные подмостки.

Переосмыслению подвергла это произведение Банга и Тэффи в рассказе «Страшный прыжок» (1910), который она посвятила «Герман Бангу и прочим авторам рассказов об акробатках, бросившихся с трапеции от несчастной любви»²³⁹. Этот рассказ по сюжету (измена возлюбленного гимнастке), рефренным словам (текст из французской песни), замкнутому поведению главной героини напоминает иронически пересказанный текст датского автора. Концовка этого фельетона выглядит абсолютно пародийной: «Ленора подалась вперед, вытянула руки. Взметнулись на воздух ее длинные волосы... Раздался нечеловеческий крик... Это кричал господин в цилиндре. Это кричал господин

---

²³⁸ Февральский А. Мейерхольд и цирк // Советская эстрада и цирк. 1963. № 4 (октябрь). С. 9.

²³⁹ Тэффи. Страшный прыжок // Тэффи. Юмористические рассказы. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1910. С. 148.

в цилиндре, которому в толпе отдавили ногу. На другой день Ленора, получив тройной сбор за бенефис, купила у вдовы портного хорошенький домик с огородом, приносящим пользу и удовольствие»²⁴⁰.

Данная переделка рассказа Банга демонстрирует, во-первых, достаточное знакомство читающей публики с этим произведением, а во-вторых, некоторую усталость от произведений подобного рода.

Таким образом, творчество Банга настолько глубоко вошло в русскую культуру, что его произведения не только адаптировали для театра, но и создавали на их основе фельетонные опусы.

§ 7. Анализ переводов произведений писателя

В России начала XX в. ситуация с литературными переводами иностранных произведений была достаточно сложной: нередко переводчики, стремясь как можно быстрее выполнить заказ, делали свою работу неряшливо, копируя иностранные выражения, выбирая неверные слова, переводили не с языка оригинала, а с немецкой или французской версии, что еще больше ухудшало качество текста. Претензии, высказываемые критикой к произведениям, иногда относились и к переводчикам, которые настолько сильно искажали текст, что отечественные рецензенты не могли понять, почему данное произведение так популярно в Европе.

Произведения Банга переводились в основном довольно талантливыми и профессиональными переводчиками, однако встречались и исключения. Так, анонимный критик невысоко оценил перевод В.К. Рудиной романа «У дороги», назвав его «неудобным», а язык – «специальным переводным»²⁴¹. Однако все же подобные отзывы на переводы датского писателя были редкостью, в основном, издатели следили за качеством языка, и романы Банга получали высокую оценку критики.

Один из первых переводов Банга в России был сделан Ф. Сологубом (в 1907 г. для «Северных сборников») и получил высокие оценки критики: «Симпатичной

---

²⁴⁰ Тэффи. Страшный прыжок // Тэффи. Юмористические рассказы. Кн. 1. С. 149.

²⁴¹ Рец. на: Банг Г. Собр. соч. Изд. В.М. Саблина. // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 5. С. 91.

стороной подобного рода сборников является прежде всего то внимание, которое уделяется в них художественному переводу. В этом отношении следует отдать должное лицам, потрудившимся над передачей на русский язык таких капризных мастеров слова, как, например, Стриндберг и Банг»²⁴².

В конце 1900-х гг., когда произведения Банга только начали появляться в России, критики уже относились к его переводам достаточно благосклонно (так, например, рецензент Е. Брик пишет о романе «Белый дом» в переводе Я. Сегала: «Перевод недурен»), однако еще давали советы переводчикам: «Следовало только с большим старанием перевести песни»²⁴³. Также и критик Н., разбирая перевод А. Владимировой, заявляет о том, что перевод «удовлетворителен», однако при этом подчеркивает его недостатки: «Местами [перевод. – А.Л.] имеет претензии на измененную близость к оригиналу, отчего местами страдает некоторыми странностями»²⁴⁴ (надо отметить, что и сам рецензент, судя по этому предложению, оказывается «не в ладах» с русским языком).

Постепенно качество переводов (возможно, и под давлением критики) стало улучшаться, и в статье, посвященной одному из последних томов собрания сочинений Банга, можно прочесть следующее: «Перевод книги, как и все переводы в изданиях В.М. Саблина, отличаются хорошим языком»²⁴⁵.

Чтобы продемонстрировать качество переводов произведений Банга, осуществленных в начале XX в., был выбран короткий рассказ «Ирена Гольм / Хольм», дважды переводившийся в России – Я. Сегалом в 1910 г. и А. Койранским в 1911 г. В этом произведении рассказывается о нескольких месяцах тихой и вместе с тем трагической жизни бывшей балерины Копенгагенского королевского театра, которая теперь, 40-летняя уволенная танцовщица, вынуждена давать уроки танцев деревенским детям и их родителям. За время занятий она смогла заслужить уважение учеников, хотя те и продолжают

---

²⁴² Л. Евг. Северные сборники издательства «Шиповник». Книга первая. 1907 // Современный мир. 1907. № 10. С. 75.

²⁴³ Брик Е. Рец. на: Герман Банг. Белый дом. Перевод Я. Сегал. Издание В.М. Саблина. Москва. 1908 С. 75.

²⁴⁴ Н. Герман Банг. Полное собрание сочинений. Том VII. Роман больничной сиделки. Изд. В.М. Саблина. 345 стр. М., 1911. Ц. 1 р. С. 4.

²⁴⁵ Н.Т. Герман Банг. Собрание сочинений. Том IX. Серый дом. Летние развлечения. Пер. Е. Барсовой и М. Розенфельд. Изд. В.М. Саблина. 338 стр. М., 1911. Ц. 1 руб. С. 4.

над ней посмеиваться. На прощальном ужине Ирена Гольм решает выступить перед публикой с соло из балетной партии, о которой она всегда мечтала в театре. Однако ее трагический и чувственный танец вызывает хохот и недоуменные аплодисменты. Опустошенная, балерина уезжает давать уроки в соседнюю деревню и «продолжать то, что называется жизнью»²⁴⁶.

В оригинальном тексте Банга почти не чувствуются симпатии или антипатии автора к своему персонажу. Это было одним из излюбленных приемов датского писателя – даже описывая чувства персонажей, он делал это, как бы передавая фактические сведения, сухо и лаконично (“Og pludselig lagde hun hovedet ned i puderne og hulkede, voldsomt og ustandseligt, i afmægtig og fortvivlet smerter”²⁴⁷) [внезапно она уронила голову на подушки и громко зарыдала, не в силах остановиться, от обессиливающей и отчаянной боли (перевод мой. – А.Л.)]. Из вышеприведенного примера видно, что Банг описывает только те переживания героини и ее действия, которые могли быть доступны внешнему наблюдателю, никогда не углубляясь во внутренний мир своего персонажа. Также автор намеренно не давал объяснений поступков и реплик героев и не пытался интерпретировать их. Общий замысел Банга поняли оба переводчика, поэтому их перевод по стилю и атмосфере в целом можно признать вполне адекватным оригиналу. Так, приведенную выше фразу Сегал перевел так: «И вдруг она уткнулась лицом в подушки и зарыдала, громко и неудержимо, в бессильной и полной отчаяния муке»²⁴⁸. Койранский также создавал почти пословный перевод: «И вдруг она прижала лицо к подушке и зарыдала громко, неудержимо, в дикой отчаянной боли»²⁴⁹.

Оба переводчика несколько злоупотребляют калькированием структуры датских фраз. Так, например, в самом начале рассказа встречается фраза: «Jens

---

²⁴⁶ Банг Г. Ирена Гольм // Банг Г. Избранные новеллы. Пер. с дат. Я. Сегал. М.: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и Ко, 1910. С. 119.

²⁴⁷ Bang Herman. Værker i Mindeudgave. Bd. 2. //Arkiv for Dansk Litteratur. Режим доступа: http://adl.dk/adl_pub/pg/cv/ShowPgImg.aspx?nnoc=adl_pub&p_udg_id=5&p_sidenr=344 С. 344.

²⁴⁸ Банг Г. Ирена Гольм // Банг Г. Избранные новеллы. Пер. с дат. Я. Сегал. С. 112.

²⁴⁹ Банг Г. Ирена Хольм / Пер. А. Койранского // Банг Г. Фрэкен Кайя. Жизнь и смерть. Пер. А. Койранского и А. Владимировой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1911. С. 114-115.

Larsens stillede de tre “på moderation”²⁵⁰» [дословно: Йенс Ларсен представил этих троих для скидки]. Речь идет о трех детях героя, которые получили скидку и платили меньше за занятия, так как были родственниками. По-датски, благодаря контексту, такая фраза была понятна без комментариев и разъяснений, однако переведенная дословно в русском варианте она выглядела несколько странно. Так, в варианте Сегала можно прочитать: «Йенс Ларсен поместил троих “со скидкой”»²⁵¹. А Койранский, скопировав слова из датского оригинала, вообще лишил это предложение смысла: «Йенс Ларсен поместил троих “для скидки”»²⁵². Думается, что при переводе данного предложения следовало немного отдалиться от оригинала и более объяснить ситуацию, воспроизведенную в предложении.

К достоинствам перевода Сегала можно отнести очень ценное примечание на первой странице рассказа: «В датском языке существует большая разница между правописанием и произношением, в частности, некоторые согласные произносятся очень слабо или совсем не произносятся»²⁵³. Этот комментарий объяснял особенность речи Ирены Гольм, которая говорила, произнося все согласные, чем очень выделялась среди жителей деревни. Переводчик не упомянул о различии диалектов даже соседних деревень в Дании, отчего и могла возникнуть подобная привычка произносить все звуки, однако и эта краткая сноска была полезна для читателя. В переводе Койранского подобных разъяснений нет, лишь в одной реплике героини он удваивает некоторые согласные, однако это создает комический эффект, которого не было в оригинале: «Благодаррю, благодаррю, я могу самма!»²⁵⁴.

В обоих переводах есть недостатки, так Сегал называет жену кузнеца «кузнечихой», а Койранский путает датские слова “tyr” (бык) и “dyr” (животное), поэтому в его переводе получается, что Ирена Гольм боится не только быков и лошадей, но и «всяких животных»²⁵⁵.

---

²⁵⁰ Bang Herman. Værker i Mindeudgave. Bd. 2.

²⁵¹ Банг Г. Ирена Гольм // Банг Г. Избранные новеллы. Пер. с дат. Я. Сегал. С. 105.

²⁵² Банг Г. Ирена Хольм / Пер. А. Койранского. С. 105.

²⁵³ Банг Г. Ирена Гольм // Банг Г. Избранные новеллы. Пер. с дат. Я. Сегал. С. 105.

²⁵⁴ Банг Г. Ирена Хольм / Пер. А. Койранского. С. 106.

²⁵⁵ Банг Г. Ирена Хольм / Пер. А. Койранского. С. 107.

Однако в целом оба перевода достаточно близки к оригиналу даже построением фраз, их длиной и общей атмосферой. Переводчикам удалось сохранить узнаваемый «отрешенный» стиль повествования Банга и передать его читателям.

Таким образом, переводы Банга постепенно совершенствовались: чем больше переводчики узнавали о стиле письма датского автора, о его других произведениях и откликах критиков на предшествующие переводы, тем лучше становилась их работа.

§ 8. История публикации произведений и исследований о творчестве Г. Банга после 1917 г.

После революции 1917 г. издание произведений Банга в России продолжается, до 1930-х гг. в разных переводах выходит его самый популярный рассказ «Четыре дьявола». Для издания этого произведения в 1925 г. известный критик А. Левинсон написал предисловие, адаптированное для нового читателя. Так, автор вступительной статьи вынужден объяснять, что такое этикет («правила поведения, которым обязаны следовать государи и их придворные»²⁵⁶). Однако, несмотря на кажущуюся простоту предисловия, в нем есть важные мысли, позволяющие читателям верно оценить даже одно произведение Банга в контексте его других работ. Так, Левинсон называет первое значительное произведение датского автора, дает традиционное сопоставление Банга с А.П. Чеховым, выстраивает примерную хронографию его работ (иногда не называя их, а пересказывая содержание) и рассказывает о переломных эпизодах жизненного пути датчанина. Все эти сведения были известны и до революции, заслугой Левинсона является то, что после 1917 г. он сумел собрать эту информацию и сжато изложить в одной статье для тех читателей, которые не имели возможности познакомиться с творчеством Банга раньше. Критик выделяет в произведениях датского автора черту, которую подчеркивает на протяжении всей статьи: «Бангу не дало опустить руки в унынии его великое сострадание к людям, его глубокая больная нежность к жестоким и безумным, жалким и смешным братьям. Он умел понимать и жалеть». Для Левинсона это качество

---

²⁵⁶ Левинсон А. Предисловие // Банг Г. Четыре дьявола. [М.]: Печатник, [1925?]. С. 9.

прозы Банга является очень важной и положительной характеристикой, однако, видимо, подобный «христианский» вариант отношения к миру, столь активной подчеркнутый в предисловии критиком, не способствовал популяризации творчества датского автора в СССР.

В 1930 г. в первый том Литературной энциклопедии была включена достаточно тенденциозная статья о Банге. Здесь уже основным лейтмотивом его творчества называется тема неизбежного угасания дворянского сословия («вырождение и гибель вековых устоев дворянской культуры были почти единственной его темой»²⁵⁷). Однако даже после этой «переинтерпретации» произведений датского автора количество изданий его работ резко сокращается, также почти не выходят исследования или даже заметки о его творчестве.

Однако не следует думать, что Банг был окончательно забыт. Так, например, в черновиках С.М. Эйзенштейна 1942 г. можно найти шесть набросков к планируемой постановке кинофильма «Четыре черта» (по рассказу датчанина)²⁵⁸.

Одним из первых литературоведов, кто обратился к творчеству Банга после долгого перерыва стал М.И. Бент, в 1957 г. написавший статью о многих произведениях датского автора (в честь его столетнего юбилея). Однако этот обзор был опубликован лишь в 2012 г. Литературовед был очень хорошо осведомлен о творчестве Банга, точно воспроизвел классификацию периодов его творчества, места проживания и основные характеристики его произведений: «Его стиль, скорее, следует определить как импрессионизм. Верность изображения деталей, нюансов, отличающая творческий метод Банга, не исключает субъективности изображения в целом, ибо выбор сюжета, момента, деталей, всего ракурса изображения подчинены субъективной концепции писателя именно потому, что он искренен²⁵⁹». Впервые в статье на русском языке

---

²⁵⁷ В.-В. Банг // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929—1939. Т. 1 / Ком. Акад.; Секция лит., искусства и яз.; Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Луначарский А.В., Нусинов И.М., Переверзев В.Ф., Скрыпник И.А.; Отв. ред. Фриче В.М.; Отв. секретарь Бескин О.М. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 331.

²⁵⁸ Эйзенштейн С.М. Герман Банг. Серия. Рисунки. 16 окт. 1942 г. // РГАЛИ. Ф. № 1923. Оп. № 2. Ед. хр. 1425.

²⁵⁹ Бент М.И. «Индивидуальная духовная жизнь» в произведениях Германа Банга // Известия высших учебных заведений: Уральский регион. 2012. № 4. Режим доступа: <http://mark-bent.livejournal.com/>

звучит тема творческой связи Банга не только с А.П. Чеховым, но и французскими (Бальзак, Флобер, Мопассан), немецкими (Т. Манн) и американскими (Э.А. По) авторами. Однако, как уже упоминалось выше, эта статья не была опубликована в свое время, поэтому она не могла повлиять на становление современного отечественного банговедения.

С 1970-х гг. возобновляется переиздание работ Банга. Так, в современных переводах выходят его новеллы «Тине», «У дороги», рассказы «Шарло Дюпон», «Четыре черта», «Фрекен Кайя», «Воронье» в сборнике «Избранное» в 1974 г.²⁶⁰. В 1982 г. произведение Банга «У дороги» было включено в сборник «Скандинавские повести»²⁶¹. В 1986 г. рассказ «Шарло Дюпон» был перепечатан в сборнике «Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века»²⁶². А через два года его новелла «Тине» была включена в другую книгу «Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века»²⁶³.

Таким образом, в 1970-1980-е гг., следует признать, состоялось повторное «открытие» Банга в России. Неудивительно, что многие отечественные литературоведы начали изучать его творчество.

К числу тех, кто одним из первых обратился к произведениям этого датского писателя, был известный исследователь зарубежной литературы В.П. Неустроев. К изданию избранных произведений Банга 1974 г. им было написано предисловие о творчестве датчанина, первое после многих лет забвения. В этой очень подробной работе исследователь разбирает все значительные произведения писателя, освещает его журналистскую и режиссерскую деятельность, приводит краткие сведения о его биографии. Неустроев называет фамилии зарубежных коллег, которые после 1945 г. также заново открыли творчество этого автора. Несмотря на несколько помпезное завершение статьи, где Бангу приписаны некоторые не присущие ему достоинства («глубокое

---

²⁶⁰ Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Комментар. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. 480 с.

²⁶¹ Банг Г. У дороги // Скандинавские повести / Сост. Ю. Яхнина. М.: Правда, 1982. С. 17-142.

²⁶² Банг Г. Шарло Дюпон // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. унт-та, 1986. С. 293-320.

²⁶³ Банг Г. Тине // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 130-255.

беспокойство и чувство ответственности писателя-гуманиста за судьбы личности и общества, за будущее культуры и искусства»²⁶⁴), это предисловие следует признать одним из важнейших шагов в осмыслении наследия Банга в России.

Позднее В.П. Неустроев продолжил исследовать творчество писателя. В сборнике своих статей 1980 г. он дает очень важное разъяснение необычному отстраненному стилю датского автора: «Художественное произведение, по мысли Банга, не должно объяснять и поучать, его задача – «описывать», «рисовать». Именно этим целям <...> и должна <...> служить техника импрессионистического стиля, заключавшегося в намеке и подтексте»²⁶⁵. Об этом писали критики еще в начале XX в., однако их заметки не были известны литературоведам и простым читателям 1980-х гг., поэтому подобное разъяснение было очень важным²⁶⁶.

В издании первых за долгое время произведений Банга в 1974 г. участвовал и другой исследователь скандинавской литературы А.В. Сергеев. Он стал автором интересных и полезных для читателя комментариев. Так, литературовед подробно осветил историю создания новеллы «У дороги», привел цитаты из писем Банга. Именно из этой статьи читатель в России мог узнать, что стало стимулом для писателя к созданию этого произведения: «На железнодорожной станции Банг увидел однажды молодую женщину, лицо которой поразило его выражением страдания и боли»²⁶⁷. Эта история была помещена датским автором в качестве предисловия к сборнику «Тихое существование» (“Stille Eksistenser”), которое никогда не переводилось в России, и поэтому не было известно.

Также подробно описывается история создания новеллы «Тине» и объясняются исторические детали, в изобилии присутствующие в этом

---

²⁶⁴ Неустроев В.П. Герман Банг и его творчество // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Комментар. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 21.

²⁶⁵ Неустроев В.П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. С. 112.

²⁶⁶ В 1983 году В.П. Неустроев опубликовал еще одну статью о Германе Банге в сборнике своих статей, однако она представляет собой полную перепечатку предисловия 1974 года, о котором говорилось выше. Поэтому данная статья (Неустроев В.П. Герман Банг // Неустроев В.П. Литературные очерки и портреты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 169-192) в работе рассматриваться не будет.

²⁶⁷ Сергеев А.В. Комментарии // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Комментар. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 472.

произведении. Для читателя, не знакомого с датской историей, чтение этого произведения без дополнительных разъяснений представляется непростым делом²⁶⁸.

В 1976 г. А.В. Сергеев защитил диссертацию о творчестве Банга «Романы Германа Банга 80-х годов XIX века: (К проблеме метода)»²⁶⁹, в которой продолжил интерпретировать наследие датчанина, стремясь выявить художественную основу его творчества – реализм или импрессионизм. Позднее, в статье 1994 г. исследователь назовет жанр, созданный датским автором, «драматическим романом»²⁷⁰. Также в этой статье Сергеев дал дополнительные разъяснения о направлении, к которому принадлежал Банг: по его мнению, это психологический реализм с элементами символизма.

Несмотря на исследования, проведенные этими двумя литературоведами, в 1980-е гг. смогли появиться статьи, в которых творчество Банга характеризовалось не совсем верно. Так, в статье из учебника по зарубежной литературе Е.Е. Фиалковского единственная информация, которую можно узнать о датском авторе, это то, что он «представитель декаданса»²⁷¹. Не слишком глубоким выглядит и комментарий Е. Апенко в рассказе «Шарло Дюпон», в котором есть верное замечание о манере письма Банга («автор не обнаруживает открыто своего присутствия»²⁷²), однако некоторые положения этой статьи выглядят сомнительно. К подобным можно отнести следующее: «Банг принял существенные положения реалистической программы: стремление к демократизации литературы, приобщение к актуальным проблемам современности»²⁷³.

В послесловии Б.А. Ерхова 1988 г. вскрываются причины разногласий между Г. Брандесом и Бангом, о которых лишь упоминала критика начала XX в. и которые

---

²⁶⁸ В комментариях, созданных Сергеевым есть неточность, касающаяся первой публикации рассказа «Четыре черта» в России: это не 1911, а 1907 г.

²⁶⁹ Сергеев А.В. Романы Германа Банга 80-х годов XIX века : (К проблеме метода). Дисс. .... канд. филол. наук (10.01.05). М., 1976. 162 с.

²⁷⁰ Сергеев А.В. Датская литература [на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. Т. 8. 1994. С. 410.

²⁷¹ Фиалковский Е.Е. Литература Дании // История зарубежной литературы XX века. 1917-1945: Учебник для студентов филол. фак. пед. ин-тов / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головенченко и др.; Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. – 3-е изд, испр, доп. М.: Просвещение, 1984. С.237.

²⁷² Апенко Е. Примечания // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. унт-та, 1986. С. 481.

²⁷³ Апенко Е. Примечания. С. 481.

были мало известны советским литературоведам. Датский писатель стремился избегать «идейности» в литературе, насаждавшейся критиком, он «предпочитал все же выражать свое авторское отношение к описываемым событиям через намек, иронический поворот слова и подтекст, отвергая «тенденциозность» как художественное насилие над жизнью»²⁷⁴.

После 1980-х гг. издание произведений Банга прекращается, однако исследователи продолжали публиковать статьи о его творчестве. К числу ярких работ в отечественном банговедении можно отнести публикацию историка Д.А. Эльяшевича. В этой статье впервые затрагивается тема связи Банга и России, описывается его пребывание в Москве и приводятся высказывания самого писателя из датских писем: «Москва – это сказка, постичь которую мысль не может»²⁷⁵. Исследователь находит прототипа персонажа рассказа Банга «Бархан умер» (о нем говорилось выше): «Я нашел письма... Пауля (Павла) Бархана! Выяснилось, что он – тоже русский, жил в Берлине, работал фельетонистом»²⁷⁶.

В современном литературоведении в России исследования творчества Банга не прекращаются. Одна из последних статей, посвященных его новеллам, вышла в 2009 г. В этой работе А.В. Коровин доказывает, что датский писатель преобразовал жанр новеллы, представив все действия, реплики и мысли персонажей лишь средствами для косвенного изображения человеческой психологии: «Действие становится следствием некоего переживания, оно выступает инструментом анализа этого переживания, а не действие порождает некие чувства»²⁷⁷.

Таким образом, после 1917 г. произведения Банга постепенно теряют былую популярность и известность, однако, начиная с 1970-х гг., его творчество вновь было открыто советскими читателями и исследователями, и было опубликовано множество новых интересных работ. При этом следует особо подчеркнуть, что, кроме диссертации А.В. Сергеева, масштабных исследований в

---

²⁷⁴ Ерхов Б.А. Послесловие // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 518.

²⁷⁵ Эльяшевич Д. «Россию я очень-очень люблю...» // Нева. 1991. № 2. С. 203.

²⁷⁶ Эльяшевич Д. «Россию я очень-очень люблю...». С. 204.

²⁷⁷ Коровин А.В. Особенности психологизма в новеллах Хермана Банга // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 10: Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жарова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 87.

России о произведениях Банга не проводилось, что открывает простор исследователям будущего.

Выводы

В первой главе диссертационной работы было представлено творчество датского писателя рубежа XIX-XX вв. Банга, в настоящее время не слишком известного русской читающей публике. В связи с этим был освещен его творческий и жизненный путь, приведена хронология появления его работ и намечены основные трактовки его произведений в зарубежной критике.

В ходе исследования была обнаружена первая публикация Банга в России (1904 г.), а также восстановлен хронологический порядок появления его произведений в русской печати.

Для объективного представления отношения русской критики к творчеству Банга были проанализированы все обнаруженные статьи из периодики начала XX в. Были выделены две основные линии стратегии критиков того времени: следование за идеями, высказанными в зарубежной печати, и попытки самостоятельной трактовки произведений писателя. Благодаря проведенному анализу стало очевидно, что русские и иностранные критики находились в разных условиях: отечественные рецензенты нередко не имели полной информации о творчестве автора, о его интерпретации собственных произведений, поэтому в первые годы издания Банга в России оригинальные рецензии русских критиков носили обобщенно-нейтральный характер. Постепенно, по мере усиления интереса читающей публики к творчеству датского автора, критики в своих статьях предоставляют больше информации и о самом писателе, и о его произведениях. Публикуются в различных вариантах биографии Банга, что говорит о его популярности в России, так как не каждый иностранный автор удостоивался хотя бы предисловия к своим трудам.

В работе подробно анализируются отклики на приезд Банга в Россию, некрологи, его собственные статьи и предисловия, что несомненно подчеркивает его популярность и известность у русского читателя.

В этой главе также была затронута тема связи датского писателя с Россией: описана его дружба с О. Дымовым, О. Мельником, общение с К.С. Станиславским и

некоторыми русскими критиками. Также в работе были приведены высказывания Банга о русской литературе и о том сильном влиянии, которое она оказала на его творчество, неслучайно его и в России, и за рубежом называли «датским Чеховым», что ему, несомненно, льстило.

Отдельная часть работы посвящена рецепции творчества Банга русскими писателями. Для примера были выбраны драма В.Э. Мейерхольда и фельетон Тэффи, которые показывают, как на разных уровнях воспринималось одно и то же произведение датского автора «Четыре дьявола».

Качество переводов в начале XX в. играло огромную роль в отношении популяризации иноязычных произведений. Проведенный в работе анализ показал, что переводчики относились к текстам Банга достаточно бережно, стремясь передать даже атмосферу и эмоциональный настрой его романов, повестей и рассказов.

В последней части работы было показано, как продолжилось исследование творчества Банга после 1917 г. В отличие от многих переводных авторов, вскоре после революции забытых, этот датский писатель смог занять принадлежащее ему по праву место среди зарубежных авторов. Его повторное открытие состоялось уже во второй половине XX в., и публикация исследований о его творчестве продолжается до сих пор.

Таким образом, публикация произведений Банга в России была важным этапом в понимании русскими читателями датской литературы и оказала влияние на развитие русско-датских культурных связей и русской литературы в целом.

ГЛАВА 2. ТВОРЧЕСТВО КАРИН МИХАЭЛИС В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Все творчество Карин Михаэлис (Karin Michaëlis), датской писательницы первой половины XX в., было посвящено исследованию тайн психологии женщин разного возраста, скрытых мотивов тех или иных поступков, анализу взаимоотношений полов. В связи с этим автор также затрагивала темы супружеской измены, аборт, физиологических возрастных изменений. В свои произведения она включала выдержки из дневников, писем, воспоминаний, что создавало эффект достоверности и реальности событий.

Естественно, что наличие подобных ярких черт сделало писательницу знаменитой не только в Дании, на родине, но и в Европе, Америке и России. Публикации большинства ее произведений в начале XX в. сопровождалась скандальными протестами феминистских организаций, которые считали, что Михаэлис рисует искаженный облик современной женщины и таким образом препятствует обретению ею равных прав с мужчинами. Сама же датская писательница всегда утверждала, что все ее произведения писались только ради женщин и для улучшения их жизни. В России первые книги автора также были оценены некоторыми критиками (преимущественно женщинами) далеко не восхищенно. В основном русские рецензенты, не принявшие творчество датчанки, как и их европейские коллеги, обвиняли Михаэлис в «устарелости» взглядов и неверном освещении женского вопроса. Таким образом, женская проблематика выдвинулась при рассмотрении творчества писательницы на первый план, несколько отодвинув в тень другие аспекты ее произведений. Поэтому конкретный анализ рецензий необходимо предварить общей характеристикой атмосферы, сложившейся в общественном мнении относительно женского творчества в целом.

§ 1. Проблема творческой самореализации женщины в России на рубеже XIX-XX вв.

Многие исследователи женского творчества в России датируют появление заметной волны сочинений, написанных женщинами, второй половиной XVIII в., в то время, когда начали активно издаваться журналы («Зритель», «Живописец», «Московский журнал» и т.д.), к участию в которых (не без содействия императрицы Екатерины II) приглашались представительницы высшего общества (например, А.Ф. Ржевская, княгиня Е.Р. Дашкова и А.И. Вельяшева-Волынцева)²⁷⁸. Творчество этих писательниц, безусловно, не подвергалось никакой критике и превозносилось всем окружением²⁷⁹. Несмотря на разнообразие жанров, в которых работали писательницы конца XVIII в. (лирическая поэзия - княжны Е.В. Хераскова и Е.С. Урусова; драма, проза, перевод - княгиня К.А. Меншикова, княжны Волконские и т.д.), сложно говорить о женской литературе того периода как целостного явления. Тексты, публиковавшиеся в то время, в основном носили подражательный характер и не внесли значительного вклада в развитие русской словесности. Однако некоторые исследователи полагают, что благодаря подобным публикациям все же произошел «существенный сдвиг в осознании роли и места женщины в обществе»²⁸⁰.

В начале XIX в. темпы развития женской литературы в России существенно меняются. Прежде всего более четко была оформлена основная направленность творчества писательниц – интерес к изображению женской индивидуальности²⁸¹ (хотя еще несколько десятилетий назад А.П. Сумароков разрешал своей дочери писать о любви только от лица лирического героя-мужчины, так как женщине об этом рассуждать не следовало). В связи с подобным вниманием писательниц

---

²⁷⁸ Некоторые исследователи, например, А.Н. Мезенцева, отмечают, что в XVIII в. женщины привлекались к литературной деятельности для повышения их грамотности и культуры в целом (Мезенцева А.Н. Женская литература как феномен: генезис и эволюция. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cross-krk.ru/documents/Виртуальные%20секции/2012/секция%20литературоведение/женская%20литература%20как%20феномен%20генезис%20и%20эволюция.doc> (Дата обращения: 02.12.2013).

²⁷⁹ Воробьева Н.В. Женская проза 1980-2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 19.

²⁸⁰ Бобровник Е.А. «Женский вопрос» в русской философии конца XVIII – начала XIX в.: Учебное пособие по дисциплине «История русской философии». Мурманск: Изд-во МГГУ, 2003. С. 4.

²⁸¹ Demidova O. Russian women writers of the nineteenth century // Gender and Russian Literature. New perspectives. Cambridge: University Press, 1996. P. 98.

начала XIX в. к женским переживаниям и чувствам критикой были выделены жанры, наиболее «подходящие» для творчества писательниц – «автодокументальные жанры и особенно дневник»²⁸². Также характерной чертой этого времени стал более критический подход к женскому творчеству. В отличие от безусловного принятия всех произведений писательниц в конце XVIII в. рецензенты начала 1800-х гг. уже не были столь благосклонны. Появляются иронические заметки (например, К.Н. Батюшков называет свою работу о творчестве А.П. Буниной «Мадригал новой Сафо»). И в целом, как отмечает И. Савкина, в начале XIX в. происходит передвижение «женской литературы в область незрелого, детского, маргинального в русской критике»²⁸³. Иногда, а возможно и под влиянием критики, сами писательницы внезапно прекращали писать. Так сложилась творческая судьба М.Е. Извековой, которая в начале XIX в., создав четыре популярных романа, прославивших ее имя, замолкла навсегда. Исследовательница судеб женщин Е.Н. Щепкина так характеризовала ситуацию того времени: «Благодаря случайности женских выступлений, вольному или невольному дилетантизму большого числа пишущих женщин, нелегко до сих пор говорить о значении и влиянии писательниц в раннюю пору нашей литературы»²⁸⁴.

Однако при этом уже в 1810-1840-е гг. отношение к женскому творчеству вновь меняется. В критических заметках достаточно часто можно было встретить выражения «женщина-писательница», «женщина-поэт» («поэтесса»), а об их произведениях рецензенты высказывались «не как о милом или странном курьезе <...>, а как о явлении, имеющем (или претендующем на) определенный публичный, культурный статус»²⁸⁵. Так, многие критики того времени и современные исследователи отмечают самобытность и талант сочинений Е.П. Растопчиной, К.К. Павловой, З.А. Волконской и др.

---

²⁸² Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: НЛЮ, 2007. С. 15.

²⁸³ Там же. С. 15.

²⁸⁴ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. С. 184-185.

²⁸⁵ Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. С. 16.

К 1840-м гг. женская русская литература достигла такого уровня развития, что демократическая критика сочла ее достойной не только общих похвальных слов, но и серьезного разбора. Показательным примером является статья В.Г. Белинского «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843 г.). Знаменитый критик, в отличие от предшествующих заметок, не ограничился общими фразами, а достаточно подробно представил творчество писательницы, указав и на недостатки. Однако в целом Белинский приветствовал увеличивающийся поток женской прозы и сочинения Е. Ган (псевдоним – Зенеида Р-ва) в частности: «Золотая руда блещет и в землянистой массе. Яркий и сильный талант Зенеиды Р-вой не могут затмить недостатки в ее произведениях. Талант ее принадлежит ей самой, недостатки – обстоятельствам жизни. <...> Русская литература по праву может гордиться ее именем и ее произведениями»²⁸⁶.

Литература второй половины XIX в. также обогатилась значительным числом женских имен (Е.В. Новосильцева, М. Вовчок, С. и Н. Хвошинские и др.). Во многом «прорыв» женской литературы этого периода был связан с развитием «женского движения», когда шло его «первоначальное становление»²⁸⁷. К этому времени относится и появление женских обществ, открытие женских благотворительных организаций. Благодаря роману Н.Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1863) молодежь задумывается о создании «особой социальной конструкции “новой женщины”»²⁸⁸ по образу и подобию одной из главных героинь произведения – Веры Павловны. На практике же это привело к появлению высмеиваемого в обществе типа нигилистки (««передовые девицы, стриженные, с синими очками, в мужских пиджаках»²⁸⁹). Однако именно вследствие популяризации нового типа женщины появлялись непримиримые революционерки и террористки. Таким образом, женщина в тот период постепенно входила во многие сферы общественной жизни, выдвигала

---

²⁸⁶ Белинский В.Г. Сочинений Зенеиды Р-вой. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2730.shtml [Дата обращения: 04.01.2014].

²⁸⁷ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (Вторая половина XIX – начало XX века). Иваново: ФГУП «Издательство “Иваново”»; Иван. гос. ун-т, 2003. С. 156.

²⁸⁸ Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 45.

²⁸⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 416.

определенные требования к обществу, отстаивала свои права, в том числе и политические, и в целом можно говорить о том, что именно на вторую половину XIX в. пришелся явный первый сдвиг в самосознании русских женщин.

По мнению О.А. Хасбулатой и Н.Б. Гафизовой, рубеж веков – это «этап качественного изменения и политизации женского движения»²⁹⁰. Действительно, в это время возникает множество женских организаций (Союз равноправия женщин, Российская лига равноправия женщин, Женская прогрессивная партия и т.д.), выпускаются женские журналы («Союз женщин», редактор – М.А. Чехова, и «Женский вестник», редактор – М.И. Покровская), которые, в отличие от изданий прошлых лет, отстаивали идею «свободной женщины», а не хранительницы домашнего очага. Кроме того, многие «толстые» журналы также предоставляли свои страницы для произведений, написанных женщинами («Северный вестник», «Русское богатство», «Русская мысль» и др.).

С помощью собраний, журналов, посвященных исключительно проблемам женщин, женское движение отстаивало свои интересы и идеи. Так, например, в 1897 г. в России было уже несколько миллионов женщин, самостоятельно зарабатывающих себе на жизнь²⁹¹, и с каждым годом эта цифра росла. Нередким было обращение к литературной деятельности: женщины работали в редакциях различных журналов и газет (делали переводы, писали рецензии, корректировали тексты и т. д.). Это сразу было отмечено критикой (еще в конце XIX в.): «Никогда в русской литературе не было так много женщин-писательниц, как в настоящее время... Писательница с именем, журналистка, сотрудница газеты, переводчица – далеко не редкое явление в русском обществе»²⁹².

А.Ю. Чернобаева выделяет следующие проблемы, которые женское общество в начале XX в. стремилось решить: получение беспрепятственного доступа женщин к образованию; к профессиональной деятельности; борьба за

---

²⁹⁰ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России. С. 163.

²⁹¹ Казакова И. Критика и публицистика конца XIX - начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение (Русский феминистский журнал). 1995. № 3. С. 63.

Об этой теме см. подробнее: Михайлова М.В. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // *Intelligencja: tradycja i nowe czasy*. Krakow, 2001. С. 159–172.

²⁹² Чуйко В. Современные женщины-писательницы // *Наблюдатель*. 1889. № 4. С. 44.

политические права и расширение сфер благотворительной деятельности²⁹³. Многие исследователи отмечают качественное изменение динамики «женской истории» в начале XX в. (быстрое развитие, широкое общественное обсуждение, разнообразие проблем²⁹⁴). На общем фоне растущего влияния женщин на культурное развитие в целом, безусловно, изменилось и положение писательниц. Если на протяжении всего XIX в. было известно не более 100 женщин, посвятивших себя литературе²⁹⁵, то только в начале XX в. их было уже около 40²⁹⁶.

Литературоведы предлагают множество объяснений подобного «всплеска» литературной активности женщин. Так, К. Розенталь выделяет две причины. На рубеже веков появилось первое поколение после освободительной волны 1860-х гг., т.е. это были потомки тех, кто впитывал в себя освободительные законопроекты Александра II, был знаком с идеями нигилистов и т.д. Второй же причиной исследовательница называет привлекательность литературного творчества и его доступность. В то время как другие профессии оставались еще «закрытыми» для женщин, творчество было порой единственной возможностью реализовать себя и каким-то образом заработать на жизнь²⁹⁷.

Кроме того, творчество являлось именно той сферой, которая давала возможность раскрыть свою личность, выразив свои потаенные желания, обнаружить свою неповторимую индивидуальность. М.В. Михайлова, отмечая подобное «энергичное “вторжение” женщин в русскую культуру», объясняет его так: «Настала необходимость изучить и воссоздать женское мироощущение и миропонимание»²⁹⁸.

---

²⁹³ Чернобаева А.Ю. Основные проблемы развития женского движения в России во второй половине XIX – начале XX веков: проблемная лекция для подготовки бакалавров всех направлений. М.: ГУУ, 2013. 28 с.

²⁹⁴ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. С. 18.

²⁹⁵ Demidova O. Russian women writers of the nineteenth century. P. 101.

²⁹⁶ Так, в книге Е.Л. Лавровой «Женский лик Серебряного века» (Горловка: Издательство ГГПИИЯ, 2009) представлены биографии 38 наиболее выдающихся писательниц той эпохи.

²⁹⁷ Rosenthal C. Carving out a career: women prose writers, 1885-1917, the biographical background // Gender and Russian Literature. New perspectives. Cambridge: University Press, 1996. Pp. 129-130.

²⁹⁸ Михайлова М.В. «Бабы с пьесами...» в эпоху Modern // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. и коммент. М.В. Михайловой. СПб.: Гиперион, 2009. С. 7.

Благодаря увеличению количества пишущих женщин, их вхождению в писательские группы стали более разнообразными и роли, которые они играли в обществе. Так, И.В. Купцова выделила шесть вариантов восприятия творческих женщин в обществе: 1) «Прекрасная Дама» (принципиальная дистанцированность от реальной жизни, например, Черубина де Габриак – Е. Дмитриева); 2) муза (например, Л. Брик); 3) интеллектуалка (спутница мужчины, близкого ей по духу, например, З. Гиппиус); 4) карьерная женщина (М. Савина); 5) демоническая женщина (Н. Петровская); 6) «тень» (отказ от собственной карьеры, посвящение себя семье, например, Н. Крандиевская)²⁹⁹.

Помимо разных ролей, писательницы начала XX в. также придерживались и разных творческих направлений, чего еще не было в истории русской литературы. Так, К. Келли выделила три типа: реализм (А. Крандиевская, Ю. Безродная); сенсационный роман (А. Вербицкая, Е. Нагродская) и символизм (М. Лохвицкая, З. Гиппиус)³⁰⁰. Исследовательница особо отметила вклад писательниц-символисток в развитие женского движения и литературы в целом, так как именно они (хотя связь с феминизмом ими иногда и отрицалась) наиболее глубоко исследовали способы постижения женской души, самовыражения женщин и их раскрепощения³⁰¹.

Одновременное вхождение в литературу многих женщин (Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Н.И. Петровская, Е.А. Нагродская, Анна Мар и др.)³⁰² в начале XX в. само по себе ярко подчеркнуло необходимость изменения подходов к традиционному пониманию сферы деятельности женщин. При этом сами авторы нередко в своих произведениях так или иначе затрагивали эту проблему. Как пишет в своей статье критик Н.И. Надеждин, «женщина-писательница <...>

---

²⁹⁹ Купцова И.В. Женские типы Серебряного века // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции. Иваново. 15-16 сентября 2000 г. Ч. III. История, язык, культура. Иваново: Издат. центр «Юнона», 2000. С. 37-39.

³⁰⁰ Kelly C. A history of Russian women's writing. 1820-1992. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 134.

³⁰¹ Там же. P. 153.

³⁰² О писательницах Серебряного века см.: Михайлова М.В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Преображение. М., 1996. № 4. С. 150–158; Она же. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология. 2001. № 1. С.35-43; Она же. Женщины-драматурги Серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе. М.: РАН ИНИОН, 2010. С. 4-35.

отразила в своих сочинениях все главнейшие настроения минуты»³⁰³. Он же подчеркнул способность женщин наравне с мужчинами касаться спорных моментов современности и воплощать их в художественной форме. Безусловно, подобные одобрительные оценки не могли не повлиять на интерес к женскому творчеству и его обсуждение в литературной среде.

Действительно, в творчестве женщин в начале XX в. затрагивались темы и сюжеты, ранее игнорировавшиеся литературой как незначительные и второстепенные. Так, М. Лохвицкая впервые ввела в поэзию полноценную лирическую героиню-Женщину, представив женский взгляд на любовную, философскую тему, вопросы творчества и т.д., что было продолжено и другими поэтессами.

Но, несмотря на это, во многих работах критиков, даже одобрительно отнесшихся к вхождению женщин в литературу, высказывалась мысль, что «природа уделяет женщинам искру таланта, но никогда не дает гения»³⁰⁴. Следовательно, женщина достаточно часто рассматривалась в подобных рецензиях как существо, в умственном отношении уступающее мужчине. При этом критики сравнивали женское творчество с лучшими образцами так называемой «мужской» литературы, и в любом несходстве видели недостаток (акцент на изображении женской психологии, эмоциональность, пристальное внимание к бытовым деталям и т.д.). Так, Н. Абрамович в книге «Женщина и мир мужской культуры» делает следующий вывод: в «интеллектуальной жизни мира участие женщины – ничтожно»³⁰⁵. Таким образом, творчество женщин чаще всего проходило по разряду «дамского рукоделия». Лишь в немногочисленных работах высказывалась идея, что именно характерные черты женского творчества и являются его «сокровищем». Об этом пишет, например, Е.А. Колтоновская в книге «Женские силуэты»³⁰⁶, ставшей литературным событием. Именно в этом

---

³⁰³ Надеждин Н.И. Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц // Новый мир. 1902. № 92. С. 290.

³⁰⁴ Пономарев С.И. Наши писательницы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. С. 22.

³⁰⁵ Абрамович Н.Я. Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половой вопрос. М.: Свободный путь, 1913. С. 103

³⁰⁶ Колтоновская Е. Женские силуэты (Писательницы и артистки). СПб.: Просвещение, 1912. 240 с.

сочинении женское творчество подверглось, хотя и с оговорками, объективной оценке. Так, критик ярко обрисовала портреты писательниц (например, М. Крестовской, Е. Летковой), актрис (Э. Дузе, В. Комиссаржевской), общественных и научных деятелей (С. Ковалевской, Л. Туган-Барановской), что позволило осознать изменение положения женщин в обществе и доказать, что вклад женщины в культуру начала XX в. уже достаточно велик.

Таким образом, постепенно русская критика начинала формировать свое мнение по отношению к женскому творчеству. Прежде всего оно стало восприниматься как важная составляющая литературного процесса в целом, вклад писательниц в развитие литературы был (хотя и частично) оценен. И, самое главное, стали признавать, что женщина должна воспроизводить именно свой взгляд на мир, освобождаясь от принятых обществом стереотипов, без ориентации на каноны мужской литературы. Стали цениться специфические особенности женских текстов. Таким образом, все более разносторонне реализовывался свой творческий потенциал женщины. Во многом этот культурный сдвиг произошел благодаря активным действиям женщин-критиков и литераторов.

Следовательно, русская публика и критика была в какой-то степени подготовлена к восприятию творчества и зарубежных писательниц. И даже больше – к ним приковывалось пристальное внимание. В обществе уже сформировалось понимание того, что можно ожидать от автора женщины. Но то, что произошло с произведениями Карин Михаэлис (1872-1950) в России можно назвать взрывом. Ее роман «Опасный возраст» превзошел все ожидания, разрушил установленные обществом преграды. Пожалуй, среди зарубежных писательниц начала XX в. она одна вызвала такой шквал критики, сделавший одновременно ее произведения необыкновенно популярными. Помимо этого, формальные новшества, которые были яркой чертой ее произведений, также показали, что женщины могут достигать совершенства в художественной сфере. В связи с этим особенно интересным представляется сопоставительный анализ восприятия русской критикой произведений этой писательницы в соотношении с

общевропейской, который может продемонстрировать, насколько отечественная интерпретация женских творческих интенций оказывалась более прогрессивной.

§ 2. Биография К. Михаэлис

Единственное подробное жизнеописание Михаэлис в России появилось лишь в 1978 г. в библиографическом указателе работ датской писательницы, составленном Э.В. Переслегиной³⁰⁷. Исследовательница осветила основные факты жизни и творчества автора, поэтому в данной работе будут приведены лишь краткие сведения и новые факты, не включенные в книгу литературоведа.

Карин Михаэлис (1872-1950) (урожденная Катарина Мария Бек-Брендум) родилась в небольшом датском городе Раннерс (дат. Randers, иногда в русских источниках указывается как Рандерс). Она с детства отличалась от своих сверстников богатой фантазией и очень любила слушать беседы взрослых, пытаясь интерпретировать их поведение³⁰⁸. Родители отправили повзрослевшую дочь учиться музыке в Копенгаген, однако девушка большую часть времени проводила вместе с представителями культурной элиты того времени, где и познакомилась со своим будущим мужем, известным в то время писателем Софусом Михаэлисом³⁰⁹. В 1895 г. состоялась их свадьба. Вначале молодая жена не решалась показывать свои первые литературные работы даже мужу, авторитет и известность которого оказывали на нее сильное влияние. Однако через несколько лет она решилась опубликовать ряд своих произведений в журналах, и они были благосклонно встречены критикой. В 1898 г. Михаэлис под псевдонимом Эдмонд Ральф издала свой первый роман «Благородная игра» (“Højt Spil”), который получил доброжелательные отклики в критике.

Признание датских и европейских читателей приходит к Михаэлис в 1902 г., когда были опубликованы две ее повести «Девочка» (“Barnet”) и «Мамочка» (“Lillemor”), обе героини которых погибают вследствие неудачных

---

³⁰⁷ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. 29 с.

³⁰⁸ Dansk litteratur historie. Bind 4. Fra Georg Brandes til Johannes V. Jensen. Af Hakon Stangerup og F.J. Billeskov. København: Politikens Forlag, 1977. S. 547.

³⁰⁹ Софус Август Бертель Михаэлис (1865-1932) – датский писатель, автор множества философско-исторических романов. Его роман о войне Наполеона с Россией «1812: Вечный сон» в 1912 году был переведен на русский язык (М.: Польша, 1912).

замужеств. Мировую известность писательница получает в 1909 г. после появления в печати ее романа «Опасный возраст» (“Den Farlige Alder”) и его продолжения «Эльзи Линднер» (“Elsie Lindtner”), в которых описаны переживания 40-летней женщины. Первый из романов дилогии был дважды экранизирован в 1911 г. (в Дании) и в 1927 г. (в Германии). После публикации этих произведений во многих европейских странах начались выступления против продажи этих книг, поэтому Михаэлис ездила по Европе с лекциями о своем творчестве, стремясь объяснить, что свою жизнь она посвятила борьбе «за признание за женщиной прав быть независимой хозяйкой собственной судьбы»³¹⁰.

Постепенно Михаэлис становилась популярнее и известнее своего мужа, отношения с которым со временем ухудшились, что в 1911 г. привело к разводу. В 1912 г. писательница вновь выходит замуж за известного немецкого дипломата в Америке Чарльза Эмиля Стангеланда и меняет фамилию на Михаэлис-Стангеланд. Однако ее независимый характер, нежелание подчиняться строгому дипломатическому протоколу, самостоятельные путешествия и т.д. стали причиной разрыва и этих отношений в 1925 г. Некоторые исследователи называют виновником несложившихся браков Михаэлис Петера Нансена, журналиста и писателя, которого датчанка продолжала любить всю свою жизнь. Так, известен портрет писательницы, который она отправила возлюбленному со словами любви и преданности накануне своей второй свадьбы³¹¹.

Михаэлис создала множество романов, повестей и рассказов, в центре которых всегда была женщина. Она стремилась в каждом своем произведении запечатлеть особенности женской психологии. Также в 1930-е гг. Михаэлис написала серию книжек для детей о девочке-сорванце Биби, которую некоторые исследователи называют прототипом Пеппи Длинный-Чулок А. Линдгрэн³¹².

---

³¹⁰ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. С. 6.

³¹¹ Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. - København: Gyldendal, 2009. S. 527.

³¹² Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. - København: Gyldendal, 2009. S. 523.

Михаэлис была активным общественным деятелем: она выступала с лекциями, принимала участие в международных конгрессах писателей. В 1934 г. она приезжала на Первый съезд советских писателей в СССР и совершила небольшую ознакомительную поездку по стране, после этого она на долгие годы сохранила дружеские связи с советскими представителями культуры. Так, например, известны письма Н.К. Крупской к писательнице³¹³. Вообще русская культура вызывала неподдельный интерес Михаэлис на протяжении всей жизни³¹⁴.

Михаэлис сохранила непримиримую позицию к нацистской Германии. В своей усадьбе на острове Тюрё она спасла жизнь многим беглецам из этой страны. Так, своей свободой ей был обязан Б. Брехт и др. Однако после оккупации самой Дании нацистами (1940) писательница была вынуждена уехать в Америку, а ее усадьба была разорена. На родину она вернулась лишь в 1946 г., где оказалась почти забытой. Она скончалась в 1950 г. Ее творчество заново было «открыто» датчанами лишь в 1970-е гг. на волне интереса к женскому творчеству.

§ 3. История публикаций произведений писательницы в России

Впервые публикация Михаэлис в России состоялась в 1903 г., когда в журнале «Русская мысль» появился ее роман «Мамочка» (№ 2-3), однако на это издание не последовало никаких откликов. В период 1903-1908 гг. в разных журналах было опубликовано несколько не самых известных ее рассказов, которые не сопровождались вступительными статьями, поэтому не могли привлечь внимание читателей и вызвать отклики.

Следующая публикация Михаэлис состоялась лишь в 1909 г., когда в первом сборнике скандинавских авторов «Фиорды» был напечатан ее рассказ «Девочка»³¹⁵, заслуживший несколько благосклонных, но кратких упоминаний в литературных обзорах и в целом оставшийся также незамеченным.

---

³¹³ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. С. 9.

³¹⁴ Подробнее см.: Михайлова М.В. Россия Карин Михаэлис // Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68-79.

³¹⁵ Михаэлис К. Девочка // Фиорды: датские, норвежские, шведские писатели в пер. А. и П. Ганзен. Сб. 1. Наше царство. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1910. С. 197-266.

Подлинное же открытие датской писательницы в России состоялось в 1910 г. после появления в сборнике скандинавской литературы «Фиорды»³¹⁶ романа «Опасный возраст» (на несколько месяцев раньше, чем во многих европейских странах). А через год несколько издательств («Книжник», «Печатное слово», «Энергия», «Заря» и др.) напечатали его в разных переводах – настолько был велик интерес читающей публики к этому произведению. В журнале «Бюллетени книжных и литературных новостей» было передано «краткое содержание» романа для тех, кто еще не успел познакомиться с произведением, но интересовался причиной «огромного успеха»³¹⁷. Также в 1911 г. в Москве демонстрировали немецкую экранизацию этого романа, о чем активно возвещали многие газеты: «В виде очередной сенсации владельцы московских кинематографов приобрели фильм “Опасный возраст”»³¹⁸.

После подобного триумфального дебюта читатели требовали от издателей новых и новых произведений Михаэлис, и в течение нескольких лет, помимо многочисленных публикаций в журналах и газетах («Новая жизнь»³¹⁹, «Новый журнал для всех»³²⁰ и др.), появились многотомные собрания ее сочинений в издательствах «Заря», «Энергия» и «В.И. Знаменский и К°», а также отдельные книги. До 1917 г. в России были изданы все ее основные произведения – «Мамочка» (“Lillemor”), «Девочка с пальчик» (“Tommelise”), «Принцессочка» (“Betty Rosa”), «Книга о любви» (“Bogen om Kærlighed”), «Школа радости» (“Glædens Skole”) и др.

После 1917 г. издание новых произведений датской писательницы продолжилось благодаря ее дружеским контактам со многими советскими деятелями культуры, однако ее дореволюционные работы почти не переиздавались. Так, в 1925 г. был опубликован ее роман «Метта Трап» (“Mette

---

³¹⁶ Михаэлис К. Опасный возраст // Фиорды: датские, норвежские, шведские писатели в пер. А. и П. Ганзен. Сб. 7. Опасный возраст. СПб. : Т-во А.Ф. Маркс, 1910. С. 89-190.

³¹⁷ «Опасный возраст» (Повесть К. Михаэлис) // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 11. С. 332.

³¹⁸ Новости кинематографии // Московская газета. 1911. 10 апреля. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://starosti.ru/archive.php?u=1911&m=04&d=10> (Дата обращения: 17.03.2014).

³¹⁹ Так, в журнале «Новая жизнь» (1911. № 7. С. 88-103) была опубликована ее новелла «Письма сестры», роман «Книга о любви» (1913, № 1-3).

³²⁰ В «Новом журнале для всех» был опубликован рассказ писательницы «Йенс Гиммельрейх» (1912, № 11, с. 41-56), повесть «Дочь священника» (1916, № 7-8, с. 85-96).

Trap og hendes Unger”, 1922), в 1927 г. – «Семь сестер» (“Syv Søstre sad”, 1923). Успехом же К. Михаэлис в СССР стала публикация романа «Нильсина-мать» в 1938 г. (“Moren”, 1935), за которой последовало ее переиздание под заголовком «Мать» (1958). После 1958 г. произведения К. Михаэлис в России больше не переиздавались.

§ 4. Дискуссии о романе «Опасный возраст» и других произведениях К. Михаэлис

Как уже отмечалось выше, первая публикация Михаэлис в России (роман «Мамочка», 1903), осталась незамеченной. Также и на следующее опубликованное произведение («Девочка») последовало достаточно мало откликов, многие из которых были лишь информативными и не выражали отношения рецензента к прочитанному. Так, например, один из критиков сообщал, что Михаэлис в этом произведении «сосредотачивается на изучении нежнейших и тончайших порывов души», «затрагивает серьезнейший вопрос о положении детей в семье»³²¹, тем самым сводя анализ произведения к его восторженному пересказу.

Поэт и критик В. Гофман не принял рассказ об умирающей девочке. По сюжету 14-летняя героиня по имени Андрея медленно угасает из-за болезни. Ее родители, которые давно изменяют друг другу, ради дочери решают изобразить вновь вспыхнувшие чувства и даже обещают ей всегда быть вместе. Однако после смерти Андреи мать находит ее дневник, в котором девочка писала, что чувствует, что родители ее обманывают, и как она от этого страдает. Рецензент назвал дневник «грубой и неискusной подделкой», главным недостатком рассказа – «внутреннюю фальшивость»³²², несколько раз подчеркнув, что книга крайне скучна. Видимо, Гофман прежде всего не принял форму повествования, в которой значительную часть занимал дневник девочки. Однако подобная стилизация под документальность (включение в произведение писем, дневниковых записей,

---

³²¹ Рец. на: Первый сборник. Наше царство // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб.: А.Ф. Маркс, 1909. С. 299.

³²² Гофман В. Рец. на Фиорды. Сборник первый. Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Издание товарищества А.Ф. Маркс. С-Петербург. Цена 1 рубль. 335 страниц // Современный мир. 1909. № 10. С. 130.

мемуаров) является «визитной карточкой» Михаэлис, и этот прием впоследствии оценили многие европейские и русские критики, но Гофман отнесся к такой форме повествования неодобрительно.

Одним из тех, кто первым принял и одобрил рассказ «Девочка», стал М. Горький. В письме к А. Амфитеатрову он настоятельно советовал познакомиться с этим произведением: «Давно я не читал столь мучительной вещи, да и читал ли когда-либо? И как будто девочка эта – душа моя! Что общего, думаю? Ищу – нет ничего! Но – как будто душа моя! Нет, хорошо пишут скандинавы <...>»³²³.

Таким образом, одно из первых произведений Михаэлис, появившихся в России, было встречено разнообразными откликами: от полного неприятия до удивленного восхищения.

Следующим произведением, опубликованным в России, стал роман «Опасный возраст», сделавший Михаэлис всемирно известной. Продажи этой книги в различных европейских городах нередко сопровождались скандалами, резкими выступлениями разнообразных женских общественных организаций, что, безусловно, подогревало интерес к нему. Об этих акциях писали и в России: «Датское общество женского равноправия выступило с энергичным протестом»³²⁴. Причиной подобных выступлений стал образ главной героини, 42-летней женщины, достаточно откровенно описывающей свои личные переживания на страницах своего дневника, в который также включены и ее письма. Так, она без прикрас пишет о скрытности и лицемерии женщины, состоящей в браке: «Женщина никогда не подарит в любви больше откровенности, чем это позволяет благоразумие»³²⁵. Или: «Все мы, женщины, носим маску, каждая свою – ту, какая ей всего удобнее. Моей маской была моя улыбка»³²⁶.

---

³²³ Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 165.

³²⁴ Карин Михаэлис о своем романе // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М.: Книжник, 1911. С. 163.

³²⁵ Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма / Пер. с дат. Р.М. Маркович. СПб.: С.-Петербург. кн. экспедиция, 1911. С. 32.

³²⁶ Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма. С. 141.

Также скандальным был и сам сюжет: Эльзи Линднер, героиня романа, разводится с мужем после 20 лет брака, пытаясь обрести свободу и отдохнуть от всех обязанностей, которые накладывает совместная жизнь на супругов, и проводит год в уединенном доме. Она хочет быть независимой и научиться жить одной, не считает себя состарившейся и недостойной счастья, в том числе и любовного, и выступает против предрассудков, царящих в обществе: «На женщину, которая осмеливается предъявить свои права в более или менее позднем возрасте, смотрят с отвращением и ужасом»³²⁷. Однако она начинает тяготиться одиночеством и вспоминает о своем прежнем поклоннике, которого и приглашает в гости. Оказывается, что чувство любви угасло у обоих, но в большей степени у мужчины. Тогда Эльзи решает вернуться к мужу, который, однако, уже успел обручиться с 19-летней девушкой и совершенно не горюет о бывшей жене. Героиня приходит к выводу, что причина ее метаний – возраст и те физиологические изменения в организме женщины, которые приводят к «временному безумию», а все попытки представить это как идейные устремления не более чем желание сделать так, «чтобы нас считали нормальными»³²⁸. Она даже начинает мечтать об учреждении монашеского ордена для 40-50-летних женщин, «своего рода убежища», которое могло бы их спасти от увлечений и несуразного поведения. Так расшифровывается название романа – «опасный возраст».

Но это точка зрения героини, а отнюдь не автора. На самом деле писательница показала капитулирующую перед общественными условностями женщину, которая, во-первых, изменила своим свободолюбивым настроениям (променяла одиночество и тягу к нравственному самосовершенствованию на любовное чувство), а затем даже захотела вернуться под супружеский кров, чему помешала лишь неготовность ее мужа принять провинившуюся женушку... Следовательно, феминистские интенции, которые можно было бы усмотреть в поведении героини в начале романа, в его конце «аннулируются». Эльзи

---

³²⁷ Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма. С. 63.

³²⁸ Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма. С. 61.

оказывается всего лишь обыкновенной женщиной, более всего ценящей комфорт, и еще лучше, если он сопровождается любовными радостями. Открывая в литературе новый пласт психологических и социальных отношений, автор продемонстрировала безусловное мастерство психологического анализа, проявляющееся косвенно в сообщениях Эльзи о своих ежедневных действиях, интересах, культе тела, заботам о котором она посвящает много времени, и прямо, когда она пытается анализировать причины своих поступков. Показательны размышления героини о роли женщины в семье. Их поначалу можно интерпретировать как вызов буржуазным условностям, но завершаются они словами, снижающими значение внутреннего монолога: «Это философское настроение посетило меня, вероятно, оттого, что я ела сегодня за обедом камбалу; это очень тяжелая и трудно перевариваемая рыба»³²⁹ (хотя в этом можно усмотреть и самоиронию!). В романе удачно соблюдено «равновесие» между зарисовками сцен повседневной жизни и самоанализом героини.

Но трудности «разведения» авторской позиции с самооценкой Эльзи требовали от читателя и критика серьезных раздумий. Они, собственно, и привели к предельно разноречивым оценкам романа. В результате появились разнообразные суждения: одни брали Эльзи под свою защиту, другие выражали негодование по поводу ее поведения и запросов³³⁰.

После публикации в «Огоньке» романа «Опасный возраст» был проведен опрос читательниц по поводу прочитанного. Как и критики, женщины разделились на противниц и сторонниц романа. Показательно, что большинство простых читательниц, не занимающихся критикой профессионально, оценивает роман как «сплошную клевету на женщину»³³¹. Анонимные рецензентки считают, что образ главной героини далек от реальности, «какого-то маниака автор выдает

---

³²⁹ Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма / Пер. с дат. Р.М. Маркович. СПб.: С.-Петербург. кн. экспедиция, 1911. С. 38.

³³⁰ Подробнее о психологическом анализе в женской прозе начала XX в. см.: Михайлова М.В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Преображение. 1996. № 4. С. 150–158.

³³¹ Отзывы читательниц на анкету «Огонька», напечатанные в газете «Биржевые ведомости» // Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печатное слово, [1911]. С. IV.

за основной тип женщины!»³³². Читательницы опасаются, что образ героини может быть воспринят как обобщение, а это принизит их в глазах мужчин. «Пощадите нас, старух, не забрасывайте наши седеющие головы грязью»³³³, – зывали они. Достаточно многочисленную группу составили негативные отзывы читателей, не принявших героиню и ее жизнь, посчитавших, что произведение далеко от действительности: «Роман надо сжечь рукой палача... Он клеветает на нас, проживших чистую и полезную жизнь...»³³⁴. Этим откликам вторили и некоторые критики, увидевшие в романе датской писательницы лишь едкую зарисовку праздной жизни высшего света: «Вывод из него [романа] тот, что среди состоятельных кругов имеется немало никчемных и бездельных лиц, которые от тоски и безделья исключительно занимаются разнообразными любовными делами и на эту тему философствуют»³³⁵. Некоторые из просвещенных женщин, заполнивших анкету, предлагали исключительно физиологическое объяснение метаний героини: «Не рожала, не любила, жила с нелюбимым – вот и разгадка»³³⁶. Другая читательница «Огонька» усмотрела в драматичной судьбе героини не общую жизненную закономерность, а лишь личные недостатки: «Нужно было бороться со своей ленью, праздностью, создать себе умственный или душевный здоровый интерес, а не тратить себя на пошлое занятие своим телом, чтобы не переставать нравиться мужчинам»³³⁷. Некоторые читательницы в анкете затронули и политический аспект: «Дайте женщине права, и всякие опасности отпадут сами»³³⁸. Однако среди откликнувшихся на анкету встречаются и такие, кто смог по достоинству оценить способность писательницы изобразить повседневные мысли и переживания героини: «Михаэлис талантлива. Это должен

---

³³² Отзывы читательниц на анкету «Огонька»... С. V.

³³³ Отзывы читательниц на анкету «Огонька»... С. IV.

³³⁴ Отзывы читательниц на анкету «Огонька»... С. II.

³³⁵ П-ч. Рец. на: Карин Михаэлис. Опасный возраст (Отрывки из дневника и писем). Книга I. СПб. 1913 г. // Утро. 1913. № 1923. 1 апреля. С. 4.

³³⁶ Отзывы читательниц на анкету «Огонька», напечатанные в газете «Биржевые ведомости» // Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печатное слово, [1911]. С. IV.

³³⁷ Отзывы читательниц на анкету «Огонька»... С. VI.

³³⁸ Анкета среди читательниц «Огонька» // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М.: Книжник, 1911. С. 193.

признать всякий, у кого есть какой-либо вкус и кто прочитал десяток ее страниц»³³⁹.

Таким образом, русские читательницы в большинстве своем восприняли роман Михаэлис буквально как описание жизни реальной женщины и сочли его или неправдоподобным, или решили, что такая пустая женщина не заслуживает столь подробной зарисовки. Но в каждом из негативных отзывов ощутимо беспокойство из-за того, что общество может поверить этой «клевете» на женщину. Соответственно, в этих отзывах косвенно признается сила писательского мастерства автора, способного подчинить своему влиянию читателей.

Также встречались и восторженные отзывы, что говорит о художественном вкусе читательниц, которые смогли подняться над общим мнением, отвлечься от скандальности сюжета и признать достоинства романа.

Достаточно любопытным является тот факт, что в сопроводительной статье к выдержкам из анкет читательниц «Огонька» содержатся конкретные практические советы, как избежать проблем, которые привели героиню к краху: «Современная гигиена рекомендует женщинам, достигшим «опасного возраста», целый ряд правил ... к умеренности в пище, к ваннам и правильному образу жизни»³⁴⁰. Следовательно, даже редактор-составитель воспринял роман как пособие для женщин определенного возраста. И это произошло благодаря точности воспроизведения переживаний героини.

И среди профессиональных критиков не было единства по отношению к роману. Множество рецензентов реагировали на роман так же, как и простые читательницы, т.е. восприняли его враждебно. Во многих рецензиях, несмотря на признание художественной ценности «волнующей, сенсационной книги», чувствуется разочарование в героине, о которой «не стоило ужасаться и волноваться»³⁴¹. Основным аргументом было то, что автор создал образ

---

³³⁹ Анкета среди читательниц «Огонька». С.182.

³⁴⁰ Анкета среди читательниц «Огонька» // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М.: Книжник, 1911. С. 170.

³⁴¹ Рец. на Карин Михаэлис. Опасный возраст (Отрывки из дневника и письма). Пер. З.Н. Журавской. Кн-во «Энергия». М., 1911 г. Ц. 85 к. // Новый журнал для всех. 1911. № 30. С. 130.

женщины, не отвечающей традиционным представлениям о морали и норме поведения. Так, например, известная писательница А. Даманская утверждала, что множество женщин никогда не сталкивались с подобными проблемами, приводя почему-то в пример творческие личности: «Жорж Занд, Ристори, Дузе и много-много других носительниц прекрасных и милых людям имен? Знали ли они трагедии «опасного возраста»? Но это женщины, живущие чувством, эмоциями, напряженной внутренней жизнью, а не цинично-холодным расчетом»³⁴². Тот же самый аргумент приводит в предисловии к роману Ф. Мускатблит, указывая уже на муз художников и писателей: «Наряду с ними ... ряды женщин, являющихся вдохновительницами-сотрудницами мужчин (Бебель, Короленко, Кюри-Складовская, Эшенбах)»³⁴³. Таким образом, в произошедшей в жизни героини драме многие критики винят ее саму, ее повседневные занятия и привычки, ставя ей в пример женщин, которые по характеру и роду деятельности не могут быть с ней соотнесены. Психология этими критиками не берется в расчет, по их мнению, активная общественная деятельность или семейные обязанности способны прогнать из головы все «лишние» мысли.

Мускатблит также обратил внимание на то, что Михаэлис «беспощадна» к женской душе, обнажает ее слабости и темные стороны. При этом автор предисловия не смог удержаться от сожаления, что «бесспорно выдающаяся датская писательница»³⁴⁴ выбрала героиню, не отражающую время, когда женщине уже предоставлены широкие возможности: «Все женщины у датской писательницы – так или иначе исковерканные натуры. <...> Это типичные самки, человеческое обличье и черты которых служат лишь орудием для наиболее полных сексуальных достижений»³⁴⁵. По мнению критика, героиня, ее окружение, ее повседневные заботы выглядят смехотворно в свете новых общественных запросов. Необходима свежая струя, а не «пышные, но взошедшие на гнилой

---

³⁴² Даманская А. Карин Михаэлис // Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печатное слово, [1911]. С. VIII.

³⁴³ Мускатблит Ф. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т.1. Опасный возраст / Пер. с датского под ред. и с предисловием Ф. Мускатблита. М.: Заря, 1911. С. III.

³⁴⁴ Мускатблит Ф. Предисловие. С. I.

³⁴⁵ Мускатблит Ф. Предисловие. С. II.

почве ... ядовитые грибы»³⁴⁶. Данное предисловие в целом крайне противоречиво: автор не устает хвалить писательский дар Михаэлис («тонкий психолог»³⁴⁷ и т.д.), но при этом не принимает созданных ею персонажей, ситуацию, действительность, предлагая свои варианты модификации романа, желая видеть то типично женское, что рисуется его воображению. На этом противоречии следует остановиться особо. Предисловия всегда создавались для того, чтобы облегчить читателям восприятие произведения, создать для них литературный контекст, подготовить к знакомству с новым материалом. Поэтому предисловие не должно быть внутренне противоречивым, и тот факт, что Ф. Мускатблит так и не смог примирить в себе разные мнения даже ради написания данной жанровой формы, говорит о том, что неприятие идейной составляющей романа смогло затмить восхищение художественным мастерством.

Таким образом, в отрицательных откликах на роман прослеживается одна общая черта: рецензенты не принимают запечатленный Михаэлис тип героини, и, раздражаясь и возмущаясь ее поведением, не дают подробного анализа произведения, оставляя в стороне многие его аспекты. Такие отзывы можно считать лишенными объективности.

Достаточно едкую характеристику подобным коллективным осуждениям героини «Опасного возраста» дал Н. Лопатин, сравнив заседание московского Литературно-художественного кружка, на котором разбирался роман, с военно-полевым судом: «Подсудимую [главную героиню Эльзи Линднер] <...> обвинили и приговорили за то, что она мучалась и страдала в лапах жизни, к заключению в рабочий дом»³⁴⁸. Данная статья демонстрирует, что даже современники признавали негативное отношение к роману, вызванное лишь разоблачением неверных моральных установок героини, бесперспективным и непрофессиональным.

К другой группе следует отнести рецензии, в которых предпринимается попытка оценить столь необычное произведение с помощью новых методологий,

---

³⁴⁶ Мускатблит Ф. Предисловие. С. III.

³⁴⁷ Мускатблит Ф. Предисловие. С. IV.

³⁴⁸ Лопатин Н. Опасный возраст // Утро России. 1911. № 69. 25 марта. С. 2.

а именно с точки зрения психоанализа. Так, Т.К. Розенталь интерпретирует поведение героини как врач-психиатр, объясняя перемены в ее жизни неизлечимым нервным заболеванием (“es ist wahrscheinlich eine Nervenerkrankung, aber leider eine unheilbare”³⁴⁹ (это, вероятно, поражение нервов, к сожалению, неизлечимое) [перевод мой. – А.Л.]). А Д. Тальников повторяет уже опробованную методику и дает практические советы, как можно уберечься от переживаний, вызванных изменениями в женском организме: «В браке муж [должен быть] ... в среднем на 6-12 лет старше жены: это очень важно для продолжительности моногамного брака»³⁵⁰. Данная группа отзывов демонстрирует якобы научный подход к художественному произведению как к объекту исследования, оставляя в стороне эстетические вопросы и рассматривая героиню как реально существовавшую женщину или даже как своего пациента.

Большинство профессиональных критиков все же смогли увидеть и эстетические достоинства романа. О мастерстве психологических зарисовок Михаэлис писала Н. Петровская: «Все эти тончайшие изгибы осеннего чувства, всю агонию души <...> правдиво, проникновенно, с большим чувством меры и, безусловно, художественно рисует в своей повести [писательница. – А.Л.]»³⁵¹.

Среди тех, кто принял роман Михаэлис целиком, без каких-либо оговорок, можно назвать П.С. Когана. В обзоре европейской литературы за 1911 г. («серые будни царили в европейской литературе истекшего года»³⁵²), он посвящает отдельный подраздел датской писательнице, которой, как пишет, рецензент «удалось приковать к себе более или менее общее внимание». «У нас ее романы были почти «гвоздем» сезона»³⁵³, – резюмирует он свое наблюдение. Автор статьи отмечает то, что многие рецензенты отказались замечать из-за

---

³⁴⁹ Rosenthal Tatjana. Karin Michaelis: „Das gefährliche Alter“ im Lichte der Psychoanalyse (1911). [Карин Михаэлис «Опасный возраст» в свете психоанализа]. Режим доступа. URL: <http://web.tiscali.it/tatianarosenthal/> (Дата обращения: 15.10.2013).

³⁵⁰ Тальников Д. Женщина в «опасном возрасте» (Заметки читателя) // Одесские новости. 1911. № 8326. 23 января. С. 3.

³⁵¹ Петровская Н. Рец. на VII сборник «Фиорды». Опасный возраст. Издание т-ва Маркс. СПб., 1911 // Утро России. 1911. № 98. 30 апреля. С. 2.

³⁵² Коган П. Европейская литература 1911 г. // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб.: Изд-е редакции газеты «Речь», 1912. С. 450.

³⁵³ Коган П. Европейская литература 1911 г. С. 455.

скандальности содержания произведения, – художественное новаторство датской писательницы. Действительно, долгое время в литературе господствовало убеждение, что лишь юные героини позволяют раскрыть тему любви, а женщины старше 40 лет не могут влюбляться. Однако первым писателем, который углубился в исследование психологии зрелой женщины, был уже О. де Бальзак (его повесть «Тридцатилетняя женщина»), и Михаэлис, по мнению рецензента, является его преемницей: «Она отыскала новую красоту в тайниках той любви, которая горит в душе зрелой женщины и которая до сих пор возбуждала смех и сожаление в мужчине»³⁵⁴. Коган обращает внимание на тонкости описания физической и психологической жизни женщины: «Быть может, впервые женщина с такой чисто научной строгостью подошла к анализу собственной души»³⁵⁵. Таким образом, психологический анализ, внимание к переживаниям женщины «за сорок», продемонстрированные К. Михаэлис в романе «Опасный возраст», не раздражают, а, напротив, восхищают рецензента. Эту же мысль П. Коган высказывает в предисловии к изданию «Эльзи Линднер» (второй части романа «Опасный возраст»). Критик убежден, что «признания зрелой женщины драгоценнее, чем исповедь наивной души»³⁵⁶, расширяя таким образом диапазон женской прозы.

В статье А. Ожигова любопытным образом совмещаются те положительные характеристики романа, которые были «разбросаны» по отдельным рецензиям. Он выделил «проницательное понимание человеческой души», «прозрачную манеру письма», «блестящий язык». Однако А. Ожигов, не останавливаясь на художественных особенностях романа, обращает внимание читателя и на важность моральных и социальных вопросов, поднимаемых в «Опасном возрасте», выражая эту мысль своеобразно: перед нами «не только цветок эстетический, но и логическая задача»³⁵⁷. Таким образом, к концу 1911 г. в профессиональной критике сформировалось единое отношение к роману

---

³⁵⁴ Коган П. Европейская литература 1911 г. С. 456.

³⁵⁵ Коган П. Европейская литература 1911 г. С. 456.

³⁵⁶ Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т.2. Эльзи Линднер. М.: В.И. Знаменский и К, 1911. С. VI.

³⁵⁷ О повести К. Михаэлис // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 12-13. С. 363.

«Опасный возраст»: признание его как художественной, так и морально-нравственной ценности.

Среди положительных рецензий, в той или иной форме повторяющих перечисленные выше мнения, выделяется статья Ю. Веселовского, который предпринял попытку дать характеристику всему творчеству Михаэлис, знакомя с ним русского читателя. Так, читающая публика узнала, когда появились первые произведения датской писательницы (многие думали, что «Опасный возраст» – ее дебют), на какие языки они были переведены. Также Веселовский кратко охарактеризовал основные вопросы, которые Михаэлис затрагивала в своем творчестве: «о современном браке, положении замужней женщины, дефектах общественной морали»³⁵⁸. Благодаря этому обзору у читателя в России появилась возможность более полноценно воспринимать произведения Михаэлис, так как до этого никакой информации о ее деятельности в отечественной печати не появлялось.

Из-за недостаточной информации в рецензиях нередко появлялись неточности, например, Михаэлис называли «молодой женщиной»³⁵⁹, хотя на момент публикации романа ей исполнилось 38 лет, и поэтому она была почти ровесницей своей героини. Читатели в России не знали, что в романе отражены автобиографические моменты: в 1911 г., писательница, войдя в литературу под фамилией мужа, получила от него развод. При этом Михаэлис, как и ее героиня Эльзи Линднер, оставила себе фамилию мужа. В образе возлюбленного Эльзи Иоргена Мальте угадывался человек, любовь к которому датская писательница сохранила на всю жизнь, - Питер Нансен, и, возможно, равнодушие этого персонажа к героине также имело биографическую основу. К сожалению, вся эта информация, доступная любому датчанину, для русского читателя осталась неизвестной, хотя подозрения в автобиографичности и возникали.

---

³⁵⁸ Веселовский Ю. Карин Михаэлис «Опасный возраст». Отрывки из дневника и письма. Пер. З.Н. Журавской. М., 1911. Кн-во «Энергия». Ц. 85 коп. // Русские ведомости. 1911. № 106. 10 мая. С. 5.

³⁵⁹ Отзывы читательниц на анкету «Огонька», напечатанные в газете «Биржевые ведомости» // Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печатное слово, [1911]. С. I.

В Германии, также достаточно эмоционально отреагировавшей на публикацию романа, вышла книга-ответ Эдмунда Эделя «Опасный возраст. Мужчина в 50 лет», где автор иронически изображает «метания» мужчины, по форме переживаний рождающие ассоциации с датским романом. Немецкое произведение не вызвало большого общественного резонанса ни на родине, ни в других странах, прежде всего потому, что сильно уступало по уровню художественного мастерства роману Михаэлис. Однако «Мужчина в 50 лет» был переведен на русский язык и опубликован через год после появления книги датской писательницы, что еще раз свидетельствует об особом интересе к ней русской читающей публики, заинтересованной в любой информации о книге и авторе. Даже в предисловии к роману Эдмунда Эделя автор заметки Владимир Серов больше внимания уделяет первоисточнику Михаэлис, а не публикуемому произведению. Он превозносит датскую писательницу и заключает предисловие словами: «И если только это правда, что в своей книге Михаэлис «срывает маску», то остается только приветствовать её»³⁶⁰.

Весьма знаменательно, что русские издатели посчитали долгом ознакомить русскую публику с самыми заметными зарубежными откликами на это произведение – Клары Фибих «Женщина в опасном возрасте», проф. Альберта Эйленбурга «Исключительный случай», Габриэль Рейтер «Опасная книга», Ганса Оствальда «Карин Михаэлис о своей книге», д-ра прав Вертгауэра «Опасный возраст». В 1912 г. был выпущен сборник «Опасный возраст. Женщина в 45 лет. Критика Карин Михаэлис и других авторов», который предварялся вступлением уже упоминавшегося В. Серова. И весьма знаменательно, что яркими противницами романа выступили немецкие романистки Г. Рейтер и К. Фибих, творения которых так или иначе были отмечены сочувствием феминистскому движению³⁶¹, в то время как мужчины опирались главным образом на медицинские данные возрастной психологии и утверждали, что показанное

---

³⁶⁰ Эдель Э. Опасный возраст. Мужчина в 50 лет. Ответ на книгу Карин Михаэлис «Женщина в опасном возрасте». Киев-Петербург-Одесса: Южно-русское книгоиздательство. Ф.А. Иорганской, 1912. С. XIV.

³⁶¹ См. сб. «Рассказы современных писательниц-феминисток» (СПб.: Хронос, 1912), в который включены были произведения Г. Рейтер, а также роман К. Фибих «Женская деревня» (1900).

Михаэлис отнюдь не типично для большинства женщин, не склонных к истерии. Женщины отвергли роман, посчитав, что книга написана чересчур откровенно, обнажает тайники женской души, мысли и сокровенные чувства, но отнюдь не всех женщин, а тех, кто принадлежит к «типу бесплодной девки-проститутки»³⁶², и, следовательно, не могут быть интересны тем, кто проводит «остаток своих дней в работе, надеждах, желаниях, заботах о муже, детях, внуках или напряженной борьбе за существование»³⁶³. Их вывод был таков: книга – клевета на женские ценности и чувства. Отпор этим измышлениям дал В. Серов, предложив очень точный (по тем временам) гендерный анализ социальных отношений в обществе, указав, что женщина подчинена общественному контролю и это вырабатывает в ней «приспособляемость» к обстоятельствам, готовность ко лжи. С пафосом он восклицает: «Виновата ли женщина, когда она – <...> – так опошлилась, что нам <...> жутко смотреть на <...> наши взаимоотношения, на нашу взаимную вражду, неприязнь <...>»³⁶⁴. И он смело бросается в бой с мировыми знаменитостями, заявляя: «Всеми силами я хочу предостеречь вас, дорогие читатели и читательницы, от односторонности суждений женщин-критиков, которые во имя установления дружественных отношений между мужчиной и женщиной хотят закрыть от вашего взгляда правду, большую правду, которая хотя и принесет вам много горя, но которую нужно знать. Читайте книгу Карин Михаэлис <...>»³⁶⁵.

Таким образом, анализ откликов на роман Михаэлис «Опасный возраст» позволил обнаружить расхождение между уровнем читающей публики и профессиональной критики. Русские читательницы и западноевропейские писательницы оказались гораздо консервативнее, чем можно было предположить. Русские же профессиональные критики в большинстве своем увидели в данном произведении своеобразный «прорыв» в изображении поведения и чувств женщины, но оценили это по-разному. В некоторых случаях демагогия по поводу

---

³⁶² Опасный возраст. Женщина в 45 лет. Критика Карин Михаэлис и других авторов. СПб., 1912. С. 34.

³⁶³ Опасный возраст. Женщина в 45 лет. С. 36.

³⁶⁴ Опасный возраст. Женщина в 45 лет. С. XVII.

³⁶⁵ Опасный возраст. Женщина в 45 лет. Критика Карин Михаэлис и других авторов. СПб., 1912. С. XXI.

эмансипации брала верх, и тогда роман корили за отсутствие у его героини высоких духовных запросов. В других – увидели в нем продолжение традиций мировой классической литературы и новый поворот в раскрытии женской темы.

Следующей книгой, которая вызвала множество положительных откликов, стал «Роман маленькой женщины» (“Kyllingessorger”) (1907, в России – 1911), также опубликованный в сборнике «Фиорды». В этом произведении представлено два женских типа: свободолюбивая Инге, встречающаяся с несколькими мужчинами, чтобы выбрать себе достойного супруга, и ее забитая сестра Иона, боящаяся мужа и презираемая детьми. В конце произведения Иона умирает от отчаяния и тоски. Большинство рецензентов с восторгом отзывались о новом произведении («талантливая вещь», «образ [главной героини] никогда не вычеркнешь ... из памяти») ³⁶⁶. Критик Веселовский отметил, что это произведение «стоит выше» ³⁶⁷ романа «Опасный возраст», и рекомендовал его своим читателям.

Большинство рецензентов, даже когда имя Михаэлис стало достаточно известным в России, давали в начале своих рецензий на ее другие произведения такую краткую характеристику: «Датская писательница, автор “Опасного возраста”», что, безусловно, ограничивало возможности читателей по достоинству оценить ее творчество, так как даже при наличии опубликованных собраний сочинений из-за подобных характеристик возникал образ автора, создавшего только одну достойную вещь. К такому приему идентификации прибегает М. Новикова в рецензии на следующий роман писательницы «Рахиль» (“Ghettoens Blomst. Rachel”) (1907, в России опубликован в 1911 г.). Однако в данном отзыве критик сделала это намеренно, стремясь подчеркнуть несходство двух романов: «Для читателей, познакомившихся с талантливой писательницей по сенсационному роману «Опасный возраст», «Рахиль» является полной неожиданностью как по форме, так и по содержанию». Действительно, в этом

---

³⁶⁶ И.Л. Фиорды. Сборник 8-й. Натянутые струны. Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Издание т-ва А.Ф. Маркс. 311 стр. СПб., 1911. Ц. 1 р. 25 коп. // Московские ведомости. 1911. № 278. 4 декабря. С. 4.

³⁶⁷ Веселовский Ю. Фиорды. Сборник VIII. СПб., 1911. Ц. 1 р. 25 к. // Русские ведомости. 1911. № 280. 6 декабря. С. 7.

мистическом произведении образ еврейки наделен таинственными демоническими чертами, она предстает, в отличие от предыдущих героинь Михаэлис, женщиной, способной подчинять своей воле мужчин и ловко манипулировать ими. Так, она вынуждает главного героя убить ее родственника, доводит до самоубийства еще одного человека и хладнокровно убивает одного из своих любовников. Для характеристики достоинств романа М. Новикова использует почти те же выражения, что применялись ранее при оценке «Опасного возраста»: «умение разбираться в самых тончайших оттенках человеческой психологии», «художественная чеканка формы»³⁶⁸ и т.д. Таким образом, уже через год после первой публикации Михаэлис в русской критике были выявлены основные черты ее творчества, с которыми согласилось большинство рецензентов.

Многие рецензенты, обратившиеся к этому произведению, отмечали мастерство Михаэлис, которая смогла соединить мистический колорит с мастерством психологических зарисовок: «Тонкое художественное чутье романистки удержало ее от увлечения необыкновенным, и потому это произведение дает впечатление жуткой правды»³⁶⁹.

Критик П. Коган, соглашаясь с предыдущими критиками, делает вывод, что датская писательница в своем произведении объясняет природу поведения многих современных людей, именно поэтому этот роман следует признать значительным достижением в литературе: «То, что недавно еще казалось новым мистическим фазисом <...>, в романе Михаэлис предстает нам как естественное следствие реальных условий существования буржуазного общества»³⁷⁰. Правда, как видим, критик склонен объяснять этот прорыв классовым чутьем автора.

Однако следующий роман Михаэлис «Альма» (другой вариант перевода – «Иванова ночь» (“Gyda”, 1904; в России – 1912) о болезненно-переменчивой

---

³⁶⁸ Новикова М. Карин Михаэлис. Собр. соч. Т. III. Рахиль, роман. Пер. Л.С. Перхуровой, предисловие П.С. Когана. Изд. к-ва «В.И. Знаменский и Ко». М., 1911. Ц. 1 р. // Утро России. 1911. № 290. 17 декабря. С. 5.

³⁶⁹ Отзывы печати о книге Михаэлис в нашем издании // Михаэлис К. Девочка с пальчик. Пер. С.С. Нестеровой. М.: В.И. Знаменский и К, 1912. С. 3. [доп. стр.].

³⁷⁰ Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т. 3. Рахиль. Пер. Л.С. Перхуровой. М.: В.И. Знаменский и К, 1911. С. 4.

женской душе не встретил понимания русских критиков. Его необычная форма и содержание не позволили им верно проинтерпретировать замысел датской писательницы и оценить ее новаторский подход к повествованию и психологическому анализу. В романе представлен поток сознания эксцентричной и нервной девушки, которая в течение нескольких часов рассказывает соседке по купе о своей жизни. Главная героиня Альма сбивается, по понятным только ей ассоциациям перескакивает от темы к теме, повторяет одно и то же. Таким образом, читателю представлена сбивчивая речь девушки, что создавало эффект потока сознания. Однако это было столь ново и необычно, что критики в России, как и в Дании, не оценили такой способ подачи материала. В единственной развернутой рецензии на этот роман критик Коган пишет, что в романе «исчезла грань, отделяющая психологию от психиатрии» и что исповедь главной героини «временами напоминает собою бессвязный бред больного»³⁷¹. Критик отдает предпочтение роману «Рахиль», в котором также изображена нервная и импульсивная героиня, однако здесь «патологический элемент не подавляет»³⁷². Таким образом, рецензент выбирает более «традиционный» из двух романов Михаэлис, что доказывает, что критика в то время не была готова к художественным экспериментам в творчестве авторов-женщин.

Произведением, которое вызвало почти столько же откликов, как и первый роман Михаэлис, стала «Книга о любви» (“Bogen om Kærlighed”) (1912, в России впервые опубликована в 1913 г.). Эта работа датской писательницы значительно отличалась от ее предыдущих трудов, так как в ней было описано счастливое супружество, а не разочарование и недовольство друг другом в браке, как это было в «Опасном возрасте», «Романе маленькой женщины» и др. Большую часть «Книги о любви» занимает рассказ мужчины о пяти годах счастья, которые он провел в уединении со своей женой, и о том, какие препятствия им пришлось преодолеть до этого. Русская читающая публика с одобрением приняла это произведение, недочеты, если и отмечались («слащавость», наличие

---

³⁷¹ Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т. 4. Альма. Пер. Г. Виллиама. М.: В.И. Знаменский и К, 1912. [С. 0].

³⁷² Коган П. Предисловие. [С. 0].

«многословья»³⁷³), то сглаживались общими положительными отзывами: «В повести много красивых слов и много женского чувства»³⁷⁴. Подобную двойственную оценку дал роману и Ю. Веселовский: с одной стороны, он выражал сомнение, что человек в ночь после гибели своей возлюбленной способен внятно рассказать об их взаимном чувстве, т.е. указывал на неправдоподобие ситуации, но, с другой стороны, одновременно критика восхитила «правдивость психологического анализа и внутренний трагизм»³⁷⁵. В рецензии В. Смельского творчество Михаэлис представлено в развитии: от «страдания и грусти», сконцентрированных в предыдущих романах, до описания «великого, необычайного счастья мужа и жены»³⁷⁶. Эта характеристика русского критика, не имевшего доступа к зарубежным отзывам о творчестве датской писательницы, почти совпала с суждениями иностранных критиков, предсказывавших, что Михаэлис обратится к теме счастья в своих последующих произведениях.

Действительно, следующим сочинением Михаэлис стала «Школа радости» (“Glædens Skole”) (1914). В России эта книга впервые была опубликована в 1914 г. в журнале «Свободное воспитание»³⁷⁷, где публиковались статьи о половом вопросе в школе, об обучении детей рисованию, о методике М. Монтессори. Поэтому произведение датской писательницы также было воспринято лишь как руководство по обустройству школ. Действительно, в этой книге отсутствует четкий сюжет, она состоит из отдельных историй, связанных друг с другом лишь темой школы и образом главной героини, директора учебного заведения. По мере улучшения жизни учеников совершенствуется и характер Луизы. В предисловии Михаэлис пишет, что это произведение при его внешнем несходстве с остальным

---

³⁷³ Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1913. № 201. 31 августа. С. 3.

³⁷⁴ Измайлов А. Новые книги. С. 3.

³⁷⁵ Веселовский Ю. Рец. на Карин Михаэлис. Книга о любви. М. 1913. Книгоиздательство «Полюза». Ц. 75 коп. // Русские ведомости. 1913. № 226. 2 окт. С. 6.

³⁷⁶ Смельский Вл. Рец. на: Карин Михаэлис. Книга о любви. Пер. с датского М. Розенфельд. Кн-во «Полюза», В. Антик и Ко. М., 1913 г. Ц. 75 к. // День. 1913. № 243. 8 сентября. С. 3.

³⁷⁷ Михаэлис К. Школа радости (пер. М. Розенфельд) // Свободное воспитание. 1914/1915. № 8 (с. 1-43), № 9 (с. 25-67), № 10 (с. 45-86) и № 11 (с. 1-54). После этого в 1915 году эта книга вышла отдельным изданием (Михаэлис К. Школа радости. // Библиотека нового воспитания и образования / Под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 58-59. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915-1916. 52 с. (вып. 58), 99 с (вып. 59)).

ее творчеством очень важно для понимания всех ее работ, так как она всегда стремилась проникнуть в тайны женской души, которая формируется в детстве, а «чтобы проникнуть в душевную жизнь ребенка <...>, требуется глубокое понимание детской души и любовное терпение»³⁷⁸, чего и стремилась достичь главная героиня. Таким образом, сама автор признавала жанровую неоднородность произведения, но не отрицала и его романное начало.

И все же русскому читателю оказалось сложно по достоинству оценить это произведение, так как была важна именно его документальная основа, а она не была известна в России. Сюжетной основой «Школы радости» стала жизнь реального учебного заведения в Вене, созданного хорошей знакомой автора Евгенией Шварцвальд. Из-за незнания предыстории вопроса, а также из-за неверного определения жанра произведения критики в России не смогли верно его понять и по-разному интерпретировали это произведение. И. Соловьев считал, что жанр книги, «уносящей нас в далекий мир радужных идеалов»³⁷⁹, – утопия, что предопределяет снисходительно-недоверчивое отношение рецензента к произведению. Во многих откликах читателей, увидевших в этой книге только роман, чувствуется недовольство длинными описаниями, отсутствием цельного сюжета и действия. Однако интерес к этой работе Михаэлис (ее измененной двойной фамилией впервые был подписан этот роман) был настолько велик, что в журнале «Бюллетени литературы и жизни» было напечатано краткое содержание этого произведения и дан намек на его фактографическую основу: «Она яркими штрихами, как художник, набрасывает образ своей приятельницы-педагога <...> и описывает школу»³⁸⁰.

После публикации этого произведения новые работы Михаэлис до 1917 г. не переводились, однако продолжалось переиздание уже опубликованных работ,

---

³⁷⁸ Михаэлис К. Школа радости. // Библиотека нового воспитания и образования / Под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 58-59. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915-1916. С. 3.

³⁷⁹ Соловьев И. Рец. на: Карин Михаэлис-Стангеланд. Школа радости. Пер. с датского М. Розенфельд. «Библиотека нового воспитания и образования», под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. CVIII. М., 1916. 99 стр. Ц. 75 к. // Русские ведомости. 1916. 28 декабря. № 299. С. 6.

³⁸⁰ Школа радости // Бюллетени литературы и жизни. 1915. № 21-22. С. 1182.

которые сопровождалась одобрителными, но уже менее многочисленными рецензиями.

§ 5. К. Михаэлис и русские писатели Серебряного века: взаимное влияние

Карин Михаэлис в течение всей жизни интересовалась культурой, традициями России. Возможно, этот интерес привил ей ее первый муж Софус Михаэлис, который также занимался исследованием русской культуры, что помогло ему относительно правдиво описать события войны 1812 г. в романе «1812» («Вечный сон»).

Благодаря подобной осведомленности о русской культуре Михаэлис часто в своих произведениях воспроизводила быт и характеры современной ей России. Литературовед М.В. Михайлова выделяет два направления передачи датской писательницей российской тематики: воспроизведение шаблонных представлений иностранцев о России, часто сформированных на основе произведений русской литературы, и заимствование узнаваемых сюжетных элементов из русской классики³⁸¹. К первой группе произведений можно отнести образ Сергея из романа «Иванова ночь»³⁸². Этот возлюбленный главной героини мало двигается, производит впечатление ленивого человека, заботится о красоте своих рук и особенно ногтей, однако при этом начитан и очень умен. Все эти черты были хорошо знакомы иностранцам, и часто именно на них обращали внимание при кратких контактах с русскими. Также Михаэлис воспроизвела традиционные представления о жителях России в словах: «Вы же знаете, что русские всегда пьют чай?»³⁸³.

Знакомство с классической русской литературой обнаруживается в образе слуги Ивана из «Книги о любви»³⁸⁴, беззаветно преданного главной героине. Михаэлис несколько раз в книге подчеркивает, что для супружеской пары он был чем-то большим, чем обычным помощником по дому, поэтому после смерти

---

³⁸¹ Михайлова М.В. Россия Карин Михаэлис // Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68-79.

³⁸² Михаэлис К. Иванова ночь. М.: Заря, 1912. 111 с.

³⁸³ Михаэлис К. Книга о любви. М.: Универсальная библиотека, 1915. С. 66.

³⁸⁴ Михаэлис К. Книга о любви. М.: Универсальная библиотека, 1915. 183 с.

своей хозяйки он потерял смысл жизни: «Он ничему не учился, он ничего не знал, он был только верным слугой»³⁸⁵, который плакал у могил своих господ. Подобное описание порождало ассоциации с рядом образов преданных слуг в русской литературе, хорошо известных и в Европе (Савельич из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, Захар из «Обломова» И.А. Гончарова, Фирс из «Вишневого сада» А.П. Чехова и т.д.). Иван является носителем народной мудрости, которая утешает стоящих выше его по уровню культуры героев: «Знаете, чем он мне помог? Двумя короткими, естественными словечками, которые люди употребляют в повседневной жизни, не обращая на них никакого внимания: «Барин, время идет!». И эти два слова <...> стали костылями, которые поддерживали меня на пути к великой цели»³⁸⁶ (прототипом подобного речевого поведения мог стать Платон Каратаев из романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого, хорошо знакомый зарубежным читателям)³⁸⁷.

Информацию о России Михаэлис получала не только через своего мужа, литературную мифологию и книги, но и с помощью русских знакомых. Так, известно, что писатель И.Г. Эренбург несколько раз встречался с датской писательницей, о чем писал в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «На одном из датских островов я случайно встретил Карин Михаэлис. <...> Я думал, что ее волнуют тайны женского сердца, а она говорила о другом: о неминуемой катастрофе; <...> об угрозе войны, как ужасны сытость, сон, равнодушие»³⁸⁸.

Многие авторы Серебряного века были хорошо знакомы с творчеством Михаэлис и в качестве литературной игры приносили узнаваемые мотивы или сюжетные ходы из ее работ в свои произведения. Самой очевидной параллелью с книгами датского автора является рассказ писателя начала XX в. М. Криницкого, которому автор дал название по фамилии датчанки – «Михаэлис». В этом произведении творческие установки датского автора даны в искаженно-перевернутом виде. По сюжету провизор Михаэлис в шутку подсказывает своей

³⁸⁵ Михаэлис К. Книга о любви. М.: Универсальная библиотека, 1915. С. 53.

³⁸⁶ Михаэлис К. Книга о любви. М.: Универсальная библиотека, 1915. С. 160.

³⁸⁷ Более подробно о русской теме в творчестве Михаэлис см.: Михайлова М.В. Россия Карин Михаэлис // Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68-79.

³⁸⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 3, 4. М.: Советский писатель, 1963. С. 253.

любовнице оторвать метки на лекарствах, чтобы ее больной муж выпил то, которое предназначено для наружного употребления. Маргарита Васильевна без колебаний следует его совету. Однако женщину в отличие от ее возлюбленного совсем не мучает совесть, а он в конце рассказа совершает самоубийство. Криницкий именно героиню наделяет бездушностью и пустотой, как бы намеренно противопоставляя ее традициям творчества датской писательницы, которая обычно мужчин представляла нечуткими и малорефлексирующими натурами: «Она, эта нравственно тупая женщина, с бесцветными, почти молочными глазами, была способная решительно на все»³⁸⁹. А терзания, мучительная борьба с собой и трагический слом происходят в душе мужчины: «И он ужасался тому, что не угадал тогда же, сразу, ее натуры»³⁹⁰. Таким образом, Криницкий, обозначив в названии адресата, с которым ведет своеобразный спор, выдвигает свою версию взаимоотношений мужчины и женщины: мужчина может обладать более чувствительной душой, чем женщина. Подобную позицию можно объяснить своеобразным взглядом автора на жизнь – почти в каждом его произведении так или иначе появлялся архетип женщины-захватчицы³⁹¹.

Криницкий не был единственным русским писателем, который стремился переосмыслить сюжеты Михаэлис. Так, например, рассказ «Аня» Е.А. Нагродской³⁹² представляется неким альтернативным вариантом развития событий из романа «Мамочка» датской писательницы. В произведении Михаэлис мать почти не занимается воспитанием детей, возложив материнские обязанности на старшую дочь Марту, которую потом отдает замуж за своего пожилого родственника, совсем не подготовив ее к браку. Девушка испытывает постоянное чувство страха в чужом доме, тоску по сестрам, о которых не перестает переживать даже на расстоянии, и в финале романа совершает самоубийство, не

---

³⁸⁹ Криницкий М. Михаэлис // Криницкий М. Собр. соч. Т. 6. Душа женщины [и другие рассказы]. М.: Московское книгоиздательство, 1917. С. 96.

³⁹⁰ Криницкий М. Михаэлис // Криницкий М. Собр. соч. Т. 6. Душа женщины [и другие рассказы]. М.: Московское книгоиздательство, 1917. С. 97.

³⁹¹ См. подробнее: Михайлова М.В. Отцы-пустынники и жены... Непорочны? // Гендерные исследования. М., 2004. № 11. С. 101–113.

³⁹² Нагродская Е.А. Аня; Чистая любовь; Он; За самоваром. СПб.: Тип. т-ва "Обществ. польза", [1911]. 2-е изд. 192 с.

переставая испытывать чувство вины перед всеми. Исходная ситуация рассказа Нагродской похожа на начало романа Михаэлис: старшая дочь Аня вынуждена ухаживать за многочисленными братьями и сестрами, а также за больной матерью, которая совсем не занимается хозяйством, стыдит развлекающегося с дамами отца, постоянно испытывая чувство вины. Однако героиня Нагродской обладает сильным характером, и в отличие от Марты, ее не могут изменить тяготы жизни, поэтому она в конце произведения она обретает счастье с человеком, которого раньше она считала врагом своей семьи. Таким образом, русская писательница, косвенно полемизируя с Михаэлис, демонстрирует, что девушка, обладающая сильным характером, может вырваться из замкнутого круга, в котором оказались Марта и Аня.

Русский вариант судьбы героинь Михаэлис представлен и в пьесе С.А. Найденова «Роман тети Ани», в которой одна из главных героинь, женщина 40 лет, стремится обрести свою любовь с человеком намного младше ее. Однако в отличие от героини «Опасного возраста» тетя Аня в глазах всех ее друзей выглядит нелепо и не вызывает сочувствия. Этот человек не борется за свое счастье, стремясь просто быть ближе к возлюбленному и жертвуя своей репутацией: так, она намеренно вызывает насмешки мужа своей племянницы, который думает, что у тети Ани роман, чтобы скрыть интрижку родственницы: «Я знаю, что он думает, и пусть его думает. Это для вас лучше – ширмочка выше»³⁹³. Формально в конце пьесы она, казалось бы, достигает цели – ведь ее молодая соперница отреклась от возлюбленного, но тетя Аня не способна быть счастливой, так как находится в зависимости от мнения окружающих. Таким образом, русский вариант Эльзи Линднер вроде бы не боится общественного мнения, но все же она готова презреть свою репутацию ради других, а не для собственного блага. Твердую нравственную основу образа тети Ани отметил в письме к Найденову М. Горький: «В существе своем Аня – славная фигура и должна бы заставить женщин за 35 лет плакать хорошими слезами. Она вполне способна вызвать к себе отношение более глубокое и уважительное, чем вызывает

---

³⁹³ Найденов С. Роман тети Ани: Пьеса в 4 действиях. СПб.: Театр и искусство, [1912]. С. 10.

героиня Карин Михаэлис в “Опасном возрасте”»³⁹⁴. Хотя при этом он же отмечал в ее характере истеричность, которая может оттолкнуть зрителя.

Таким образом, русские писатели были хорошо с творчеством Михаэлис и нередко в своих произведениях отталкивались от знакомых эпизодов из ее романов и повестей, интерпретируя их в соответствии с русской действительностью и собственными представлениями о мотивах поведения персонажей.

§ 6. Переводы произведений писательницы в начале XX в.

Несмотря на то что в России начала XX в. была очень напряженная ситуация с качеством переводов, творчество Михаэлис на русском языке было представлено на достойном уровне. Стиль датской писательницы отличала одна характерная черта – введение в текст просторечных или диалектных слов или выражений, что обеспечивало взаимопроникновение авторской речи и реплик персонажей. Почти все русские переводчики творчества Михаэлис уловили эту черту и стремились передать ее в своих версиях ее произведений. Также на родине многие критики прославляли датского автора как мастера достоверного воспроизведения детской речи, что отражалось в большинстве русскоязычных переводов (например, такова речь 16-летней героини из повести «Мамочка»: «Когда я была маленькая, я так боялась мамы, потому что башмаки у мамы совсем плоские, и я думала, что мамаша затопчет меня на смерть, если я буду непослушна»³⁹⁵).

Единственным минусом русских переводов можно считать то, что достаточно часто они осуществлялись не с датского, а с немецкого языка. Безусловно, из-за подобной практики из произведений исчезали многие нюансы, поэтому наиболее удачной следует признать работу с текстами Михаэлис тех переводчиков, которые обращались к языку оригинала, например, А. и П. Ганзены и др.

---

³⁹⁴ Горький А.М. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М.: Художественная литература, 1959. С. 112.

³⁹⁵ Михаэлис К. Мамочка. Пер. с дат. А. и П. Ганзен. М.: Польза, [1911]. С. 38.

Из-за обращения к немецкой версии произведений переводчики использовали неоригинальный вариант названия, что также искажало восприятие произведения. Так, например, роман “Ghettoens Blomst” (дословно: цветок гетто) из-за перевода с немецкого (“Rachel, ein Ghetto-Roman”) в русском издании стал называться просто «Рахиль»³⁹⁶, что устраняло таинственность оригинального названия, сосредотачивая внимание читателя на главной героине. Роман «Девочка с пальчик»³⁹⁷ также получил свое название из немецкого языка “Daumlinchen. Erzählung” (что порождало ассоциации с традициями немецких сказок) в отличие от авторского замысла, в котором название “Tommelise” переводилось как «Дюймовочка», что, по мысли автора, должно было отсылать читателя к наследию датского писателя Г.Х. Андерсена, так как судьба главной героини этого романа представляет вариант событий, которые могли бы произойти с хрупкой маленькой девочкой в реальности.

Наибольшее количество вариантов перевода появилось при издании первого нашумевшего романа Михаэлис «Опасный возраст». Различия проявлялись даже в версиях названия – от «Женщина в опасном возрасте»³⁹⁸ до «Опасный возраст. Отрывки из дневника и письма»³⁹⁹. Во многом причиной столь разных вариантов перевода стала и сама писательница, которая в первом издании выпустила книгу под названием “Den Farlige Alder” (Опасный возраст), однако при переиздании дополнила его определением “Den Farlige Alder. Breve og Dagbogoptegnelser” (Опасный возраст. Письма и дневниковые записи).

Большинство переводов романа «Опасный возраст» следует признать удачными, что во многом объясняется известностью этого произведения и конкуренцией в печати (как уже указывалось выше, в течение 3 лет эта книга вышла в нескольких издательствах). Для сравнения в данной работе были выбраны два перевода этого романа: «Опасный возраст»⁴⁰⁰ анонимного

---

³⁹⁶Перевод Л. Перхуровой.

³⁹⁷Перевод С. Нестеровой.

³⁹⁸Михаэлис К. Женщина в опасном возрасте / Пер. И. Вайсблита. Киев: Ф. Йогансон, 1911. 162 с.

³⁹⁹Михаэлис К. Опасный возраст. (Отрывки из дневника и письма) / Пер. З.Н. Журавской. СПб.: Тип. Спб. т-ва "Труд", 1913. 128 с.

⁴⁰⁰Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печ. слово, [1911]. 52 с.

переводчика и «Опасный возраст. Письма и страницы из дневника»⁴⁰¹
Е. Рудневой.

Оба перевода выполнены достаточно качественно, их отличает верный выбор языковых средств и правильность варьирования стилей. Роман «Опасный возраст» в своей изначальной структуре предполагал смешение нескольких письменных речевых жанров – дневника, представляющего своего рода «стенограмму» мыслей героини, и ее писем к близким людям, которые в зависимости от адресата принимают ту или иную эмоциональную окраску и стилевое исполнение. Обоим переводчикам удалось успешно это передать. Однако анонимный автор перевода работал с немецким подстрочником, что обнаруживается в пропуске им некоторых фраз в тексте. Так, например, в его варианте перевода последних дневниковых записей Эльзи Линднер, узнавшей, что ее муж женится на 19-летней девушке, отсутствует значимая фраза: «Как жалко я сыграла свою игру! Я начинаю понимать женщин, которые обливают друг друга серной кислотой»⁴⁰² (ср. перевод Е. Рудневой с датского: «Как плохо я сыграла свою игру! Я, которая была такого хорошего мнения о своем уме... Видит Бог, я понимаю женщин, которые обливают друг друга серной кислотой»⁴⁰³ »). Автор романа подчеркивала этими прерывистыми фразами нестабильное эмоциональное состояние главной героини, которое в варианте анонимного переводчика сглаживается. Помимо этого недочета, оба перевода, как и другие в России, следует признать удачными, тонко передающими оттенки смысла, значимые для Михаэлис.

Таким образом, известность Михаэлис в Европе и повышенный читательский интерес к ее книгам в России предопределили качественную и тщательную работу большинства переводчиков с ее произведениями, что позволило русским читателям знакомиться с ее творчеством по неискаженным текстам ее романов и повестей.

---

⁴⁰¹ Михаэлис К. Опасный возраст. Письма и страницы из дневника / Пер. с дат. Е. Рудневой. М.: Польза, [1913]. 118 с

⁴⁰² Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печ. слово, [1911]. С. 51.

⁴⁰³ Михаэлис К. Опасный возраст. Письма и страницы из дневника / Пер. с дат. Е. Рудневой. М.: Польза, [1913]. С. 114.

§ 7. Творчество К. Михаэлис в советской критике и современном отечественном литературоведении

После революции 1917 г. ранее изданные произведения Михаэлис почти не публикуются вновь (в 1918 г. выходит пятое издание «Книги о любви»⁴⁰⁴, а в 1927 г. в одном издательстве были напечатаны небольшим тиражом ее книги «Опасный возраст»⁴⁰⁵, «Девочка с пальчик»⁴⁰⁶). Однако большинство ее новых работ почти сразу же переводятся на русский язык. В 1920-1930-е гг., благодаря активной социальной позиции Михаэлис, ее знакомству со многими писателями, присутствию на многих мероприятиях, ее творчество было хорошо известно советским критикам и читателям⁴⁰⁷. Однако независимая писательница нередко высказывала суждения, резко критикующие позицию правительства СССР. Так, она с негодованием отозвалась о расстреле заключенных на Соловецких островах в 1923 г.: «Прочитав письма мужчин и женщин, погибающих в большевицких тюрьмах, днем и ночью я испытываю ужасное чувство вины. Да, я виновна, если ничего не предпринимаю, не протестую и не пытаюсь освободить мучеников <...> Не говорите, что это невозможно. Не говорите, что это вмешательство во внутренние дела другой страны. Вы можете, вы должны возвысить свой голос»⁴⁰⁸. Естественно, подобные замечания не могли поощряться советскими критиками, поэтому в статье о творчестве Михаэлис в Литературной энциклопедии (которую можно считать итогом размышлений критики СССР первой половины XX в. о ее работах), несмотря на общий одобрительный тон, читается разочарование и неудовлетворенность ее творчеством, так как писательница «пытается развенчать традиционную буржуазную мораль, противопоставляя ей идеи парадоксального аморализма, не выходящего при всем том из рамок той же буржуазной морали и буржуазного индивидуализма»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁴ Михаэлис К. Книга о любви. [5-е изд.]. М.: Универс. б-ка, 1918. 183 с.

⁴⁰⁵ Михаэлис К. Опасный возраст: Повесть. Харьков: Космос, [1927]. 176 с.

⁴⁰⁶ Михаэлис К. Девочка с пальчик. Харьков: Космос, [1927]. 150 с.

⁴⁰⁷ Интерпретация советскими критиками творчества Михаэлис требует проведения отдельного исследования, который формат данной диссертации не позволяет осуществить.

⁴⁰⁸ Левин И. ГУЛаг и Запад // Континент. 2012. № 151. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/133.html> [Дата доступа: 17.03.2014].

⁴⁰⁹ Поляков Г. Михаэлис К. // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во "Сов. Энцикл.", 1934. Стб. 385.

Знакомство с Михаэлис и ее творчеством отражено и в воспоминаниях переводчицы Л.З. Лунгиной, которая любила чтение именно благодаря детской книжке датской писательницы «Биби»: «До какого-то момента я мало и плохо читала <...> И вдруг произошел какой-то прорыв»⁴¹⁰. Однако следует отметить, что знаменитый филолог в середине XX в. знакомилась с творчеством Михаэлис на немецком языке, что было недоступно читателям в СССР, поэтому следует признать, что контакты датской писательницы с людьми из России в начале 1940-х гг. почти прекратились.

После статьи в Литературной энциклопедии в СССР было издано лишь одно произведение Михаэлис – «Нильсина-мать»⁴¹¹ (другое название – «Мать»⁴¹²). Это полуавтобиографическое произведение описывало сложные взаимоотношения взрослой дочери со своей матерью. Второе издание этого романа сопровождалось вступительной статьей литературоведа Ю. Яхниной, в которой она дала информацию об основных вехах жизненного и творческого пути датской писательницы и обобщила взгляды критиков начала XX в. (книги «подкупают тонкостью психологического анализа душевной жизни героев и особенно героинь»⁴¹³) и статей советских исследователей («некоторая ограниченность и даже узость кругозора <...> обусловлена сильным влиянием мелкой буржуазии и ее мещанских настроений на датскую писательницу»⁴¹⁴). Несмотря на то что в конце предисловия Яхнина приводит торжественные слова самой Михаэлис об СССР («Воспитание молодежи в России – одно из самых выдающихся достижений за последние десятилетия»⁴¹⁵), больше произведения датского автора в России не публиковались (и не переизданы до сих пор), и полноценных исследований о ее творчестве не появлялось (в различных справочниках и словарях есть небольшие заметки, повторяющие друг друга,

---

⁴¹⁰ Подстрочник: Жизнь Лиляны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/219633/read> [Дата доступа: 18.03.2014].

⁴¹¹ Михаэлис К. Нильсина-мать : [Роман] / Karin Michaelis. Мог; Пер. с датск. под ред. М. А. Полиевктовой. М.: Журн.-газ. объединение, 1938. 200 с.

⁴¹² Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. 327 с.

⁴¹³ Яхнина Ю. Карин Михаэлис и ее роман «Мать» // Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. С. 3.

⁴¹⁴ Яхнина Ю. Карин Михаэлис и ее роман «Мать» // Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. С. 4.

⁴¹⁵ Яхнина Ю. Карин Михаэлис и ее роман «Мать» // Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. С. 8-9.

однако все же их нельзя признать полноценным исследованием мощного таланта Михаэлис⁴¹⁶).

В 1978 г. Э.В. Переслегина выпустила «Библиографический указатель», в котором привела списки произведений Михаэлис, опубликованных на датском языке, литературы о творчестве датской писательницы и переводов ее работ на русский язык,⁴¹⁷ снабдив в качестве предисловия издание емкой и информативной биографией писательницы. Однако за этим масштабным трудом не последовало никаких литературоведческих исследований о творчестве Михаэлис. И до настоящего времени развернутых работ о ее произведениях опубликовано не было.

Выводы

Во второй главе диссертационной работы было проанализировано творчество прославленной в начале XX в., однако сейчас незаслуженно забытой датской писательницы Карин Михаэлис. Была представлена ее биография, которая во многом и предопределила творческое развитие автора, так как она и в своей собственной жизни стремилась обрести твердую нравственную позицию. В своем творчестве датская писательница показывала тайные переживания женщин, объясняла мотивы их поступков, а самое главное – освещала сложное, порой даже невыносимое подчиненное положение женщины в семье, ее зависимость от воли супруга, что нередко приводило к трагедиям. Важна для Михаэлис и детская тема, так как, по ее мнению, все особенности характера так или иначе закладываются в детском возрасте и обусловлены воспитанием и семейными традициями. Таким образом, датскую писательницу можно назвать «исследователем» женской души от ее рождения до смерти.

Михаэлис стала самой популярной датской писательницей в России начала XX в. Во многом это можно объяснить резонансной тематикой ее произведений

---

⁴¹⁶ Например, Брауде Л.Ю. Карин Михаэлис // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. Лакшин — Мураново / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1967. Стб. 823; Крымова Н., Погодин А. Карин Михаэлис // Датская новелла XIX-XX веков. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 576-577 и т.д.

⁴¹⁷ Список публикаций произведений Михаэлис на русском языке составлен настолько хорошо, что, несмотря на время, прошедшее со дня публикации этого библиографического указателя, не требует значительных изменений, поэтому приведение сопоставительной таблицы по датам публикаций произведений в Дании и России, как это было сделано в предыдущей главе, представляется излишним.

(развод, адюльтер, борьба за красоту тела), а также то, что ее творчество стало появляться в русских издательствах именно тогда, когда начало усиленно развиваться женское движение, и так называемый «женский вопрос» обсуждался во многих журналах. Помимо этого, в начале XX в. активно заявляют о себе русские женщины-писательницы (Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Е.А. Нагродская, Мирэ, Анна Мар и др.), которые в своих произведениях также активно разрабатывали острые темы, заявленные и Михаэлис. Таким образом, всероссийская известность датской писательницы в то время была обусловлена, помимо ее таланта, и литературно-общественной ситуацией того времени.

Благодаря проведенному анализу было выявлено постепенное изменение отношения русской читающей публики к творчеству Михаэлис: если первые ее произведения, опубликованные в России, в основном остались незамеченными, то роман «Опасный возраст» во многом из-за скандальной проблематики стал одной из наиболее обсуждаемых книг того времени. Была выявлена тенденция распределения мнений читателей: к первой группе относились «наивные читатели», которые поверили в реальное существование главной героини, а также и те, кто полагал, что главный персонаж отражает сущность каждой женщины старше сорока лет. Таким образом, первые оценивали роман не как литературное произведение, а как реальный документ. Ко второй группе относилось большинство профессиональных критиков, которые смогли оценить новаторство Михаэлис в передаче тонких движений женской души.

Анализ статей о последующих произведениях Михаэлис обнаружил всплеск интереса к ее книгам, который стал ослабевать около 1915 г. Критики благожелательно оценивали ее произведения, хотя к творческим экспериментам (введение потока сознания в «Ивановой ночи» или создание романа-рекомендации по обустройству учебных заведений «Школа радости») нередко относились с подозрением и непониманием.

Также в этой главе была раскрыта тема взаимодействия Михаэлис и русских писателей: указано на «русский след» в ее творчестве и ее контакты с русскими литераторами. Было выявлено влияние датской писательницы на

русских авторов, которые в своем творчестве обращались к темам ее произведений и, переосмысляя их, адаптировали к российским реалиям.

Переводы произведений Михаэлис, проанализированные в данной главе, показали, что к творчеству этого датского автора переводчики отнеслись очень бережно, стремясь сохранить малейшие оттенки. Качество работы несколько снижалось, если переводчик работал с немецким исходным текстом (менялись названия, не переводились некоторые важные реплики), однако в целом следует признать, что произведения Михаэлис появлялись в России в неискаженном виде.

В последней части второй главы диссертационной работы была прослежена история публикаций произведений Михаэлис после 1917 г., когда постепенно прекращается переиздание ее книг, вышедших до революции. Но ее новые романы и повести выходят на русском языке до 1950-х гг.

Несмотря на талант и богатое наследие писательницы, сравнительно мало отечественных литературоведов изучали ее произведения (Э. Переслегина, Ю. Яхнина), поэтому многие аспекты ее творческой деятельности ждут своего исследователя.

ГЛАВА 3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ КРИТИКОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Х. ПОНТОПИДАНА, Й. ЙЕНСЕНА, О. РУНГА, Й. ЙОРГЕНСЕНА

Не все датские авторы получили такое признание в России, как Герман Банг или Карин Михаэлис (с многотомными собраниями сочинений, многочисленными рецензиями на их творчество и описанием их жизни). Некоторые писатели Севера стали известными среди русских читателей благодаря одному-двум своим произведениям, после чего вскоре оказывались отодвинутыми в тень. Однако изучение откликов русской печати и на эти произведения представляется достаточно поучительным, так как, во-первых, позволяет обнаружить, насколько популярной оказалась литература Дании в целом в начале XX в., и, во-вторых, проанализировать, как изменялись взгляды самой русской критики по отношению к произведениям северных народов. Интересно также проследить, какие факторы играли роль в формировании литературной репутации того или иного автора в России, так как не все датские писатели, популярные на родине, получали признание у русской публики. В данной главе будут рассматриваться отклики русской критики на отдельные работы Хенрика Понтоппидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена.

§ 1. Хенрик Понтоппидан в русской критике 1900-1910 гг.

В современном датском литературоведении Хенрика Понтоппидана⁴¹⁸ (1857-1943), ровесника Германа Банга, заслуженно называют «великим мастером датской прозы»⁴¹⁹, так как он стал одним из участников так называемого «прорыва» в датской словесности на рубеже XIX-XX вв., который вывел датскую литературу на мировой уровень. В своих произведениях Хенрик Понтоппидан (Henrik Pontoppidan) совмещал реализм с вкраплениями импрессионизма,

---

⁴¹⁸ Иногда имя датского писателя пишут как Генрик (или Генрих) Понтоппидан, однако в данной работе будет использоваться более часто встречающийся его русский вариант написания – Хенрик Понтоппидан.

⁴¹⁹ Dansk litteratur historie. Bind 4. Fra Georg Brandes til Johannes V. Jensen. Af Hakon Stangerup og F.J. Billeskov. – København: Politikens Forlag, 1977. S. 268.

стремясь наиболее объективно передать жизнь в Дании того времени: не только изобразить ее внешние проявления, но и передать атмосферу. Поэтому весьма закономерным является тот факт, что в 1917 г. этому датскому писателю, вместе с другим датским романистом Карлом Гьеллерупом, была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: за «правдивое описание жизни современной Дании». Позднее, в 1924 г. немецкий писатель Томас Манн так отзовется о творчестве своего собрата по перу: он «прирожденный эпический поэт, который с обезоруживающей и волшебной суровостью, которая и составляет тайну искусства, выносит приговор времени и, как и должен настоящий поэт, показывает путь к высшей справедливости»⁴²⁰.

Основными чертами творчества Понтоппидана можно назвать подчеркнута отстраненный стиль повествования, который позволял писателю объективно, без идеализации и излишних обобщений описывать мир, окружающий его героев. Также в своих произведениях датский писатель глубоко и достоверно изображал характеры разнообразных и многочисленных персонажей, с равным вниманием описывая и второстепенных, и главных героев.

§ 1.1. Жизнь и творчество Х. Понтоппидана

В отечественном литературоведении значительный вклад в исследование творчества Хенрика Понтоппидана внесла И.П. Куприянова, представившая в своих работах биографию⁴²¹, основные работы датского автора⁴²² и даже его мемуарные произведения⁴²³.

В связи с этим в данной работе будут отмечены лишь основные вехи жизни и творчества датского писателя и те детали, которые дополняют картины, представленные в статьях И. Куприяновой.

---

⁴²⁰ Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. - København: Gyldendal, 2009. S. 249.

⁴²¹ Куприянова И. Выдающийся датский прозаик // Понтоппидан Х. Счастливчик Пер. Роман / Перевод с дат. С. Фридлянд; послесловие И. Куприяновой. М.: Панорама, 1995. С. 671-685.

⁴²² Куприянова И. Хенрик Понтоппидан // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 128-142.

⁴²³ Куприянова И. Воспоминания Хенрика Понтоппидана // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 143-155.

Хенрик Понтоппидан родился в 1857 г. в семье священника Дина Понтоппидана, который также написал несколько теологических книг и воспоминания о своем плавании к мысу Горн в качестве корабельного священника («Путешествие в Южную Америку», 1841). Шестнадцать детей и заботы о церкви и семье не позволили отцу писателя продолжить занятия литературной деятельностью, однако любовь к творчеству он сохранил на всю жизнь и передал своим детям. Хенрик стал седьмым ребенком, в то время его отец уже был полностью поглощен службой в Раннерсе (где в 1864 г. вся семья пережила оккупацию), а мать, ранее увлекавшаяся театром и литературой, ослабев от череды родов и перестав интересоваться творчеством, была вынуждена заниматься лишь младшими детьми и хозяйством. Проблемы в семье, постоянная нехватка денег, вечное отсутствие отца отвратили Хенрика от церкви, он решил не продолжать путь нескольких поколений Понтоппиданов и не становиться священником, а учиться в городе на инженера, так как природа, жизнь народа и техника интересовали его больше, чем духовные тайны. Однако, не закончив обучения, Понтоппидан решил связать свою жизнь с литературой. Его дебютом стал рассказ «Кончина» (“Et Endeligt”, 1881) о трагической жизни крестьянской семьи. И тема тягот сельской жизни стала основной в первом периоде творчества датского писателя, так или иначе появляясь в сборниках рассказов «Подрезанные крылья» (“Stækkede Vinger”, 1881), «В хижинах» (“Fra Hytterne”, 1887), «Тучи» (“Skyer”, 1890). Известность в Дании, а позднее и в Европе пришла к Понтоппидану в 1883 г. после публикации его повести «В приходе Сандинге» (“Sandinge Menighed”). Итогом первого периода творчества датского писателя стал роман «Обетованная земля» (“Det forjættede Land”, 1892) о душевных исканиях молодого сельского священника, приехавшего из города.

Сам Понтоппидан также в 1880-е гг. стремился как можно больше времени проводить вне города и даже женился на сельской девушке, однако мечты о природной идиллии вскоре разбились о грубость нравов, и в 1892 г. брак был расторгнут. В том же году писатель женился вновь на образованной городской жительнице. Некоторые исследователи связывают именно с неудачей первого

брака отход Понтоппидана от сельской темы, так как действительно в 1890-е гг. датский автор обращается к городской проблематике. Основным произведением этого периода стал роман-эпопея «Счастливчик Пер» (“Lykke-Per”, 1898-1904), принесший писателю общеевропейскую известность.

Третий период творчества Понтоппидана связан с его романом «Царство мертвых» (“De dødes Rige”, 1912-1916), обрисовавшим в мрачных тонах жизнь людей в преддверии Первой мировой войны, что отражало разочарование самого писателя в мироустройстве и способности литературы помочь выходу из создавшегося кризиса. В следующие десятилетия своей жизни Понтоппидан издавал сборники воспоминаний и переписывал ранее изданные произведения.

§ 1.2. Реакция русской критики на произведения писателя

Первое появление произведения Понтоппидана в России состоялось в 1891 г. (в Дании писатель к этому времени издается уже десять лет и является очень известным автором) в журнале «Новости иностранной литературы» (повесть «Вор», оригинальное название «Церковная шхуна» (“Kirkeskuden”), из сборника «Подрезанные крылья»). Следует отметить, что тексту не было предпослано никакого предисловия или краткой характеристики писателя или его повести, неизвестной для читателей также осталась и национальность автора, даже язык текста, с которого осуществлялся перевод, не был указан. Возможно, совокупностью этих причин, а также небольшим тиражом журнала объясняется отсутствие откликов на дебют датчанина в России. Однако его творчество не осталось вовсе незамеченным, так как спустя несколько лет его рассказы и небольшие повести публикуются в разных журналах («Русская мысль»⁴²⁴, «Вестник иностранной литературы»⁴²⁵, «Литературные вечера»⁴²⁶ и т. д.). Первая заметка, посвященная разбору нескольких произведений Понтоппидана, появилась в 1894 г. Немецкий критик Ф. Швейцер дает датчанину следующую достаточно общую характеристику: «Понтоппидан обладает выдающимся

---

⁴²⁴ Понтоппидан Х. Молодая любовь // Русская мысль. 1895. № 1-2.

⁴²⁵ Понтоппидан Х. Встречные силы // Вестник иностранной литературы. 1902. № 6-12.

⁴²⁶ Понтоппидан Х. Смерть главы. Из деревенских рассказов // Литературные вечера. 1902. № 8. С. 45-64.

беллетристическим талантом, проявившимся пока, главным образом, в отличных крестьянских новеллах...»⁴²⁷, что для того времени, когда была опубликована заметка, было точным описанием своеобразия писателя, действительно сконцентрировавшего свое внимание на «сельской» теме.

В 1898 г. в словаре Брокгауза и Эфрона появилась вторая в России работа о творчестве Понтоппидана, которая также ограничивалась общими фразами (что объясняется жанром издания): «Наблюдательный и талантливый рассказчик сцен из народного быта»⁴²⁸. В ней был приведен список основных работ датчанина (без перевода на русский язык, что снижало информативность заметки). В целом, эта статья не могла быть особенно полезной для русского читателя, так как содержала лишь справочную, почти безличную информацию.

Подлинная известность в России пришла к Понтоппидану в 1909 г., когда в четвертом сборнике «Фиордов» был опубликован его рассказ «Царственный гость» (“Den kongelige Gæst”, 1908). Следует отметить, что если ранее небольшие произведения датского писателя издавались с большой временной задержкой, то этот рассказ был переведен менее чем через год после его появления в Дании. «Царственный гость» затрагивает тему сложных семейных отношений, часто встречающуюся в творчестве Понтоппидана: супруги живут друг с другом по привычке, почти забыв о любви, однако неожиданно появившийся гость заставляет их вспомнить о былых чувствах.

«Фиорды», как уже отмечалось в предыдущих главах, были очень популярным и авторитетным изданием, благодаря которому русский читатель впервыезнакомился со многими скандинавскими авторами, поэтому такая публикация Понтоппидана не могла остаться незамеченной. В седьмом сборнике «Фиордов» на последних страницах был представлен краткий обзор ранее опубликованных произведений, в котором датский писатель характеризовался как «маститый», а про его произведение сообщается, что в нем «причудливо

---

⁴²⁷ Швейцер Ф. Скандинавское творчество новейшего времени. Этюды // Горн Ф.В. История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894. С. 388.

⁴²⁸ Генрих Понтоппидан // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 48. СПб.: Типография И.А. Эфрона, 1898. С. 537.

сочетаются здоровый и трезвый реализм с красивой символикой и легким элементом сказочности»⁴²⁹. В подобном обзоре (это первая рецензия, посвященная отдельному произведению Понтоппидана) пока чувствуется неуверенность анонимного критика и попытка с помощью общих фраз не высказывать личного впечатления от чтения, так как мнение об этом писателе до конца еще не сформировалось.

На рассказ Понтоппидана «Царственный гость» спустя некоторое время появилась рецензия и критика Н. Петровской, внимательно следившей за скандинавской литературой, которая не столь доброжелательно и хвалебно отозвалась об этом произведении, написав, что рассказ лишен индивидуальности и «годился бы для какого-нибудь журнала в качестве святочного рассказа», хотя при этом в рецензии подчеркивался «милый северный колорит»⁴³⁰. Такой «прохладный» прием можно объяснить разочарованием критика в сборнике в целом. В нем по сравнению с предыдущими Петровская не нашла «ни одной выдающейся вещи, ничего острого и нового»⁴³¹.

Понтоппидан становился известным в России постепенно. Слава пришла к нему после публикации в журнале «Русская мысль» его главного романа «Счастливчик Пер» (1909). Это отчасти автобиографическое произведение является своеобразной энциклопедией датской жизни, масштабно описывая жизнь датчан в городах, что обеспечило Понтоппидану известность и признание не только в Дании, но и далеко за ее пределами. В романе воспроизводится жизненный путь главного героя Пера Сидениуса, сына священника, мечтавшего прославиться, а не повторить судьбу отца к захолустной городке. Пер переезжает в Копенгаген, поступает в Политехническое училище и разрабатывает проект, который смог бы превратить его родной город к международный морской центр. Прикладывая огромные усилия, Пер добивается встречи и частичного одобрения

---

⁴²⁹ Сборник «Фиорды». Датские, норвежские и шведские писатели. Сборник 7. «Опасный возраст». СПб., 1909. С. 302.

⁴³⁰ Петровская Н. IV сборник «Фиорды». Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен изд. т-ва Маркс, // Утро России. 1911. № 64. 19 марта. С. 7.

⁴³¹ Петровская Н. IV сборник «Фиорды». Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен изд. т-ва Маркс, Петербург. С. 7.

у знаменитых строителей, однако они требуют переработки проекта. Во многом ради денег Пер сближается с семьей богатого торговца, который готов помочь в реализации планов Пера, и даже женится на дочери мецената. Казалось бы, мечты Пера готовы воплотиться в жизнь. Однако в это время умирает отец юноши, и Пер вынужден вернуться на родину. Здесь он ощущает непонятную тоску, его одолевает желание остаться в родном доме. Постепенно юношеский пыл и стремление преодолевать любые препятствия затухают, Перу все больше хочется покоя, а не борьбы. Поэтому он бросает жену и возвращается в родной город, где обретает то счастье и умиротворение, которые были у его отца. Налицо непривычная для русской литературы коллизия – смирившийся, но отнюдь не отрицательный герой.

Однако в России появилось множество восторженных откликов на этот роман. Некоторые критики, почувствовав общее благожелательное отношение к творчеству датчанина, в своих рецензиях ограничивались лишь общими хвалебными фразами. Например, анонимный рецензент в рекламной статье так охарактеризовал дар писателя: «редкий наблюдатель», «мощный здоровый сатирик», «большой художник», «знаток души человеческой»⁴³².

Другие критики стремились представить полноценный анализ этого произведения, при этом высказывая интересные мысли о путях развития литературы. Так, Ю. Веселовский очень метко отмечает тот факт, что у русского читателя, сравнительно давно познакомившегося со скандинавскими литературами, выработался определенный набор ожиданий («читатели ... уже привыкли искать идейный или даже тенденциозный элемент, разработку тех или иных общественных вопросов»), и «Счастливчик Пер» их не обманул, так как роман обладает этой «яркой идейной окраской»⁴³³.

---

⁴³² Рец. на: Понтоппидан Х. Счастливчик Пер // Понтоппидан Х. Собр. соч. Обетованная земля. Т.5. СПб., 1913. С. 1.

⁴³³ Веселовский Ю. Рец. на Понтоппидан Х. Счастливчик Пер // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 19. С. 496.

Еще более благосклонна рецензия критика Н.Л.⁴³⁴, который в самом начале статьи пишет, что «трудно оторваться от этой книги в тысячу... страниц». Помимо интересного способа освещения общественной жизни, который уже отмечался Ю. Веселовским, рецензент выявил «изумительную зоркость психологических наблюдений», «простую и величавую архитектуру романа». Завершается рецензия утверждением, что этот роман – одно из лучших произведений, которые «так полно и проникновенно рисуют душу современной Европы»⁴³⁵. Таким образом, в разных рецензиях были подробно освещены различные стороны произведения: четкость построения, проникновенные описания общественной жизни, психологизм и богатый язык.

Более подробный разбор романа Понтоппидана «Счастличик Пер» возникает в предисловии к этому произведению, которое написал Б.П. Сильверсван, приват-доцент Санкт-Петербургского университета. В этой статье прозвучала мысль, что биография самого датского писателя легла в основу романа, а главный герой унаследовал многие черты характера своего автора («он не свободен от чар тех призраков, которым он объявил войну»⁴³⁶). Также разбирается своеобразный стиль романа – лирический и иронический одновременно, что позволяет автору (и герою), заглушить возникающие внутренние противоречия. Эти наблюдения Сильверсвана намного глубже и вернее, чем замечания анонимного рецензента о сатирическом даре Понтоппидана, которые упоминались выше.

В этом же томе собрания сочинений опубликован перевод письма известного датского критика Георга Брандеса с весьма лестной характеристикой творчества Понтоппидана: «Он прекрасный наблюдатель, <...> всегда здоровый и мощный, как чернозем»⁴³⁷. Весьма интересна последняя фраза этого письма, которая показывает, насколько знаменитый Брандес ценил и любил творчество

---

⁴³⁴ Н.Л. – псевдоним Лернера Николая Осиповича (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. С. 222).

⁴³⁵ Н.Л. Рец. на: Понтоппидан Х. Счастличик Пер // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 19. С. 497.

⁴³⁶ Сильверсван Б. Хенрик Понтоппидан (Вступительная статья) // Понтоппидан Х. Собр. соч. Т.1. Счастличик Пер. СПб., 1913. С. VIII.

⁴³⁷ Брандес Г. Предисловие // Понтоппидан Х. Собр. соч. Т.1. Счастличик Пер. СПб.: Самообразование, 1913. С. XI.

Понтоппидана: «В прошлом году, когда при назначении писательской стипендии, в первый раз выдаваемой датскому писателю, я должен был подать свой голос, то я подал за него...»⁴³⁸. Подобная характеристика, видимо, возвысила датского писателя в глазах русской читающей публики, которая прислушивалась к мнению Г. Брандеса. Однако все же эти отзывы не создавали полного впечатления об этом произведении Понтоппидана.

Так, в русской критике была полностью опущена связь «Счастливого Пера» со сказкой Г.Х. Андерсена «Гадкий утенок». Судьба Пера вначале романа развивается аналогично судьбе гадкого утенка (насмешки, непонимание, побег, трудности, встреча с родственными душами, достижение цели), однако в том месте, где Андерсен ставит точку, Понтоппидан продолжает историю: Пер затосковал по родному месту и вернулся на родину отца (птичий двор в «Гадком утенке»), таким образом, в романе перечеркивается мораль сказочника о том, что природные задатки важнее места, где человек воспитывался. Из романа следовало, что окружающая среда сильнее одного, пусть даже и сильного характера, который может и сломиться. Для датских читателей такая параллель была очевидна, тем более что у Андерсена также был опубликован роман с таким же названием «Счастливчик Пер» (1870) о жизни гениального композитора, с трудом добившегося успеха и не перенесшего его. Переключки названий, а также сюжетные параллели должны были обратить внимание читателей на полемику с Андерсеном и несогласие с его концепцией о том, что достижение цели и есть достижение счастья. Однако весь этот смысловой пласт не был замечен русской критикой.

После публикации романа «Счастливчик Пер» в России до 1917 г. были опубликованы некоторые рассказы Понтоппидана⁴³⁹ (однако многие произведения так и не были изданы на русском языке) По личной просьбе Г. Брандеса М. Благовещенской был тщательно переведен другой знаменитый роман – «Обетованная земля», в издательстве «Просвещение» издано собрание

---

⁴³⁸ Там же. С. XII.

⁴³⁹ Например, «Старый Адам» (Современный мир. 1910. № 8-9); «Неудача брата Мартина» (Современный мир. 1913. № 2); «Два друга» (Русская мысль. 1913. № 4) и т. д.

сочинений (состоявшее лишь из пяти томов, включавших два романа – «Счастличик Пер» и «Обетованная земля»), печатались различные рецензии о творчестве датского писателя. Так, второму значительному роману критик А. Кратов посвятил обстоятельную статью. В этом произведении описывается стремление городского священника сблизиться с сельскими жителями его прихода, он даже женится на деревенской девушке (опять переключка с биографией Понтоппидана!), однако все это не приводит его к цели: селяне держатся обособленно, пастора преследуют неудачи, и в конце романа он гибнет.

Особой заслугой автора «Обетованной земли» критик Кратов называет «разнообразные и тонкие наблюдения в изображении быта»⁴⁴⁰ и мастерство в воссоздании разветвленной персонажной системы: «Роман по богатству типов совершенно исключителен, и ни один из датских писателей не помогает так проникнуть за завесу жизни датского народа, как Хенрик Понтоппидан»⁴⁴¹. Также критик отметил влияние идей толстовства на автора романа, что было справедливо, так как из всей русской литературы Понтоппидан выделял лишь Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, в чьем творчестве, по его мнению, выразилось истинно русское миропонимание (И.С. Тургенев, например, казался датчанину слишком «французским»). Однако рецензент из-за подчеркнутой отстраненности автора от повествования не смог выделить отношение автора к происходящему в романе, хотя все события, которые случились с главным героем, демонстрировали, по мысли Понтоппидана, несостоятельность толстовства как вероучения.

Таким образом, при обращении к произведениям Понтоппидана, критика в основном оказывалась недостаточно глубокой. Замечания касались главным образом системы персонажей, критики не стремились к глубокому постижению проблематики. И в результате подобной практики многие детали и оценка художественной стороны произведений, стоявших на стыке реализма и модернизма, остались недоступны русскому читателю в отличие от европейского.

---

⁴⁴⁰ Кратов А. Рец. на Хенрик Понтоппидан. Обетованная земля. Роман. Перевод М.П. Благовещенской. Часть I, стр. 243, цена 1 р. Часть II и III, стр. 373, цена 1 р. 50 к. СПб., 1913 // Заветы. 1913. № 1. С. 175.

⁴⁴¹ Кратов А. Рец. на Хенрик Понтоппидан. Обетованная земля. С. 175.

Однако в книгах и журналах появлялись разнообразные варианты биографии Понтоппидана, что, как уже отмечалось выше, было нетипичным для периода рубежа веков, когда о зарубежных авторах довольно часто не сообщалось вообще никаких сведений. Жизнь же Понтоппидана была представлена в нескольких статьях на русском языке.

Первым из них следует считать предисловие датчанина К.Э. Йенсена к повести Понтоппидана «Молодая любовь» (“Ung Elskov”, 1885). Данная переводная статья прекрасно демонстрирует противоречивую практику многих отечественных издателей того времени, которые очень часто в качестве вступительного слова использовали статьи иностранных критиков без их соотнесения со знаниями российского читателя, из-за чего предисловия не выполняли свою культурно-просветительскую функцию. Например, статья Йенсена о Понтоппидане построена на сопоставлении биографии датчанина с сюжетом его романа «Счастливчик Пер», однако в России этот роман в 1908 г. еще не был переведен, поэтому большая часть статьи осталась непонятной русскому читателю. Не менее странным в этой статье является тот факт, что, несмотря на то что она предшествует повести «Молодая любовь», об этом произведении в заметке нет ни слова: это подчеркивает, что в качестве предисловия издателем была использована первая доступная иностранная статья. Однако в критическом очерке Йенсена все же есть интересные моменты. Так, он дает очень живую характеристику стиля Понтоппидана, что особенно важно для русского читателя, который нередко из-за некачественных переводов не мог полностью насладиться «мускулистым и эластичным стилем со спокойным и правильным ритмом ровного дыхания»⁴⁴².

Попытка штрихами очертить биографию Понтоппидана появляется в упоминавшемся выше письме критика Г. Брандеса, который выделил основные вехи жизни датчанина. Однако жанр письма не позволил ему углубиться в подробности: так, критик указал на его дебют в Дании в 1881 г., однако последующие произведения так и остались неназванными. Таким образом,

---

⁴⁴² Йенсен К.Э. Генрик Понтоппидан // Понтоппидан Х. Молодая любовь. Идиллия. М.: Польза, 1908. С. 7.

заинтересовавшемся читателю приходилось выискивать информацию об этом датском писателе в разных источниках.

Наиболее полная версия биографии Понтоппидана появилась в предисловии Б.П. Сильверсвана в 1913 г., где были указаны даты публикаций основных произведений датчанина на родине (что помогало русскому читателю ориентироваться в хронологии его произведений, так как на русский язык его романы и повести переводились вне всякого порядка, и было очень сложно проследить творческий рост автора), приведены цитаты из еще не опубликованных в России рассказов и новелл, ярко охарактеризован стиль («чеканный, простой и выразительный»⁴⁴³). Автор заметки даже сравнил его со стилем Л.Н. Толстого, однако сама биография, а не разбор работ занимают всего полстраницы, что вызвало критику этого предисловия в прессе. Так, А. Левинсон иронически отметил, что этот очерк «своей уже слишком «спартанской» краткостью напоминает словарные справки»⁴⁴⁴, однако в начале XX в. это была самая качественная попытка осветить биографию и творчество Хенрика Понтоппидана.

Следует отметить, что не только отсутствие информации, но и недобросовестно выполненные переводы не позволяли русским читателям и критикам по достоинству оценить произведения писателя. Одним из наиболее ярких примеров «странной» работы переводчика можно назвать опубликованный в журнале «Запросы жизни» рассказ «Полет орла»⁴⁴⁵ (“Ørneflugt”, 1894). В русской версии этого произведения была опущена трагическая концовка и мораль: у автора орел погибал от рук воспитавшего его фермера, однако переводчик предпочел опустить финал, поэтому в русском варианте произведение заканчивалось на предыдущей сцене: орел улетал вместе с орлицей в горы⁴⁴⁶. Как видно, в отечественных изданиях могли появляться «адаптированные» варианты

---

⁴⁴³ Сильверсван Б. Указ соч. с. IX.

⁴⁴⁴ Левинсон А. Всемирная библиотека. Собрания сочинений: Анатоля Франса, Вольтера, Хенрика Понтоппидана, Виктора Гюго, Эрнста Альгерн. СПб. Кн-во «Просвещение», 1913 г. // Современный мир. 1913. № 3. С. 159.

⁴⁴⁵ Понтоппидан Х. Полет орла // Запросы жизни. 1912. № 28. С.45-60.

⁴⁴⁶ Более подробно о некачественных переводах произведений Понтоппидана см.: Куприянова И. Хенрик Понтоппидан // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 128-142.

рассказов и романов Понтоппидана, что, безусловно, не позволяло по достоинству оценить его произведения.

Таким образом, в начале XX в. проза Хенрика Понтоппидана издавалась в России и даже, несмотря на некачественные переводы, имела некоторый успех и приобрела известность среди русских критиков и читателей, но все же можно сказать, что, этот датский писатель в отечественной печати не получил должного признания. Возможно, подобная реакция читающей публики была вызвана недостаточной рекламой, а также его сложным стилем, нередко искажавшимся в переводах, отстраненностью рассказчика и неясностью авторской позиции, хотя, например, интерес Понтоппидана к проблемам взаимоотношений церкви и человека, должен был привлечь к нему внимание.

После 1917 г. публикация произведений Понтоппидана постепенно прекратилась (чему способствовали религиозные мотивы его творчества), и следующее переиздание «Счастливчика Пера» появилось лишь в 1961 г., позже этот роман печатался в 1993 и 1995 гг. (больше из произведений этого датского автора в России ничего не было опубликовано).

Изучение творчества Понтоппидана отечественными литературоведами после длительного перерыва продолжилось во второй половине XX в. Среди самых активных пропагандистов его творческого наследия следует назвать В.П. Неустроева⁴⁴⁷, написавшего обстоятельное предисловие к первому переизданию датчанина в СССР, и И.П. Куприянову, подробно осветившую в статьях биографию Понтоппидана и его творчество.

§ 2. Произведения Йоханнеса Йенсена в оценке русской критики начала XX в.

§ 2.1. Общая характеристика творчества Й. Йенсена

Йоханнес Вильгельм Йенсен⁴⁴⁸ (Johannes Vilhelm Jensen) (1873-1950) прожил долгую жизнь и внес неоценимый вклад в развитие датской литературы⁴⁴⁹. Начав с

---

⁴⁴⁷ Неустроев В. Генрик Понтоппидан и его «Счастливчик Пер» // Понтоппидан Г. Счастливчик Пер: Роман / Пер. с дат. С. Фридлянд. Киев: Орион, 1993. С. 3-19.

⁴⁴⁸ Иногда имя писателя пишут как Иоханнес Вильгельм Йенсен, однако в данной работе будет использоваться более распространенный вариант – Йоханнес Вильгельм Йенсен.

подражательных романов («Датчане» (“Danskere”, 1896) и «Айнер Элькер» (“Einar Elkær”, 1898)), написанных под влиянием датских символистов, например, Йоханнеса Йоргенсена, этот датский писатель вскоре обратился к исторической тематике, представив собственную трактовку сложных событий XVI в. в романе «Падение короля» (“Kongens Fald”, 1900-1901) и новый вариант способа повествования – через описание тех действий и переживаний, которые относятся лишь к двум персонажам – королю и случайно встретившемуся с ним студенту. Новации Йенсена относятся и к крестьянской теме, где датский писатель, в отличие от Хенрика Понттоппидана, занимавшегося социальной проблематикой, исследовал экзистенциальные вопросы смысла жизни и смерти, проблемы пола в их постижении селянами («Люди Химмерланда» (“Himmerlandsfolk. Historier”, 1898), «Новые химмерландские истории» (“Nye Himmerlandshistorier”, 1904), «Химмерландские истории. Третий сборник» (“Himmerlandshistorier. Tredje Samling”, 1910).

Йенсен в течение жизни совершил множество путешествий (США, Европа, Япония и т.д.), что, безусловно, дало ему в дальнейшем богатый материал для литературного творчества. Датский автор очень тонко чувствовал слово, был способен воспринимать мельчайшие оттенки смысла, великолепно воссоздавать тонкие грани переживаний человека и состояний природы. При этом датский писатель, хотя и не окончил медицинский университет, на всю жизнь сохранил научный подход к окружающему миру и в своих произведениях всегда давал подробные и четкие описания фактов, деталей, физиологические подробности (что ярко проявилось, например, в его «Химмерландских историях»).

Главной заслугой датского писателя многие исследователи называют созданный им новый жанр – мифы, воплощенные в произведениях без сюжета, своеобразные зарисовки чувств и впечатлений, при этом они «служат иллюстрацией каких-либо идей или теорий»⁴⁵⁰. Мимолетные впечатления, по

---

⁴⁴⁹ Подробная биография Йоханнеса Йенсена и анализ его творчества в работе представлены не будут, так как они раскрыты в работе А.В. Сергеева «Реализм и миф в творчестве Й.В. Йенсена» (Йенсен Й.В. Избранные произведения. М.: Панорама, 2000. С. 465-477).

⁴⁵⁰ Сергеев А.В. Реализм и миф в творчестве Й.В. Йенсена // Йенсен Й.В. Избранные произведения. М.: Панорама, 2000. С. 472.

мысли Йенсена, позволяют лучше понять происходящие в природе события и вернее интерпретировать их («Мифы» – “Myter”, сборники 1908-1912 гг.). Писатель определял новый жанр необычайно широко: «Всякое описание, которое подает какой-либо фрагмент природы в его взаимосвязи со временем, является мифом»⁴⁵¹. Обычно миф Йенсена – это небольшой рассказ, лишенный сюжета, в котором лирического персонажа побуждает к философским размышлениям любое, даже самое незначительное впечатление.

Создание мифов и многократно изученная теория дарвинизма легли в основу другой, еще более грандиозной концепции Йенсена об эволюции развития человечества и необходимости воссоздать этот процесс в художественных произведениях, что и было воплощено в эпопее датского писателя «Долгий путь» (“Den lange Rejse”. 1908-1922), включившей отдельные романы, повествующие об истории человечества с первобытных племен до плавания Христофора Колумба. Йенсен разработал собственную теорию, согласно которой в процессе эволюции отбирались и наследовались как наиболее устойчивые именно созидательные способности человека, которые он использовал в интересах всего рода или коллектива.

Столь грандиозный вклад в развитие литературы не мог остаться незамеченным мировым литературным сообществом, и в 1944 г. Йенсен получил Нобелевскую премию по литературе с формулировкой: «За редкую силу и богатство поэтического воображения в сочетании с интеллектуальной любознательностью и самобытностью творческого стиля».

Таким образом, Йенсену были свойственны мифотворчество, богатство языка, обращение к далеким историческим эпохам, интерес к жизни народа, собственный взгляд на эволюционное развитие человечества, в котором важнейшая роль отводилась естественному отбору с учетом лучших наследственных качеств, а не «борьбе за существование» в чистом виде, когда выживает сильнейший.

---

⁴⁵¹ Куприянова И.П. Предисловие // Йенсен Й.В. Избранное. Л.: Художественная литература, 1989. С. 13.

§ 2.2. Рецензия произведений писателя

В Россию произведения Йенсена попадали не в хронологическом порядке, а в произвольном, в зависимости от желания переводчиков и издателей⁴⁵². Его тексты публиковались в России без каких-либо комментариев и предисловий (хотя была возможность пользоваться датской критикой), даже в определении национальности автора первое время была путаница, поэтому перед критиками и простыми читателями вставала трудная задача самостоятельного осмысления творческой индивидуальности Йенсена.

Те произведения, которые публиковались датским писателем на родине в течение нескольких десятилетий, заполнили русские книжные полки всего лишь за период с 1909 по 1912 гг. Первая публикация Йенсена состоялась в России благодаря сборнику северной литературы – «Фиорды», во втором номере которого был опубликован его роман «Ледник», в четвертом номере – некоторые «Химмерландские рассказы», после чего в одну из следующих книг издатели включили другой его сборник – «Интермеццо», а в следующую – еще несколько рассказов о Химмерланде. После этого издательство В.М. Саблина выпустило в 1911-1912 гг. девятитомное собрание сочинений Йенсена, также появились некоторые отдельные публикации его произведений. После этого интерес к творчеству этого датского автора, как и ко всей скандинавской литературе в целом в России, начал ослабевать, поэтому успех этого автора среди русских читателей в начале XX в. был непродолжительным.

Первая рецензия на произведение Йенсена в России появилась еще в тот период, когда творчество датчанина русским было совершенно неизвестно – никакие переводы с датского языка еще не были опубликованы. Это была детализированная хвалебная статья 1904 г. о романе «Мадам д'Ора» другого датчанина – критика А. Маделунга, в которой рецензент подчеркивал, что перед нами «один из самых замечательных романов» в современной литературе в целом, содержащий «психологическое пророчество о “новом человеке”»⁴⁵³. Таким

---

⁴⁵² В Приложении 2 представлена хронология публикаций датчанина на родине и в России.

⁴⁵³ Маделунг А. Johannes Jensen. Madame d'Ora. Nordisk Forlag. København og Kristiania. 1904 // Весы. 1904. № 5. С. 51.

образом, уже в первой статье была сделана попытка указать на тягу Йенсена к мифотворчеству. Действительно, в этом романе, описывающем необыкновенную фигуру изобретателя Эдмунда Голля и его фантастические открытия, видится интерпретация Йенсеном создававшегося в то время мифа о безграничных возможностях человека, повелевающего машинами. Кроме этой рецензии Маделунга, никаких других откликов на произведения датчанина в России не появлялось в течение нескольких следующих лет. При этом уже в первой статье имеется некий «изъян»: читателю остается неизвестно, что же создано писателем до этого «замечательного романа» (кроме вскользь упомянутого романа «Падение короля»), несмотря на то что до «Мадам д'Ора», кстати, не самого характерного для Йенсена произведения, им было написано несколько значительных романов и множество рассказов, безусловно, определивших его творческое развитие.

Лишь через 5 лет, в 1909 г., журнал «Весы» вновь обращается к творчеству Йенсена: на этот раз публикуется его ранний рассказ «Исчезнувшие леса»⁴⁵⁴ (“Forsvundne skove”, 1899) в переводе Ю. Балтрушайтиса. И опять-таки это, не самое типичное произведение датчанина все же давало возможность русским читателям познакомиться с основными особенностями его творчества: мифологизмом, интересом к далекому прошлому, оригинальной интерпретацией исторических событий, философскими мотивами.

В том же 1909 г. к Йенсену пришла подлинная известность в России: в известном сборнике скандинавской литературы – «Фиорды» (кн. 2) был опубликован его роман «Ледник». Следует отметить, что это произведение только годом ранее (1908) появилось на родине писателя, а уже в 1909 г. было переведено на русский язык. Роман «Ледник» затрагивал, подробно описывая незнакомый мир, быт первобытных людей. Следует отметить, что тема жизни древних предков в начале 1910-х гг. была достаточно популярной. Так, в 1898 г. был переведен роман

---

⁴⁵⁴ Йенсен Й. Исчезнувшие леса // Весы. Ежемесячник искусств и литературы. 1909. № 2. С. 39-43.

Э. д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика»⁴⁵⁵, а в 1911 г. появилось на русском языке произведение Рони-старшего «Борьба за огонь»⁴⁵⁶.

И уже в седьмом сборнике появилась хвалебная характеристика творчества писателя, завершающаяся словами: «Мы имеем в лице Йенсена чрезвычайно интересного и глубокого писателя, одаренного прекрасным талантом творческой фантазии»⁴⁵⁷. Также даже эта короткая заметка демонстрировала зарождающуюся эволюционную концепцию Йенсена, которую он выставлял через свои мифы и отдельные события в романах: «Он рисует перед нами как бы первоисточники жизни на земле». Однако к 1909 г. предыдущие книги датчанина все еще оставались неизвестными русскому читателю.

На волне интереса к творчеству датского писателя на русский язык в 1910-1912 гг. начинают переводиться разные произведения писателя, а в 1911-1912 гг., как уже отмечалось выше, в издательстве В.М. Саблина выходит его собрание сочинений в девяти томах. Отклики в печати последовали незамедлительно. Но опять-таки следует указать, что собранию сочинений никакого предисловия предпослано не было. А это, если учесть беспорядочность публикаций его романов и рассказов, не позволяло русскому читателю составить о Йенсене четкое представление, тем более что избираемый автором ракурс рассмотрения жизненных явлений был явно непривычен русской публике. И все же именно эти годы следует воспринимать как точку отсчета, с которой и началось открытие творчества Йенсена в России.

Почти все без исключения критики встретили произведения Йенсена благосклонно, в рецензиях не указывалось никаких недостатков, а восторженные оценки присутствовали постоянно. Представляется интересным, насколько быстро имя датского писателя стало привычным и известным в русской читающей среде. В 1909 г. упоминание имени в печати требовало дополнительных характеристик и разъяснений, но уже в 1911 г. рецензент

---

⁴⁵⁵ Д'Эрвильи Э. Приключения доисторического мальчика. СПб.: О.Н. Попова, 1898. 191 с.

⁴⁵⁶ Рони-Старший. Борьба за огонь : Доисторический роман в 3 частях с предисловием автора и вступительной статьей М.Ц. Пуансо / Авторизованный перевод с рукописи друзей. СПб.: М.И. Семенов, 1911. 216 с.

⁴⁵⁷ Рец на: Иоганнес Йенсен «Ледник» // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб., 1909. С. 300.

начинает свою заметку о его романе «Колесо» с сетования, что «у нас мало еще знают этого замечательного писателя»⁴⁵⁸, а в 1912 г. при разборе очередного сборника «Фиордов» дается лишь краткая характеристика рассказов Йенсена, ибо, как объяснил критик, его «у нас переводят уже давно»⁴⁵⁹.

В 1910 г. Н. Петровская одна из первых русских критиков написала рецензию об одном произведении Йенсена – романе «Мадам д'Ора», к которому почти шесть лет назад обращался журнал «Весы», и оценила произведение невероятно высоко. Так, рецензент интерпретировала этот текст как «психологическое пророчество о будущем», «по философской широте своего замысла уже выходящего из границ обычной художественной прозы»⁴⁶⁰. Н. Петровскую впечатлило мастерство зарисовок напряженных психологических игр, происходящих между героями романа, исследование тайн человеческого духа и его потенциала, проводимого автором произведения. К сожалению, в этой статье не была затронута тема «механистического» мира, который Йенсен стремился осветить в своем романе, однако лишь это отделяет статью Петровской от работ ее датских коллег, так как обо всех остальных чертах произведения она смогла рассказать в своей краткой заметке.

О романе «Мадам д'Ора» в 1911 г. напишет и другой известный критик Ю. Веселовский, поставив это произведение выше, чем важную для исторической концепции Йенсена трилогию «Падение короля». Из-за этой не совсем точной расстановки акцентов рецензент сделал неверные выводы обо всем творчестве датского писателя: как будто основными темами и героями большинства его сочинений являются «таинственные преступления, сыщики, загадочные личности»⁴⁶¹ (что, безусловно, искажало представления читателя об этом авторе).

---

⁴⁵⁸ Рец. на: Иенсен И. Колесо. Собр. соч. Т. III. Изд. В. М. Саблина. М. 1911 г. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1911. № 34. С. 134.

⁴⁵⁹ Рец. на: Фиорды. Сборник IX. Дитя Века. Изд. т-ва А. Ф. Маркс. СПб. Ц. 1 р. 25 к. // Новый журнал для всех. 1912. № 1. С. 131.

⁴⁶⁰ Петровская Н. Рец. на Иоганнес Иенсен. Мадам д'Ора. Перевод с датского. Кн-во Саблина // Утро России. 1910. № 286. 30 октября. С. 4.

⁴⁶¹ Веселовский Ю. Рец. на Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Том 1. Падение короля. Том 2. Мадама д'Ора. М. 1911. Ц. каждого тома 1 р. // Русские ведомости. 1911. № 129. 7 июня. С. 5.

Однако это не помешало критику верно оценить художественные достоинства романа – занимательность повествования, «любопытные картины нравов»⁴⁶².

Достаточно много откликов в российской печати появилось на «Химмерландские истории» Йенсена, публиковавшиеся в 1910-1911 гг. Так, в 1911 г. критик Петровская вновь обратилась к его творчеству Йенсена, анализируя это произведение, помещенное в сборнике «Фиорды». Критик выделяет это произведение датского автора среди других (например, ее отзыв о «Царственном госте» Понтоппидана см. в предыдущей главе), сравнивая с «драгоценной жемчужиной»⁴⁶³. Петровская отмечает, что перед читателями открывается новая грань таланта Йенсена, яркими красками способного изобразить народную душу, «простую, темную, инстинктивную, со всеми особенностями ее национального склада»⁴⁶⁴.

Также благосклонно принял этот сборник и критик С. З-он, отметивший «глубокое, полное солнца, жизни и красок мирозерцание»⁴⁶⁵ автора. Рецензент кратко попытался очертить двойственность миропонимания Йенсена, наметившуюся в этих рассказах: стремление к «слиянию со стихиями и космосом» и невозможность существовать без «современной цивилизации, с ее миллионами проволок и рельс, с шумом больших городов и их психологией»⁴⁶⁶.

Однако многие критики отвергли мифологизм Йенсена, явившийся в этом сборнике, и в целом не приняли его творчество. Так, другой рецензент Е.М. увидел в герое этой книги «человеконенавистника»⁴⁶⁷, без причины ушедшего от людей. Помещенные в этом же номере газеты «Московские ведомости» рецензии

---

⁴⁶² Веселовский Ю. Рец. на Йоганнес Иенсен. С. 5.

⁴⁶³ Петровская Н. Рец. на IV сборник «Фиорды»: Датский, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Изд. т-ва Маркс, Петербург // Утро России. 1911. № 64. 19 марта. С. 7.

⁴⁶⁴ Петровская Н. Рец. на IV сборник «Фиорды». С. 7.

⁴⁶⁵ З-он С. Рец. на Юганнес В. Иенсен. 1) Интермеццо. Леса. Пер. Е. Барсовой, под ред. Я. Сегал. 2) Ютландские рассказы. Мифы. Перевод В. Рудиной и Т. Высоцкой, под ред. Я. Сегал. Изд. В.М. Саблина, 1911 г. // Утро России. 1912. № 126. 2 июня. С. 5.

⁴⁶⁶ З-он С. Рец. на Юганнес В. Иенсен. С. 5.

⁴⁶⁷ Е.М. Рец. на Йоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Под редакцией Я. Сегал. Т. VIII. Ютландские рассказы. Мифы. Пер. В. Рудиной и Т. Высоцкой. Издание В.М. Саблина. 173 стр. М. 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3.

Е.М. на книгу «Интермеццо. Леса»⁴⁶⁸ и «Экзотические новеллы»⁴⁶⁹ Йенсена также демонстрируют полное непонимание творчества этого автора, стремившегося отойти от традиционной манеры повествования: «Описания то и дело прерываются, сменяются новыми и оставляют впечатление чего-то неоконченного»⁴⁷⁰.

Впрямую негативных рецензий на творчество Йенсена появлялось мало, но часто отзывы сопровождалась замечаниями критиков о том, что произведения им непонятны. В основном же русские рецензенты в 1911-1912 гг. (когда заканчивалось издание собрания сочинений) приветствовали новые работы датского писателя. Так, роман «Колесо» был назван анонимным критиком «удивительно интересной вещью»⁴⁷¹, а Л.Е. Владимирову сборник Йенсена «Новый свет» показался «собранием довольно интересных статей»⁴⁷² (следует отметить, что такое определение не позволяет оценить отзыв как абсолютно положительный).

И все же при множестве разнородных откликов на произведения Йенсена не было опубликовано ни одной резко отрицательной рецензии, что говорит о том, что датский писатель был близок русской читающей публике и его талант не могли затмить ни некачественные переводы, ни в хаотичном порядке издаваемые произведения. Однако именно непродуманное издание романов и рассказов Йенсена объясняет не совсем верное восприятие его произведений в России. Если датчане сразу смогли почувствовать, что писателя больше всего занимает эволюционная концепция развития человечества, которую он раскрывает в своих произведениях, то русский читатель восстановить всю запечатленную писателем картину не мог. Именно поэтому появлялись рецензии, оценивающие его

---

⁴⁶⁸ Е.М. Рец. на Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Под редакцией Я. Сегал. Т. VI. Интермеццо. Леса. Перев. Е. Барсовой. Издание В.М. Саблина. 222 стр. М. 1911 г. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3.

⁴⁶⁹ Е.М. Рец. на Иоганнес Иенсен. Экзотические новеллы. 218 стр. Издание В.М. Саблина. 222 стр. М. 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3-4.

⁴⁷⁰ Е.М. Рец. на Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Под редакцией Я. Сегал. Т. VI. С. 3.

⁴⁷¹ Рец. на: Иенсен И. Колесо. Собр. соч. Т. III. Изд. В.М. Саблина. М. 1911 г. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1911. № 34. С. 134.

⁴⁷² Владимиров Л.Е. Рец. на Иоганнес Иенсен. Новый свет. М. 1912 г. Изд. Саблина // Утро России. 1912. № 102. 5 мая. С. 7.

мифологические романы как бытоописательные, что, однако, не мешало критикам благосклонно анализировать текст этого оригинального и не похожего на других писателя.

Своеобразным подведением итогов и обобщением высказываний русской критики о творчестве Йенсена следует считать рецензию Ю. Веселовского, посвященную разбору завершающих его собрание сочинений томов. Благодаря большому объему материала, а он обратился к произведениям, помещенным в 5-9 томах, критик смог сравнить работы писателя и выявить некоторые закономерности. Он указал на достоинства его произведений («талантливая передача малознакомой и чуждой для нас жизни», «богатство мотивов»⁴⁷³ и т.д.), а также зафиксировал недостатки, до этого не отмечавшиеся: «отсутствие цельности», «пестрота и смешение разнородных взглядов, симпатий и художественных идеалов»⁴⁷⁴. Кроме того, на взгляд Ю. Веселовского в собрание сочинений попало немало произведений, которые можно было бы и не переводить, поскольку он счел их нехарактерными для творчества Йенсена. После 1912 г. количество рецензий, как и публикаций Йенсена в России, ослабевает, поэтому статью Ю. Веселовского о творчестве датского писателя следует считать самым авторитетным отзывом о его творчестве в начале XX в.

Одной из причин популярности Йенсена в России можно считать действительно существующую общность тематики и проблематики его творчества с произведениями русских авторов. Так, его «Химмерландские рассказы», создающие мифологизированный образ жизни датских крестьян, не могли не быть близки русским писателям, обращавшимся к теме деревни и также искавшим мифологические основы народной жизни. Создание Йенсеном собственной мифологии и критериев эволюционного отбора в формировании лучшего человека не могло не быть близким неомифологическому сознанию Серебряного века, в частности, мифу о Новом Адаме или концепции Человекобожества, реализованной в мифологии обожествления коллективных

---

⁴⁷³ Веселовский Ю. Рец. на: Йенсен Иог. Собр. соч. Т. V, VI, VII, VIII, IX. Издание В.М. Саблина. М. 1911-1912. Ц. каждого тома 1 р. // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 1. С. 11.

⁴⁷⁴ Веселовский Ю. Рец. на: Йенсен Иог. С. 11.

потенций и творческого начала в богостроительстве М. Горького, А.В. Луначарского, А.А. Богданова. К сожалению, именно такого рода сопоставительных работ и не появилось в критике и литературоведении того времени, не слишком расположенных к сопоставительному анализу. Роман Йенсена «Ледник, миф о новом человеке», описывающий становление первобытного общества, можно было бы сравнить с романами В.Г. Тана-Богораза о жизни первобытных людей «Восемь племен» (1902) и «Жертвы дракона» (1909). Даже экзотические новеллы Йенсена (о далеких странах – Америке, Китае, Вьетнаме и т.д.) были близки по духу русским читателям. Для северянина Йенсена эти страны были так же далеки и непостижимы, как и для жителя России. Интересно, что именно к началу 1910-х гг. относится расцвет творчества А.С. Грина, прославившегося именно благодаря экзотизму своих рассказов и новелл. Экзотические импульсы прозы Н.С. Гумилева также могли бы стать основой для сопоставления.

Однако после 1912 г. произведения Йенсена в России постепенно перестают издаваться, и к 1917 г. интерес к его творчеству заметно падает. Во многом это можно объяснить угасанием популярности скандинавской литературы в целом. Однако после событий 1917 г. Йенсен, в отличие от многих других датских авторов, не был забыт, многие его произведения в 1920-е гг. были переизданы с новыми объемными предисловиями, а также переводились и его новые творения. Не последнюю роль в такой популярности произведений датчанина в СССР сыграла его личная дружба с М. Горьким. Йенсен переписывался с русским писателем, рассказывал, например, о своем путешествии по Дальнему Востоку⁴⁷⁵, поздравлял его с юбилеем. Также известно, что Горький в «Заметках о детских книгах и играх» рекомендовал роман датского автора «Ледник» для чтения детям старшего школьного возраста⁴⁷⁶. И в библиотеке русского писателя было

---

⁴⁷⁵ «В 1913 году я ехал через Россию из Китая. Дочь железнодорожного сторожа вышла к поезду в своем незамысловатом одеянии, протягивая свернутый зеленый флаг; ветер развевал ее белокурые волосы, они били ей в лицо, - я думал: спрыгнуть с поезда, остаться с ней, сделаться русским, держать флаг, сигнализируя поездам, и никуда больше не ехать. Зачем ехать? Здесь то, чего жаждет весь мир и чего не может найти природа!» (пер. Г.В. Шаткова) (Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Т. 8 Архива А.М. Горького. М.: АН СССР, 1960. С. 219-220).

⁴⁷⁶ Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933-1936. М., 1953. С. 520.

несколько книжек Йенсена, что свидетельствует об интересе Горького к нему («Гиммерландские рассказы», 1919; «Ледник: Мифы о ледниковом периоде и первом человеке», 1922)⁴⁷⁷.

В 1930-е гг. издание Йенсена прекращается, и его возвращение в Россию состоялось в 1950-1960-е гг., когда его произведения стали включаться в разнообразные сборники скандинавских литератур. К этому времени относятся и первые русские исследовательские работы о творчестве писателя. Новый бум публикаций Йенсена пришелся на конец 1980-х гг., когда было переиздано большинство значимых романов писателя. Среди литературоведов, посвятивших себя изучению творческого наследия Йенсена можно назвать И.П. Куприянову⁴⁷⁸, А.В. Сергеева⁴⁷⁹, А.А. Салтыкова⁴⁸⁰ и др.

Критика начала XX в. только приступила к осмыслению творчества Йенсена. Из-за недостаточности информации, непоследовательности публикаций, отсутствия комментариев и переводов статей, посвященных этому автору на родине, а также из-за того, что почти все произведения Йенсена в России были опубликованы на протяжении всего трех лет, русские рецензенты не смогли уловить все грани творческого наследия датского писателя. Однако несмотря на то, что ими в основном были отмечены лишь внешние эффектные моменты в повествовании и оригинальные сюжетные ходы, они все же смогли почувствовать силу писательского дарования и попытались объяснить неожиданный феномен. Во многом именно благодаря достижениям русской критики начала XX в. в 1920-х гг. были написаны уже подробные и обстоятельные предисловия, в которых приводились и факты биографии, и хронология творческого пути⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁷ Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. В двух книгах. Кн. первая. М.: Наука, 1981. С. 124.

⁴⁷⁸ Например, Куприянова И.П. Культурно-историческая концепция Йоханнеса Йенсена (эпопея «Долгий путь») // Скандинавская филология. Scandinavica. V Межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 126-135.

⁴⁷⁹ Например, Сергеев А.В. Реализм и миф в творчестве Й. В. Йенсена // Йенсен Й. В. Избранные произведения. М., 2000. С. 465-477.

⁴⁸⁰ Например, Салтыков А.А. «Мифы» Й.В. Йенсена – новый жанр малой прозы в датской литературе? // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. 10. Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 197-203.

⁴⁸¹ Например, Пинкевич А.П. Предисловие // Йенсен Йоганнес В. Ледник. Мифы о ледниковом периоде и первом человеке. Пер. А.В. Ганзен, под ред. Б.П. Сильверсвана. Пб.: Всемирная литература, 1922. С. 5-30; Ганзен А.

Таким образом, критика 1910-х гг. частично смогла приблизиться к пониманию творчества Йенсена, «настоящего волшебника, познавшего силу природы»⁴⁸² (как о нем написал шведский поэт Артур Лундквист).

§ 3. Характеристика произведений Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена в русской критике 1900-х гг.

Некоторые датские авторы, достаточно известные на родине, после нескольких не слишком успешных, не ставших заметными публикаций в России, переставали издаваться, и отечественная критика очень быстро забывала про них. В качестве примера в предлагаемой работе будут рассмотрены произведения Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена и реакция рецензентов на них. Представляется интересным выявить причины, по которым при одинаковом успешном «старте» (публикация в известных российских изданиях, изначальное внимание критиков) некоторые датские авторы оказывались не востребованными русским литературным сообществом.

§ 3.1. Оценка русской критикой произведений О. Рунга

На родине, в Дании, Отто Рунг (Otto Rung) (1874-1945) заслуженно считается одним из самых заметных представителей реалистического направления в литературе. Писатель активно разрабатывал тему связи и противоборства машины и человека. Его интересовало описание конкретной ситуации и создание психологических портретов, и он считал, что для этого не нужен усложненный занимательный сюжет. Для него главным было запечатлеть саму жизнь. По мотивам его произведений в 1910-е гг. было снято более 10 фильмов, он получил множество датских литературных премий. На родине он по праву считался одним из самых успешных и перспективных авторов.

Поначалу он мечтал о карьере юриста, для чего окончил университет и даже некоторое время проработал в адвокатской конторе. Но и став знаменитым писателем, Рунг не прекратил свою профессиональную деятельность и до 1932 г. работал секретарем в Верховном суде Копенгагена. Рассматриваемые дела

Предисловие // Йенсен И. Гиммерландские рассказы. Вып. 25 (Всемирная литература). Петербург: Всемирная литература, 1919. С. 5-21.

⁴⁸² Лундквист А. Йоханнес В. Йенсен // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 307.

нередко становились основой его произведений. Сам писатель признавался, что ради этого он и продолжал работать юристом. Датские читатели ценили его произведения за галерею узнаваемых копенгагенских типов, каждый из которых мастерски был им запечатлен.

Рунг начал свою писательскую карьеру позднее, чем его знаменитые соотечественники. В 1902 г. появился его роман «Неизбежное» (“Det uafvendelige”). Почти сразу же он был признан на родине и достаточно скоро стал переводиться в Европе, например, в Германии и России. Но первые публикации Рунга в России остались практически незамеченными. В 1907 г. в журнале «Русский богатырь» (№ 6) появился его рассказ «Погоня за рекордом»⁴⁸³ (“Rekordfeber”, 1906), на который не последовало никаких откликов в прессе. Во многом это объясняется абсолютным отсутствием информации об авторе, так как текст не сопровождался комментариями или предисловием, даже не было указания, с какого языка был осуществлен перевод. Однако сам рассказ заслуживал внимания читающей публики, т. к. уже в нем проявились почти все характерные для творчества Рунга черты: внимание к отдельным сценам при отсутствии их связи между собой, яркие психологические портреты главных персонажей. И – главное – машина как лейтмотив и движущая сила повествования. Возможно, сам этот момент был достаточно непривычен для русского сознания, которое сконцентрирует на нем внимание позднее. Кроме того, сам орган печати, в котором рассказ появился, не принадлежал к числу популярных.

В том же 1907 г. в журнале «Современный мир» была опубликована новелла Рунга «Последняя борьба»⁴⁸⁴ (“Den sidste Kamp”, 1904). Несмотря на известность и популярность издания, эта публикация также не вызвала откликов в прессе, во многом это можно объяснить тем, что в предтекстовой сноске было указано, что перевод Э.К. Пименовой осуществлялся с немецкого языка, и это вместе с незнакомой фамилией создавало впечатление, что читателю опять явлено

---

⁴⁸³ Рунг О. Погоня за рекордом // Русский богатырь. 1907. № 6. С. 34-52.

⁴⁸⁴ Рунг О. Последняя борьба // Современный мир. 1907. № 4-6.

нечто второстепенное из Германии, литература которой достаточно обильно печаталась на страницах русских газет и журналов. Поэтому публика вполне могла проигнорировать новеллу признанного в Дании, но никому не известного в России писателя.

После этой публикации издатели несколько лет не решались печатать новые произведения Рунга, однако яркость первых опубликованных произведений, а также положительные отклики в иностранной печати все же убедили их в необходимости представить публике этого автора. И в 1911-1912 гг. появляются рассказы «Хирург» (“Kirurgen”, 1905), «Авиатор Жаккелен» (“Flyvren Jaquelin”, 1908), новеллы «Белая яхта» (“Den hvide Yacht”, 1906), «В Мальтузианне» (“Malthusia Land”, 1909). Эти произведения объединяет стремление Рунга постичь тайну взаимоотношений человека и машины: очень часто сюжет его произведений сводится к тому, что механизм губит все живое, однако главные герои почти всегда до последнего момента остаются влюблены в бездушное железо. Эти тексты заслужили краткие одобрительные отклики в русской печати. И наконец в них, помимо фамилии автора и названия произведения, иногда указывалась его национальность. Однако большей информации российский читатель из этих обзоров получить не мог.

Изменить ситуацию с известностью Рунга в России решили в издательстве «Современные проблемы», заключив договор с датчанином на публикацию его полного собрания сочинений на русском языке (на датском языке к 1912 г. оно включало девять романов и новелл, а также множество рассказов). В первый том попал один из известнейших на родине романов Рунга «Вереница теней» (“Skyggernes tog”, 1909) и уже ранее опубликованный рассказ «Погоня за рекордом».

В романе, в основу которого положен принцип отдельных новелл, связанных общими героями, представлены судьбы разных людей, борющихся за получение наследства умершего друга. По сюжету каждый из персонажей должен рассказать о своих достижениях в жизни, чтобы получить деньги. Как это часто бывает в творчестве этого писателя, развитие действия отодвинуто на второй план, а

важным для него оказывается создание «вереницы теней», т. е. образов различных людей современного деградирующего общества, каждый из которых оттеняет себе подобного.

Роману предшествовало предисловие самого автора, написанное специально для русского издания, а также статья почитаемого в Европе и России датского критика Г. Брандеса. Во введении сам Рунг дает краткую характеристику своего творчества и пытается объяснить обилие образов машин на страницах своих произведений. «Если я часто черпаю свой материал из области современного технического мира, – пишет он, – то это происходит <...> потому, что величественные лаборатории нашего времени дают нам в руки самые тонкие инструменты для наблюдения <...> человеческой психики»⁴⁸⁵. Так возникала неразрывная связь механизма и человека, которую он и исследовал.

Важно, что и Георг Брандес в предлагаемом русском читателям введении очень благосклонно отозвался о молодом писателе, указав, что «он поэт и мыслитель, искатель и открыватель, оригинальный, сильный и тонкий»⁴⁸⁶. Датский критик кратко очертил творческий путь Рунга, дал характеристику и тем произведениям, которые на русский язык переведены не были, и тем самым помог русскому читателю в постижении эволюции творческой манеры автора. Так, например, критик считал роман «Неизбежное», с которым Рунг дебютировал на родине, «хорошим эпизодом, но не больше»⁴⁸⁷. Статья Брандеса была интересна читателям еще и потому, что, помимо характеристики романа «Вереница теней», критик обсудил и уже изданную новеллу «Белая яхта» («замечательная попытка для выражения внутреннего, крайне богатого фантазией мира автора»⁴⁸⁸). Структура статьи датского критика такова, что уже она сама подводит читателей к выводу о том, что роман «Вереница теней» является лучшим среди написанных

---

⁴⁸⁵ Рунг О. Предисловие автора к русскому переводу // Рунг О. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. С. 6.

⁴⁸⁶ Брандес Г. Отто Рунг // Рунг О. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. С. 7.

⁴⁸⁷ Брандес Г. Отто Рунг. С. 9.

⁴⁸⁸ Брандес Г. Отто Рунг. С. 11.

произведений Рунга: «фантастическая интерпретация»⁴⁸⁹, «произведение без изъянов, глубокое и совершенно оригинальное»⁴⁹⁰. Эти характеристики объясняют, какое место отводится датскому писателю в современной литературе.

Таким образом, в этом издании «Вереницы теней» было все, что должно было обеспечить известность и популярность Отто Рунга в России: предисловие автора, вступительная статья прославленного критика, достойное в художественном отношении произведение. Однако русская критика встретила роман «Вереница теней» достаточно прохладно. Во многих обзорах этот роман упоминается как новинка без дополнительного анализа или с замечанием о том, что это произведение можно было бы и оставить непереведенным. Лишь «Новый журнал для всех» обнаружил некоторые его достоинства: «занимательная фабула», «сжатый и острый анализ», «удивительное проникновение в человеческую психику». После таких слов не удивляет и вывод: «шедевр молодого автора»⁴⁹¹. Однако этот благосклонный отзыв завершается замечанием, оттолкнувшим от романа многих рецензентов: перевод «ужасающе плох. Мало того, что он не литературен – местами он поражает совершенной безграмотностью»⁴⁹². И именно проблеме перевода (что действительно было очень важно!), а не разбору романа «Вереница теней» посвящает свою статью известный критик А. Левинсон. «Прочтение данного перевода, – пишет он, – не дает мне никакого права судить об оригинале»⁴⁹³. Данные замечания могут показаться удивительными, так как в подзаголовке книги было сказано, что в ней представлен единственный авторизованный (одобренный автором) перевод. Однако в действительности в начале XX в. на российском книжном рынке нередкой была ситуация, когда подобное указание было лишь формальностью, позволявшей увеличить объемы

---

⁴⁸⁹ Брандес Г. Отто Рунг. С. 12.

⁴⁹⁰ Брандес Г. Отто Рунг. С. 7.

⁴⁹¹ Рец. на: Отто Рунг. Вереница теней. Собр. сочин. Т. 1. С предисл. автора и вступит. статьей Георга Брандеса. Автор перев. А. Липшиц. Кн-во «Современные проблемы». М., 1912 г. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1911. № 37. С. 144-145.

⁴⁹² Рец. на: Отто Рунг. Вереница теней. Собр. сочин. Т. 1. С. 145.

⁴⁹³ Левинсон А. Рец. на: Отто Рунг. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. К-во «Современные проблемы». Москва, 1912 г. // Современный мир. 1912. № 2. С. 337.

продаж. К сожалению, именно в таком некачественном переводе («забаррикадированное лицо»⁴⁹⁴, «свесив на грудь смертельно усталые лица»⁴⁹⁵ и т. д.) и был издан Рунг, что, несомненно, сыграло отрицательную роль в его «русской судьбе».

Многие критики вторили первым негативным отзывам о переводе, практически не касались содержания самого романа, и это предопределило судьбу сочинений Рунга в России. После 1912 г. было напечатано лишь несколько небольших рассказов в журналах, издание собрания сочинений было прервано, а сам писатель остался в памяти критиков как автор одного неудачно переведенного романа. Ситуацию не спасли статьи иностранных критиков, отмечавших талант Рунга. Так, например, Эмма Герценштейн, анализируя основные мотивы современной западноевропейской литературы, в своей классификации ставит произведения этого датчанина в один ряд с работами Т. Манна, К. Гамсуна, Ж.-К. Гюисманса, А. Стриндберга, О. Уайлда⁴⁹⁶ и др. Также издательство «Современные проблемы» поместило другую рецензию Брандеса о «Веренице теней» в одной из своих книг, чтобы увеличить продажи. В этой статье датский критик еще раз характеризует это произведение как замечательное, называя его «одной из наиболее глубокомысленных, художественных и прекрасных книг новейшей датской литературы»⁴⁹⁷. Однако все усилия издателей оказались тщетными, репутация Рунга была безнадежно испорчена некачественным переводом, и больше до 1917 г. его новые произведения не издавались на русском языке.

Следует отметить, что после революции было издано несколько произведений Рунга. Так, был вновь напечатан отдельным изданием рассказ

---

⁴⁹⁴ Рунг О. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. С. 149.

⁴⁹⁵ Рунг О. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. С. 241.

⁴⁹⁶ Герценштейн Э. Мятёжные и мятущиеся (мотивы современной западноевропейской литературы) // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 11. С. 511.

⁴⁹⁷ Брандес Г. Рец. на: Вереница теней. Отто Рунг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. Критический очерк. М.: Современные проблемы, 1912. С. 54.

«Хирург»⁴⁹⁸, а также переведено его новое произведение – роман «В тисках жизни»⁴⁹⁹ (“Livet farligt”, 1927). Однако после этого его имя стало полностью забыто русскими читателями.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить следующие тенденции в русской литературе начала XX в.: несмотря на то что все условия для успеха датского писателя были соблюдены (были опубликовано авторское предисловие, вступительная статья известнейшего критика, сам Рунг был талантливым и знаменитым во многих странах, русская публика уже могла познакомиться с другими его работами), это произведение, как и все собрание сочинений, ожидал провал, т.к. был представлен его некачественный перевод. Русская критика оказалась слишком «разборчивой» и, не полагаясь слепо на мнение европейских коллег, вынесла суровый «приговор» русской версии романа Отто Рунга «Вереница теней», которая, в общем-то, имела мало общего с первоисточником.

§ 3.2. Восприятие творческих исканий Й. Йоргенсена в России начала XX в.

Йоханнес Йоргенсен (Johannes Jørgensen) (1866-1956) прославился в Дании как первый последовательный сторонник декаданса, поэт и писатель, прививавший традиции символизма на скандинавской почве.

В его творчестве датские исследователи выделяют несколько периодов. В первом из них Йоргенсен в романной форме описывает собственные переживания, касающиеся его переезда из маленького городка в Копенгаген, когда суровая жизнь постоянно травмировала чувствительного и замкнутого юношу. И его шесть символистских романов (1888-1897) посвящены этой борьбе слабого героя с мощным городом, обрисованным как демоническое существо. Этот период можно назвать подражательным. Так, критики находили у него узнаваемые черты произведений И.С. Тургенева, Ш. Бодлера, Й.П. Якобсена и других. При этом Йоргенсен уже в начале своего пути стремился

---

⁴⁹⁸ Рунг О. Хирург. М.: Жизнь и знание, 1924. 42 с.

⁴⁹⁹ Рунг О. В тисках жизни. Л.: Мысль, 1927. 216 с.

противопоставить себя Г. Брандесу и его сторонникам, настаивая, что «мировоззрение непременно должно быть мистическим»⁵⁰⁰.

Второй период творчества Йоргенсена связан с поэзией. Постепенно от тяжелых, пронизанных чувством угнетенности стихотворений молодой автор переходит к более светлым и радостным картинам, где природа помогает лирическому герою очиститься от внешних тягот. Подобное преображение было связано с изменениями в жизни самого Йоргенсена – в 1896 г. он перешел в католическую веру, которая и принесла ему успокоение и уверенность в собственных силах.

Постепенно вера все больше начинает определять мировоззрение художника, и он становится все более и более религиозным писателем. В современном европейском литературоведении этот автор чаще всего упоминается благодаря своему духовному творчеству – жизнеописанию святых («Святой Франциск Ассизский», 1907; «Святая Катарина Сиенская», 1915 и др.), гимнам и т.д.

Русские читатели смогли познакомиться со всеми периодами творчества Йоргенсена и даже почти в том хронологическом порядке, в котором они публиковались на родине писателя.

Первое появление Йоргенсена в русской печати состоялось в 1909 г. в шестой книге «Фиордов», которая была названа по произведению именно этого датского автора – «Перед лицом смерти». В этом рассказе подробно и достоверно передаются последние переживания умирающего человека. В критике, которая не могла оставить без внимания любое произведение, появлявшееся в авторитетном сборнике скандинавской литературы, сразу же возникли ассоциации с повестью Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». При этом рецензенты отмечали, что от подобного сравнения рассказ датчанина («опытного и глубоко чувствующего автора», как было написано в одной из рецензий) не проигрывает, напротив, в нем увидели «характерный образчик оригинального и интересного творчества»⁵⁰¹.

---

⁵⁰⁰ Йоргенсен Й. О символизме // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 53.

⁵⁰¹ Рец. на: «Перед лицом смерти». Сборник 6. // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб.: А.Ф. Маркс, 1909. С. 305.

Однако после нескольких одобрительных рецензий интерес к этому произведению начал угасать, и русские издатели в течение нескольких лет не обращались к его творчеству. Одним из тех, кто попытался изменить подобную ситуацию, был не слишком известный поэт и переводчик Анатолий Павлович Доброхотов, публиковавший в русских журналах («Вестник Европы», «Образование») переводы стихотворений Йоргенсена. Поэзия датского автора по своему содержанию была близка русским поэтам рубежа веков и, казалось, не могла не заинтересовать читающую публику. При этом важно, что он сам стремился установить прямые контактные связи с Россией, так, читатели Дании узнали о русских символистах (Йоргенсен перевел один из сборников К. Бальмонта).

Доброхотов был разносторонним человеком: он не всегда занимался переводческой деятельностью. Окончив юридический факультет, он работал помощником адвоката (даже выпустил брошюру об «экономическом» методе ведения защиты⁵⁰²), попробовал себя как литературный критик (издал разгромную статью о «бесконечно далеких от печати таланта» произведениях Л. Андреева⁵⁰³), однако с 1900 г. он начал писать стихи и переводить поэтические тексты. А. Доброхотов исполнял роль своеобразного «просветителя» в литературе, переводя неизвестных в России авторов, в сноске к названию кратко указывая информацию о поэте. Так, благодаря этому переводчику в России появились новые переводы стихотворных работ немцев Георга Гервега («Жрец свободы»), Рихарда Демеля («Рабочий»), норвежца Сигбьорна Обстфельдера («Ева») и др. Он сделал доступными русскому читателю и произведения Йоргенсена (с 1909 г.⁵⁰⁴). Переводы стихотворений датского автора сохраняют своеобразие оригинала, его образность, что позволяет по достоинству оценить творчество датчанина. Однако Доброхотов часто весьма вольно обращался с первоисточником. Так, он обычно указывал, что представленное произведение – например, «Из Йоргенсена», т.е.

---

⁵⁰² Доброхотов А. Рутиня наших уголовных защитников (Заметка начинающего адвоката) // М.: Типо-литография администрации И.И. Пашкова, 1901. 16 с.

⁵⁰³ Доброхотов А. Карьера Леонида Андреева (Этюд о популярности, арлекинах и толпе). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 32 с.

⁵⁰⁴ В 1909 году в журнале «Образование» появляется стихотворение Доброхотова «Настроение от звезд (Из Йоргенсена)» (Образование. 1909. № 5. С. 80).

осуществлял вольный перевод или даже переложение. В связи с этим некоторые идеи из оригинальных работ искажались. Например, в стихотворении «Настроение от звезд. Из Йоргенсена» верно переданы основные мотивы одноименного произведения датского автора («Ходит ласковых звезд легион, // Те же самые звезды сверкали // Ассирийским могучим вождям»), однако последняя строка («О, моя мировая печаль»⁵⁰⁵), которой не было в тексте датчанина, своей прямолинейностью резко снижает общее впечатление от стихотворения.

Другое стихотворение Йоргенсена в адаптации Доброхотова появилось в журнале «Вестник Европы» в 1912 г. В сноске была дана краткая информация об основных датах в жизни датского автора. Данный перевод следует признать творческой удачей переводчика, которому удалось передать ритм и основные мотивы оригинального стихотворения («Пан»): «Тоскливый гул в горах», «Тоска, печаль со всех сторон»⁵⁰⁶. Однако при этом в последней строфе стихотворения присутствует неудачный речевой оборот, который вызывает едва ли не комическое впечатление: «Рыдает хмурый океан могучим *языком*»⁵⁰⁷ [курсив мой. – А.Л.].

И все же усилия Доброхотова оказались не напрасными. Благодаря его адаптационным переводам, а также растущей популярности Йоргенсена в Дании, русские издатели обратили на него внимание, и в 1914 г. русский читатель смог познакомиться и с религиозным аспектом творчества Йоргенсена – издательством «Зеленая палочка» была опубликована его автобиографическая исповедальная повесть «Мой путь». Анонимный рецензент, поместивший свою статью перед произведением, подчеркнул важность проблем, рассматриваемых в книге («самые насущные вопросы человеческой жизни»⁵⁰⁸). Однако этот аспект творчества Йоргенсена не возбудил должного интереса у русских критиков. Возможно, причиной подобного игнорирования религиозной тематики, которая в целом была важна для русской литературы, стала несвоевременность появления этого произведения. Опубликованное в начале Первой мировой войны, оно явно не

---

⁵⁰⁵ Доброхотов А. Настроение от звезд (Из Йоргенсена) // Доброхотов А. Песни воли и тоски. 1900-1912 (За 12 лет). М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 193.

⁵⁰⁶ Доброхотов А. Пан. Из Йоганна Йоргенсена // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 166.

⁵⁰⁷ Доброхотов А. Пан. Из Йоганна Йоргенсена. С. 166.

⁵⁰⁸ Йоргенсен И. Мой путь (исповедь). Пер. с дат. М.: Зеленая лампочка, 1914. С. 4.

соответствовало меняющимся интересам читающей публики. Эта повесть оказалась последним произведением Йоргенсена, опубликованным до 1917 г.

Таким образом, несмотря на появление в авторитетном сборнике скандинавской литературы, переводчика, стремившегося популяризировать стихотворения Йоргенсена, он не смог завоевать популярность среди русских читателей. Во многом подобная ситуация сложилась из-за запоздалого появления его работ в России: в 1910-е гг., когда основная масса его стихотворных и прозаических произведений стала переводиться на русский язык, символизм перестал быть ведущим направлением, и поэтому датский автор мог показаться «устарелым». Кроме того, историческое время предъявило новые запросы художникам, на которые Йоргенсен в то время не был готов отвечать.

После революции работы Йоргенсена были забыты (во многом, безусловно, из-за религиозной составляющей), а интерес к его творчеству среди литературоведов возобновился лишь в конце 1980-х гг., когда к творчеству этого датского автора обратился А.В. Сергеев⁵⁰⁹.

Выводы

В третьей главе было проанализировано восприятие творчества Хенрика Понтопидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена в России. Эти писатели, прославившиеся в Дании и за ее пределами, по разным причинам не получили должного признания в отечественной критике. В данной главе, благодаря проведенному анализу были выявлены разнообразные причины неуспешности этих авторов в русской печати: некачественные переводы, хаотичность и спонтанность публикаций, отсутствие должной информации.

Так, Понтопидан остался в памяти отечественных критиков лишь благодаря своему роману «Счастливчик Пер», после которого другие его произведения почти не были восприняты так же, как и его ранние сочинения. Подобная ситуация сложилась из-за того, что русские читатели не обладали достаточной информацией об этом

---

⁵⁰⁹ Сергеев А.В. Йоханнес Йоргенсен и проблема датского символизма // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 1. С. 49-57.

авторе, не осознавали его места в иерархии датских писателей, а без дополнительных комментариев его творчество не могло быть воспринято в полной мере.

Йенсен активно переводился в России начала XX в., однако почти все его произведения были опубликованы в течение нескольких лет, что привело к некоторой «перегрузке» восприятия. Также из-за бессистемности публикаций русские читатели не смогли адекватно воспринять оригинальность его эволюционной теории, в разной степени составлявшей фундамент всех его произведений. Также не всегда адекватные переводы не отвечали глубинному смыслу прозы Йенсена, что делало его экзотические описания лишь воспроизведением быта и житейских коллизий.

Судьбу произведений Рунга в России буквально разрушил один некачественный перевод его романа «Вереница теней». Из-за этого было прекращено издание его собраний сочинений, а само произведение даже не получило отклика у критиков, поскольку они погрузились в разбор слов и выражений, возникших в тексте некачественного перевода. Поэтому автор, потенциально интересный русским читателям (темы противоборства и единения человека и машины, яркая прорисовка образов и характеров), оказался исключенным из сферы внимания отечественной критики и печати.

Йоргенсена же «подвела» нерасторопность российских издателей. Его произведения появились в России тогда, когда символизм, являющийся стержнем творчества датского автора, перестал быть ведущим направлением в русской литературе. Поэтому те произведения, которые могли бы стать сенсацией за несколько лет до этого, в начале 1910-х гг. вызвали сдержанную реакцию.

Таким образом, популярность и авторитет датских писателей на родине и в некоторых европейских странах не могли служить гарантией их известности в другой стране, тем более такой самобытной, как Россия. Издатели обращали внимание на прославленных писателей, однако нередко их первая русская публикация могла стать последней из-за ряда внелитературных факторов, которые и были выявлены в данной главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Датская литература начала XX в. в лице ее выдающихся представителей – Германа Банга, Карин Михаэлис, Хенрика Понтоппидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена – оказалась достаточно благосклонно принятой русскими читателями и издателями. Всего за несколько лет были опубликованы многотомные собрания сочинений наиболее выдающихся писателей Дании, их произведения появлялись в специальных сборниках, выходили отдельные книги, которые нередко сопровождались вступительными статьями или заметками о творчестве авторов.

Немалую роль во всем этом сыграла русская литературная критика начала XX в., которая не осталась безучастной к «буму» скандинавской литературы и датской в частности. Многие знаменитые авторы в своих статьях предлагали свою интерпретацию произведений писателей Севера. Немалое внимание привлекла именно датская литература. Был предпринят специальный проект, нацеленный на публикацию произведений скандинавских авторов – издание «Северных сборников» и «Фиордов». Он сумел продержаться с 1907 по 1913 гг., что демонстрировало немалый интерес к этим произведениям. Некоторые критики остались равнодушными или даже недовольными произведениями датчан (И. Новикова и некоторые анонимные рецензенты), однако большая часть приветствовала датский «прорыв». Среди принявших произведения датчан (с некоторой долей справедливых замечаний) можно назвать таких принадлежавших к разным литературным лагерям критиков, как Е. Колтоновская, Ю. Веселовский, А. Койранский, Л. Василевский и др.). Также были и неопределившиеся рецензенты, которые в зависимости от литературной ситуации текущего дня по-разному могли оценивать творчество одного и того же автора (ярким примером подобных критических выступлений могут служить статьи А. Левинсона). Таким образом, датская литература начала XX в. была не просто известна в России, она являлась одной из наиболее обсуждаемых тем на страницах отечественных журналов и газет. Вместе с тем, при ее оценке и характеристике сглаживались

внутрицеховые противоречия, анализ практически не отражал эстетической позиции критика, который в этом случае обычно руководствовался своим вкусом и чутьем.

Следует отметить, что при первом знакомстве с датской литературой русская критика не вполне справлялась с ее интерпретацией, поэтому, для того чтобы обеспечить читателей хоть какой-нибудь информацией об авторе, издатели обращались к статьям иностранных критиков. Удачным примером демонстрации европейского взгляда на датскую литературу можно считать характеристику, данную датчанином А. Маделунгом Бангу и Йенсену в статьях, которые были опубликованы в журнале «Весы». В них критик выделил основные черты их творчества, а также представил основные произведения писателей, т.е. в его рецензиях все необходимые сведения были учтены, ибо до его статей русский читатель почти ничего не знал о творчестве этих авторов. Часто издатели для дополнительной рекламы того или иного автора публиковали статьи и письма Г. Брандеса, авторитетного датского критика, о нем. Однако нередко издательства, чтобы сэкономить на гонорарах критикам, просто переводили уже готовые статьи или переписывали ранее изданные, что иногда приводило к казусам: рецензия иностранного автора, избранная издателем в качестве предисловия, повествовала обо всем, кроме произведения, которому она предшествовала в русском издании, или в статье могли без комментариев приводиться факты, которые непосвященному читателю в России могли быть мало понятны, а в некоторых статьях об умершем недавно авторе писалось как о ныне здравствующем.

Однако даже и не слишком удачные переводные статьи оказывались полезными для отечественной критики, которая после первого недоумения от соприкосновения с незнакомым произведением смогла «перестроиться» и сформировать свое собственное мнение. В диссертационном исследовании были выделены следующие этапы восприятия русской критикой работ датских авторов в начале XX в.:

1) период «недоумения». Это было время проникновения на книжный рынок датской литературной продукции. Столкнувшись с новыми произведениями, о которых в первое время было крайне мало информации, критики не спешили высказывать свое мнение о прочитанном, либо превращая свои статьи в набор общих фраз, либо даже игнорируя появившиеся книги. Этот период характеризуется обилием переводных статей;

2) период «восторга». Постепенно возникает вторая волна «бума» скандинавской литературы, когда почти каждое скандинавское произведение, появлявшееся в России, неизменно сопровождается откликами. Этот период позволил многим датским авторам «войти» в русское культурное пространство, так как благодаря общей увлеченности северными литературами издатели активно печатали представителей скандинавских стран;

3) период «объективных оценок». Перед русскими критиками возникла важная задача выстроить иерархию появившихся за последнее время произведений, провести «переоценку ценностей». Был сформирован «пантеон» датских авторов, хотя в этот период произведения даже признанных писателей Дании могли заслужить резкие критические отзывы;

4) период «охлаждения», когда скандинавский «бум» в России постепенно заканчивается, ибо почти все значительные произведения датской литературы оказались переведенными. Возникает тенденция к переизданию уже появлявшихся на русском языке работ, статей критиков о датских авторах становится все меньше, а некоторые из писателей, оставшись без поддержки, так и не вызывают интереса у публики, издание их собраний сочинений «замораживается».

В диссертационном исследовании эти этапы были выделены благодаря анализу откликов на таких датских авторов, как Банг, Михаэлис, Понтоппидан, Йенсен, Рунг и Йоргенсен.

Герман Банг заслужил прозвище «датский Чехов» в Дании, Европе и России не только благодаря краткости своих рассказов и вниманию к теме «маленького человека», в его произведениях воссоздавались мельчайшие оттенки настроений его персонажей, а сочетание реализма и импрессионизма вписывало его

творчество в русло поисков русской литературы начала XX в. Поэтому датский писатель русскими критиками и издателями того времени был сразу выделен из числа своих собратьев по перу. Почти сразу после первых публикаций в России (не без помощи иностранных рецензий) он был замечен, и его сочинения стали активно издаваться. Даже если некоторые критики не могли понять замысел или стиль изложения датского автора, они, тем не менее, отдавали должное его мастерству слова и передаче психологических состояний героев лишь с помощью косвенных средств. При этом многие критики не «отделялись» общими словами, а подробно характеризовали творчество этого блистательного, однако сложного для интерпретации писателя. Благодаря им русские читатели обогащались новым видением его творчества, которое иногда было даже глубже, чем замечания, высказанные в статьях иностранных рецензентов.

Банг и русская словесность активно взаимодействовали друг с другом не только на уровне рецепции в литературно-критических статьях русских критиков. Сам датский автор не раз отмечал, что писатели России помогли ему сформироваться как полноценному автору, а также то, что именно они способствовали его пониманию русской культуры. Именно этим и объясняется появление образов русских в его прозе, в которой поражает почти документальное воспроизведение сложных российских реалий и пристальное внимание к загадочному русскому характеру.

Банг стремился поддерживать знакомство с русскими писателями, которые не только обогащали его знаниями о России, но и которым он и сам активно помогал (например, О. Дымову). Также датский автор оказался интересен непосредственно и творцам русского искусства (В. Мейерхольду и Тэффи), которые воспользовались мотивами его произведений при создании своих опусов. Однако анализ откликов на приезд писателя в Москву свидетельствует, что Банг не встретил в России того приема, которого он, безусловно, заслуживал и вправе был ожидать. Лишь в газетных заметках о его лекциях, а впоследствии и некрологах русские журналисты попытались отдать ему должное.

Карин Михаэлис, признанный во всем мире мастер изображения женской психологии, заслужила славу и в России. Ее произведения вызвали массу разнообразных откликов, они никого не оставили равнодушными. Именно русские критики отметили богатство форм повествования, к которым прибегала писательница для наиболее достоверного изображения психологии героини. Некоторые русские писатели оказались под непосредственным влиянием творчества этой писательницы. Поиск «аналогий» позволил выявить несколько произведений, которые могли быть написаны после знакомства с этим автором (работы О. Дымова, С. Найденова, Е. Нагородской).

Не всем датским писателям, несмотря на их признание в Европе, удавалось заслужить преимущественно одобрительные отзывы русской критики о своих произведениях. Рецензенты на рубеже 1900-1910-х гг. всячески стремились продемонстрировать свою независимость от западных «стандартов» в оценке литературных работ.

Так, Хенрик Понтоппидан в России стал знаменит благодаря роману «Счастличик Пер». Но ни до, ни после публикации этого удивительного произведения он уже не удостоивался подобного пристального внимания. Этот писатель, чье творчество в том или ином аспекте затрагивало темы веры и безверия и который во многих аспектах был близок к исканиям некоторых писателей Серебряного века, так и остался в сознании русского читателя как автор одного нравоописательного произведения, не создавший больше ничего значительного. И это в то время, когда европейцы после гибели Банга именно Понтоппидану отвели роль ведущего писателя Дании.

Творчество Йоханнеса Йенсена было более чем благосклонно встречено отечественными критиками. Однако нагнетание интереса вокруг имени писателя, а также обилие восторженных статей о его работах привело к своеобразной информационной «перенасыщенности», и постепенно произведения датчанина перестали обсуждаться вообще.

Отто Рунг и Йоханнес Йоргенсен, несмотря на их безусловное признание в Дании, не смогли занять достойную их нишу в отечественном «пантеоне»

современных писателей, несмотря на то что издательства, переводчики и рецензенты всеми силами стремились доказать привлекательность их работ.

Были выделены факторы литературной и внелитературной сфер, которые препятствовали включению иностранных, а не только датских авторов в русское художественное сознание. Такими же знаменитыми, какими они были на родине, некоторые писатели не смогли стать потому, что:

- 1) существовал недостаток информации или ее искажение (например, русскому читателю было неизвестно, что Йоргенсен активно интересовался русской ветвью символизма; именно благодаря ему в Дании были опубликованы переводы некоторых стихотворений К. Бальмонта; возможно, информация о данном факте способствовала бы росту интереса к творчеству датчанина в России);
- 2) книги появлялись не вовремя, т.е. когда \или проблематика, или авторская манера не соответствовала ведущим тенденциям русского литературного процесса (так, например, творчество символиста Йоргенсена появилось в России тогда, когда интерес к этому направлению уже, по сути, угас);
- 3) имели место завышенные ожидания, сформированные в статьях и рецензиях о творчестве того или иного автора (так, Рунг был излишне «перехвален» в печати, что частично и обусловило «прохладный прием», оказанный ему в России);
- 4) переводы поручались неквалифицированным исполнителям. Качество переводов вообще было «больным местом» иностранной литературы. Нередко переводы искажали смысл фраз, меняли названия и даже структуру произведения, что, безусловно, не позволяло адекватно воспринимать текст. Иногда переводы делались вообще не с языка оригинала. В таком случае критики просто игнорировали содержание, обсуждая в статье лишь качество перевода. Читателей же, естественно, плохо переведенный текст просто отталкивал от чтения, что произошло, например, с романом «Вереница теней» Рунга.

Таким образом, популярность и авторитет датских писателей на родине и в некоторых европейских странах не могли служить гарантией их известности в

России. Издатели обращали внимание на прославленных писателей, однако нередко первая русская публикация их произведения могла стать последней из-за ряда вышеназванных факторов.

Следовательно, можно констатировать, что русская критика начала XX в. оказалась весьма восприимчивой к датской литературе и культуре. Те особенности творческой манеры письма датчан, которые были понятны европейским критикам без дополнительных комментариев, отечественным рецензентам нередко приходилось открывать для себя и читателей заново (из-за недостатка информации, а также не всегда достойного качества переводов). И несмотря на это, русская критика оказалась способной по достоинству оценить многие произведения датских литераторов, выстроить свой (не зависимый от европейских оценок) пантеон писателей, высказать свежие мысли о прочитанном. Конечно, в первую очередь ее интересовали сенсационные произведения («Опасный возраст» К. Михаэлис) или то, что имело русский аналог («датский Чехов» – Г. Банг), однако и в тех случаях, когда не имелось прямых «совпадений» русская критика по большей части смогла произнести свое вполне весомое суждение. И можно даже сказать, что русская критика, занимавшаяся оценкой датской литературы, росла и становилась более зрелой благодаря обращению к данному материалу, формировалась целая плеяда критиков, делавших изучение межнациональных литературных связей своей узкой специализацией.

Многие аспекты лишь упомянуты в диссертации, и они еще ждут своих исследователей. Так, за пределами работы осталась развернутая характеристика восприятия датской литературы в советское и настоящее время, хотя некоторые указания на это в диссертации имеются. Перспективной представляется и тема взаимоотношений Горького с датскими писателями (так, в диссертации была упомянута его восторженная реакция на некоторые произведения Михаэлис, переписка с Йенсенем). Кроме того, в диссертации были рассмотрены наиболее известные на родине и в Европе датские писатели, однако существуют и те, например, Карл Эвальд, чье творчество в интерпретации русской критикой осталось за пределами настоящей работы потому, что большая их часть произведений – сочинения для детей (сказки, притчи, рассказы о природе). А

исследование пласта детского сегмента литературы в России начала XX в. требовало иных методологических оснований и поэтому не входило в задачи данного диссертационного исследования.

Однако даже проделанная работа помогла осветить находившиеся прежде в тени проблемы. Ее двунаправленность способствовала прояснению как особенностей датской литературы, выявлению точек соприкосновения двух европейских культур, так и обнаружению ранее не разработанных пластов русской критической мысли. Более того, данная работа нацелена на активизацию самого процесса публикации в России тех произведений датской литературы, которые в свое время не получили адекватного перевода на русский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Банг Г. Зовы властные... // Утро России. 1911. № 258. 9 ноября. С. 2.
2. Банг Г. Ирена Гольм // Банг Г. Избранные новеллы. Пер. с дат. Я. Сегал. М.: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и Ко, 1910. С. 105-119.
3. Банг Г. Ирена Хольм / Пер. А. Койранского // Банг Г. Фрэкен Кайя. Жизнь и смерть. Пер. А. Койранского и А. Владимировой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1911. С. 105-124.
4. Банг Г. Мисс Эллинор // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 27-39.
5. Банг Г. Слава // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 219-223.
6. Банг Г. Сон в летнюю ночь // Рассказы для чтения в наших скорых поездах. СПб.: Энергия, 1904. С. 1-9.
7. Банг Г. Тине // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 130-255.
8. Банг Г. У дороги // Скандинавские повести / Сост. Ю. Яхнина. М.: Правда, 1982. С. 17-142.
9. Банг Г. Франц Пандер // Современный мир. 1909. № 1. С. 183-196.
10. Банг Г. Четыре беса // Северные сборники издательства «Шиповник». [С критико-биограф. очерками Теодора Вольфа, Оскара Левертина, А. Куприна и др.]. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 146-220.
11. Банг Г. Шарло Дюпон // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. унт-та, 1986. С. 293-320.
12. Доброхотов А. Карьера Леонида Андреева (Этюд о популярности, арлекинах и толпе). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 32 с.
13. Доброхотов А. Настроение от звезд // Образование. 1909. № 5. С. 80.
14. Доброхотов А. Пан. Из Иоганна Йоргенсена // Вестник Европы. 1912. № 10. С. 166.

15. Доброхотов А. Песни воли и тоски. 1900-1912 (За 12 лет). М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 336 с.
16. Доброхотов А. Рутиня наших уголовных защитников (Заметка начинающего адвоката) // М.: Типо-литография администрации И.И. Пашкова, 1901. 16 с.
17. Д'Эрвильи Э. Приключения доисторического мальчика. СПб.: О.Н. Попова, 1898. 191 с.
18. Йенсен Й. Исчезнувшие леса // Весы. Ежемесячник искусств и литературы. 1909. № 2. С. 39-43.
19. Йоргенсен Й. Мой путь (исповедь). Пер. с дат. М.: Зеленая лампочка, 1914. 172 с.
20. Криницкий М. Михаэлис // Криницкий М. Собр. соч. Т. 6. Душа женщины [и другие рассказы]. М.: Московское книгоиздательство, 1917. 213 с.
21. Михаэлис К. Девочка // Фиорды: датские, норвежские, шведские писатели в пер. А. и П. Ганзен. Сб. 1. Наше царство. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1910. С. 197-266.
22. Михаэлис К. Девочка с пальчик. Харьков: Космос, [1927]. 150 с.
23. Михаэлис К. Дочь священника // Новый журнал для всех. 1916. № 7-8. С. 85-96.
24. Михаэлис К. Женщина в опасном возрасте / Пер. И. Вайсблита. Киев: Ф. Йогансон, 1911. 162 с.
25. Михаэлис К. Иванова ночь. М.: Заря, 1912. 111 с.
26. Михаэлис К. Йенс Гиммельрейх // Новый журнал для всех. 1912. № 11. С. 41-56.
27. Михаэлис К. Книга о любви. М.: Универсальная библиотека, 1915. 183 с.
28. Михаэлис К. Книга о любви. [5-е изд.]. М.: Универс. б-ка, 1918. 183 с.
29. Михаэлис К. Мамочка. Пер. с дат. А. и П. Ганзен. М.: Польза, [1911]. 89 с.
30. Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. 327 с.
31. Михаэлис К. Нильсина-мать : [Роман] / Karin Michaelis. Мор; Пер. с датск. под ред. М.А. Полиевктовой. М.: Журн.-газ. объединение, 1938. 200 с.
32. Михаэлис К. Опасный возраст // Огонек. 1910. № 4. С. 58-183.

33. Михаэлис К. Опасный возраст // Фиорды: датские, норвежские, шведские писатели в пер. А. и П. Ганзен. Сб. 7. Опасный возраст. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1910. С. 89-190.
34. Михаэлис К. Опасный возраст. Дневник и письма / Пер. с дат. Р.М. Маркович. СПб.: С.-Петербур. кн. экспедиция, 1911. 164 с.
35. Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печ. слово, [1911]. 52 с.
36. Михаэлис К. Опасный возраст. (Отрывки из дневника и письма) / Пер. З.Н. Журавской. СПб.: Тип. Спб. т-ва "Труд", 1913. 128 с.
37. Михаэлис К. Опасный возраст. Письма и страницы из дневника / Пер. с дат. Е. Рудневой. М.: Польза, [1913]. 118 с.
38. Михаэлис К. Опасный возраст: Повесть. Харьков: Космос, [1927]. 176 с.
39. Михаэлис К. Письма сестры // Новая жизнь. 1911. № 7. С. 88-103.
40. Михаэлис К. Школа радости. // Библиотека нового воспитания и образования / Под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 58-59. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915-1916. 52 с. (вып. 58), 99 с. (вып. 59).
41. Михаэлис С. 1812: Вечный сон. М.: Польза, 1912. 264 с.
42. Мейерхольд Вс. Короли воздуха и Дама из ложи. Мелодрама для театров, типа парижского Grand Guignol, по рассказу датчанина Германа Банга "Die vier teufel" Вс. Мейерхольда. М.: Театр. б-ка М.А. Соколовой, 1909. 31 с.
43. Нагродская Е.А. Аня; Чистая любовь; Он; За самоваром. СПб.: Тип. т-ва "Обществ. польза", [1911]. 2-е изд. 192 с.
44. Найденов С. Роман тети Ани: Пьеса в 4 действиях. СПб.: Театр и искусство, [1912]. 53 с.
45. Понтоппидан Х. Полет орла // Запросы жизни. 1912. № 28. С.45-60.
46. Понтоппидан Х. Смерть главы. Из деревенских рассказов // Литературные вечера. 1902. № 8. С. 45-64.
47. Понтоппидан Г. Счастливчик Пер: Роман: в 2 т. / Пер. с дат. С. Фридлянд. Киев: Орион, 1993. 512 с. (т. 1); 480 с. (т. 2).

48. Рони-Старший. Борьба за огонь : Доисторический роман в 3 частях с предисловием автора и вступительной статьей М.Ц. Пуансо / Авторизованный перевод с рукописи друзей. СПб.: М.И. Семенов, 1911. 216 с.
49. Рунг О. В тисках жизни. Л.: Мысль, 1927. 216 с.
50. Рунг О. Погоня за рекордом // Русский богатырь. 1907. № 6. С. 34-52.
51. Рунг О. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. 264 с.
52. Рунг О. Хирург. М.: Жизнь и знание, 1924. 42 с.
53. Сборник «Фиорды». Датские, норвежские и шведские писатели. Сборник 7. «Опасный возраст». СПб., 1909. 296 с.
54. Тэффи. Страшный прыжок // Тэффи. Юмористические рассказы. Кн. 1. СПб.: Шиповник, 1910. С. 142-149.
55. Эдель Э. Опасный возраст. Мужчина в 50 лет. Ответ на книгу Карин Михаэлис «Женщина в опасном возрасте». Киев-Петербург-Одесса: Южно-русское книгоиздательство. Ф.А. Иорганской, 1912. 128 с.

2. ДАТСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

56. Банг Г. Густав аф-Гейерстам // Густав аф-Гейерстам. Собрание сочинений. Т. 3. Голова медузы. М.: Современные проблемы, 1909. С. 3-4.
57. Банг Г. Из письма Эрику Скраму // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 48-49.
58. Банг Г. Несколько замечаний о технике // Писатели Скандинавии о литературе: сборник статей / Сост. К.Е. Мурадян. М.: Радуга, 1982. С. 44-47.
59. Банг Г. Предисловие // Банг Г. Из папки. Пер. А. Владимировой. Собр. соч. Т. VIII. М.: Издание В.М. Саблина, 1911. С. 3.
60. Банг Г. Предисловие // Йонас Ли. Собр. соч. Т.1 Брак. Роман. М.: Книгоиздательство «Звезда», 1909. С. 5-11.
61. Банг Г. Предисловие // Северные сборники издательства «Шиповник». Книга 1. СПб.: Шиповник, 1907. С. 141-145.

62. Банг Г. Предисловие автора к русскому изданию // Банг Г. Без родины. М.: Польза, 1911. С. 3-5.
63. Банг Г. Шаляпин // Утро России. 1911. № 280. 6 декабря. С. 2.
64. Брандес Г. Герман Банг // Критический альманах. Книга 1. М.: Заря, 1909. С. 125-129.
65. Брандес Г. Отто Рунг // Рунг О. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. С. 7-12.
66. Брандес Г. Предисловие // Понтоппидан Х. Собр. соч. Т.1. Счастливчик Пер. СПб.: Самообразование, 1913. С. X-XII.
67. Брандес Г. Рец. на: Вереница теней. Отто Рунг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. Критический очерк. М.: Современные проблемы, 1912. С. 54.
68. Йенсен К.Э. Генрик Понтоппидан // Понтоппидан Х. Молодая любовь. Идиллия. М.: Польза, 1908. С. 3-8.
69. Йоргенсен Й. О символизме // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 50-53.
70. Рунг О. Предисловие автора к русскому переводу // Рунг О. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. М.: Современные проблемы, 1912. С. 5-6.

3. СТАТЬИ РУССКИХ КРИТИКОВ О ДАТСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

71. Анкета среди читательниц «Огонька» // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М.: Книжник, 1911. С. 170.
72. Бразоль Б.Л. Северные сборники // Бразоль Б.Л. Критические грани. СПб.: Родник, 1910. С. 161-171.
73. Брик Е. Рец. на: Герман Банг. Белый дом. Перевод Я. Сегал. Издание В.М. Саблина. Москва. 1908 // Образование. 1909. № 3. С. 74-75.

- 74.Василевский Л. Герман Банг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 12-15.
- 75.В.Ю. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том седьмой. М. 1912 г. Ц. 1 р. // Русские ведомости. 1912. № 19. 24 янв. С. 6.
- 76.В.Ю. Рец. на: Герман Банг. Полное собрание сочинений, том IX: «На пути». М., 1912. Кн-во «Современные проблемы». Ц. 1 руб. // Русские ведомости. 1912. № 176. 31 июля. С. 5.
- 77.Веселовский Ю. Рец. на: Банг Герман. Полн. собр. соч. Т. 1. «Погибшие мечты». Роман. М. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к. // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 18. С. 517.
- 78.Веселовский Ю. Рец. на: Иенсен Иог. Собр. соч. Т. V, VI, VII, VIII, IX. Издание В.М. Саблина. М. 1911-1912. Ц. каждого тома 1 р. // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 1. С. 11-12.
- 79.Веселовский Ю. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Том 1. Падение короля. Том 2. Мадам д'Ора. М. 1911. Ц. каждого тома 1 р. // Русские ведомости. 1911. № 129. 7 июня. С. 5.
- 80.Владимиров Л.Е. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Новый свет. М. 1912 г. Изд. Саблина // Утро России. 1912. № 102. 5 мая. С. 7.
- 81.Веселовский Ю. Рец. на: Карин Михаэлис «Опасный возраст». Отрывки из дневника и письма. Пер. З.Н. Журавской. М., 1911. Кн-во «Энергия». Ц. 85 коп. // Русские ведомости. 1911. № 106. 10 мая. С. 5.
- 82.Веселовский Ю. Рец. на: Карин Михаэлис. Книга о любви. М. 1913. Книгоиздательство «Польза». Ц. 75 коп. // Русские ведомости. 1913. № 226. 2 окт. С. 6.
- 83.Веселовский Ю. Рец. на: Понтоппидан Х. Счастливец Пер // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 19. С. 496.
- 84.Веселовский Ю. Фиорды. Сборник VIII. СПб., 1911. Ц. 1 р. 25 к. // Русские ведомости. 1911. № 280. 6 декабря. С. 7.
- 85.Владимиров Л.Е. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Новый свет. М. 1912 г. Изд. Саблина // Утро России. 1912. № 102. 5 мая. С. 7.

- 86.Ганзен А. Предисловие // Иенсен И. Гиммерландские рассказы. Вып. 25 (Всемирная литература). Пб.: Всемирная литература, 1919. С. 5-21.
- 87.Герман Банг в Москве // Утро России. 1911. № 280. 6 декабря. С. 5.
- 88.Герман Банг (Некролог) // Русские ведомости. 1912. № 15. 19 января. С. 6.
- 89.Герценштейн Э. Мятыежные и мятущиеся (мотивы современной западноевропейской литературы) // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 11. С. 509-513.
- 90.Гофман В. Рец. на: Герман Банг. Роман сестры милосердия. Собрание сочинений, т. VI. Перевод М. Лавровой. К-во «Современные проблемы». Москва, 1910. Ц. 1 р. 25 к. // Новая жизнь. 1911. № 7. С. 269-271.
- 91.Гофман В. Рец. на: Фиорды. Сборник первый. Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Издание товарищества А.Ф. Маркс. С-Петербург. Цена 1 рубль. 335 страниц // Современный мир. 1909. № 10. С. 129-130.
- 92.Даманская А. Карин Михаэлис // Михаэлис К. Опасный возраст. Варшава: Печатное слово, [1911]. С. VIII.
- 93.Датский романист в Москве // Московские ведомости. 1911. № 280. 7 декабря. С. 3.
- 94.Дымов О. Памяти Германа Банга // Солнце России. 1912. № 5 (104) . С. 10-11.
- 95.Е.М. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Под редакцией Я. Сегал. Т. VI. Интермеццо. Леса. Перев. Е. Барсовой. Издание В.М. Саблина. 222 стр. М. 1911 г. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3.
- 96.Е.М. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Собрание сочинений. Под редакцией Я. Сегал. Т. VIII. Ютландские рассказы. Мифы. Пер. В. Рудиной и Т. Высоцкой. Издание В.М. Саблина. 173 стр. М. 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3.
- 97.Е.М. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Экзотические новеллы. 218 стр. Издание В.М. Саблина. 222 стр. М. 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 296. 25 декабря. С. 3-4.

- 98.3-он С. Рец. на: Юганнес В. Иенсен. 1) Интермеццо. Леса. Пер. Е. Барсовой, под ред. Я. Сегал. 2) Ютландские рассказы. Мифы. Перевод В. Рудиной и Т. Высоцкой, под ред. Я. Сегал. Изд. В.М. Саблина, 1911 г. // Утро России. 1912. № 126. 2 июня. С. 5.
- 99.И.Л. Фиорды. Сборник 8-й. Натянутые струны. Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Издание т-ва А.Ф. Маркс. 311 стр. СПб., 1911. Ц. 1 р. 25 коп. // Московские ведомости. 1911. № 278. 4 декабря. С. 4.
100. Иващенко А. Герман Банг (из личных впечатлений) // Путь. 1912. № 5. С. 86-88.
101. Из отзывов иностранной печати // Банг Г. Собр. соч. Т. 1 Его превосходительство (Серый дом). М.: Современное творчество, 1909. С. 217.
102. Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1913. № 201. 31 августа. С. 3.
103. Кадмин Н. Рец. на: Герман Банг. Из папки. Рассказы. Москва, изд. В.М. Саблина. 1911 г. Ц. 1 р. // Новая жизнь. 1911. №13 (декабрь). С. 283-284.
104. Карин Михаэлис о своем романе // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М.: Книжник, 1911. С. 163.
105. Коган П. Европейская литература 1911 г. // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб.: Изд-е редакции газеты «Речь», 1912. С.450-458.
106. Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т.2. Эльзи Линднер. М.: В.И. Знаменский и К, 1911. С. III-VI.
107. Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т. 3. Рахиль. Пер. Л.С. Перхуровой. М.: В.И. Знаменский и К, 1911. С.3-4.
108. Коган П. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т. 4. Альма. Пер. Г. Виллиама. М.: В.И. Знаменский и К, 1912. [С. 0].
109. Койранский А. Герман Банг // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 16-19.
110. Колтоновская Е. Молодая Скандинавия (по поводу «Северных сборников») // Колтоновская Е. Новая жизнь. Критические статьи. Изд. 2-е. СПб.: Самообразование, 1911. С. 221-231.

111. Колтоновская Е. Рец. на: Г. Банг «Четыре черта в «Северных сборниках», кн. 1 // Колтоновская Е. Критические статьи. Изд. 2-е. СПб.: Самообразование, 1911. С. 230-231.
112. Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 1. СПб., 1907 // Образование. 1907. № 10. С. 79-80.
113. Колтоновская Е. Северные сборники. Кн. 2, 3. СПб., 1907 // Образование. 1908. № 1. С. 147.
114. Колтоновская Е. Скандинавские модернисты // Образование. 1909. № 3. С. 40-44.
115. Кончина Германа Банга // Русские ведомости. 1912. № 15. 19 января. С. 4.
116. Кратов А. Рец. на: Хенрик Понтопидан. Обетованная земля. Роман. Перевод М.П. Благовещенской. Часть I, стр. 243, цена 1 р. Часть II и III, стр. 373, цена 1 р. 50 к. СПб., 1913 // Заветы. 1913. № 1. С. 174-175.
117. Л. Евг. Северные сборники издательства «Шиповник». Книга первая. 1907 // Современный мир. 1907. № 10. С. 75.
118. Левинсон А. Герман Банг. Критический очерк // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 23-51.
119. Левинсон А. Герман Банг. Критический очерк // Левинсон А. Поэт безнадежных поколений. М.: Современные проблемы, 1912. С. 23-51.
120. Левинсон А. Предисловие // Банг Г. Четыре дьявола. [М.]: Печатник, [1925?]. С. 5-10.
121. Левинсон А. Рец. на: Герман Банг. «Без родины» (Собрание сочинений, т. X). Перевод М. Розенфельд. Издание В.М. Саблина. Москва, 1911 год. Стр. 385. Ц. 1 р. // Современный мир. 1912. № 3. С. 331-332.
122. Левинсон А. Рец. на: Отто Рунг. Полное собрание сочинений. Т. 1. Вереница теней. Роман. Погоня за рекордом. Рассказ. Предисловие автора к русскому изданию и со вступительной статьей Георга Брандеса. Единственный разрешенный автором перевод с датского А. Липшиц. К-во «Современные проблемы». Москва, 1912 г. // Современный мир. 1912. № 2. С. 336-337.

123. Лиров М. Датский роман из русской жизни // Киевская мысль. 1914. № 8. 8 января. С. 8.
124. Лопатин Н. Опасный возраст // Утро России. 1911. № 69. 25 марта. С. 2.
125. М-ч Р. Рец. на: Герман Банг. Herman Bang – Ludwigshöhe. Roman einer Kinderpflegerin. Berlin, 1908 (S. Fischer) // Образование. 1908. № 8. С. 87-90.
126. Маделунг А. Herman Bang. Mikaël. Nordisk Forlag. Köbenhavn-Kristiania, 1904 // Весы. 1904. № 8. С. 57.
127. Маделунг А. Johannes Jensen. Madame d'Ora. Nordisk Forlag. Köbenhavn og Kristiania. 1904 // Весы. 1904. № 5. С. 51.
128. Мускатблит Ф. Предисловие // Михаэлис К. Собр. соч. Т. 1. Опасный возраст / Пер. с датского под ред. и с предисловием Ф. Мускатблита. М.: Заря, 1911. С. I-IV.
129. Н. Герман Банг. Полное собрание сочинений. Том VII. Роман больничной сиделки. Изд. В.М. Саблина. 345 стр. М., 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1911. № 280. 7 декабря. С. 4.
130. Н.Л. Рец. на: Понтоппидан Х. Счастливчик Пер // Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 19. С. 497.
131. Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Т. VIII. Из папки. Перевод. А. Владимировой. Издание В.М. Саблина. М., 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1911. № 264. 17 ноября. С. 4.
132. Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собрание сочинений. Том IX. Серый дом. Летние развлечения. Пер. Е. Барсовой и М. Розенфельд. Изд. В.М. Саблина. 338 стр. М., 1911. Ц. 1 руб. // Московские ведомости. 1911. № 262. 15 ноября. С. 4.
133. Н.Т. Рец. на: Герман Банг. Собр. соч. Т. X. Без родины. Пер. М. Розенфельд. Изд. В.М. Саблина. 385 стр. М. 1911. Ц. 1 р. // Московские ведомости. 1912. № 52. 3 марта. С. 4.
134. На чтении Банга // Русские ведомости. 1911. № 281. 7 декабря. С. 4.
135. Новикова М. Рец. на: Банг, Герман. Собр. соч. Роман сестры милосердия. Пер. М. Лавровой. К-во «Совр. пробл.». М., 1911 // Утро России. 1911. № 231. 8 октября. С. 5.

136. Новикова М. Карин Михаэлис. Собр. соч. Т. III. Рахиль, роман. Пер. Л.С. Перхуровой, предисловие П.С. Когана. Изд. к-ва «В.И. Знаменский и Ко». М., 1911. Ц. 1 р. // Утро России. 1911. № 290. 17 декабря. С. 5.
137. О повести К. Михаэлис // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 12-13. С. 363.
138. Опасный возраст. Женщина в 45 лет. Критика Карин Михаэлис и других авторов. СПб. [б.и.], 1912. 46 с.
139. «Опасный возраст» (Повесть К. Михаэлис) // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 11. С. 332-333.
140. Отзывы печати о книге Михаэлис в нашем издании // Михаэлис К. Девочка с пальчик. Пер. С.С. Нестеровой. М.: В.И. Знаменский и К., 1912. С. 3. [доп. стр.].
141. Петровская Н. Рец. на: Иоганнес Иенсен. Мадам д'Ора. Перевод с датского. Кн-во Саблина // Утро России. 1910. № 286. 30 октября. С. 4.
142. Петровская Н. Рец. на: IV сборник «Фиорды». Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен изд. т-ва Маркс // Утро России. 1911. № 64. 19 марта. С. 7.
143. Петровская Н. Рец. на: VII сборник «Фиорды». Опасный возраст. Издание т-ва Маркс. СПб., 1911 // Утро России. 1911. № 98. 30 апреля. С. 2.
144. Петровская Н. Рец. на: Герман Банг. Графиня Урнэ. К-во «Соврем. пробл.». М. 1911 г. Ц. 1 руб. // Утро России. 1911 № 157. 9 июля. С. 4.
145. Пинкевич А.П. Предисловие // Иенсен Иоганнес В. Ледник. Мифы о ледниковом периоде и первом человеке. Пер. А.В. Ганзен, под ред. Б.П. Сильверсвана. Пб.: Всемирная литература, 1922. С. 5-30
146. Поппенберг Ф. Герман Банг // Европейская литература в ее главных представителях. Северные писатели. Герман Банг – Кнут Гамсун – Густав Гейерстам. Критико-биографические очерки Ф. Поппенберга под ред. проф. Г. Брандеса с приложением образцов произведений. Пер. М.Н.Т. под ред. В.В. Битнера. СПб.: Вестник знания, 1907. С. 3-12.
147. Поппенберг Ф. Герман Банг // Банг Г. Четыре дьявола. СПб.: Издание акционерного общества типографского дела в Санкт-Петербурге, 1911. С. 3-20.

148. П-ч. Рец. на: Карин Михаэлис. Опасный возраст (Отрывки из дневника и писем). Книга I. СПб. 1913 г. // Утро. 1913. № 1923. 1 апреля. С. 4.
149. Рец. на: Банг Г. Собр. соч. Изд. В.М. Саблина // Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 5. С. 91-92.
150. Рец. на: Герман Банг. Эксцентрические новеллы. Перевод Н. Эфроса. Изд. В. Саблина. М. 1911. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1912. № 2. С. 122-123.
151. Рец. на: Иенсен И. Колесо. Собр. соч. Т.Ш. Изд. В.М. Саблина. М. 1911 г. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1911. № 34. С. 134.
152. Рец на: Иоганнес Иенсен «Ледник» // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб., 1909. С. 300.
153. Рец. на: Карин Михаэлис. Опасный возраст (Отрывки из дневника и письма). Пер. З.Н. Журавской. Кн-во «Энергия». М., 1911 г. Ц. 85 к. // Новый журнал для всех. 1911. № 30. С. 129-130.
154. Рец. на: Отто Рунг. Вереница теней. Собр. сочин. Т. 1. С предисл. автора и вступит. статьей Георга Брандеса. Автор перев. А. Липшиц. Кн-во «Современные проблемы». М., 1912 г. Ц. 1 р. // Новый журнал для всех. 1911. № 37. С. 144-145.
155. Рец. на: Первый сборник. Наше царство // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб.: А.Ф. Маркс, 1909. С. 299.
156. Рец. на: «Перед лицом смерти». Сборник 6. // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сборник 7. Опасный возраст. СПб.: А.Ф. Маркс, 1909. С. 305.
157. Рец. на: Понтоппидан Х. Счастливчик Пер // Понтоппидан Х. Собр. соч. Обетованная земля. Т.5. СПб., 1913. С. 1.
158. Рец. на: Фиорды. Сборник IX. Дитя Века. Изд. т-ва А.Ф. Маркс. СПб. Ц. 1 р. 25 к. // Новый журнал для всех. 1912. № 1. С. 131.
159. С. Герман Банг в Мосве // Русские ведомости. 1911. № 280. 6 декабря. С. 5.
160. Сегал Я. Предисловие // Банг Г. Таинственные рассказы. М.: Мысль, 1913. С. 3-7.

161. Сильверсван Б. Хенрик Понтоппидан (Вступительная статья) // Понтоппидан Х. Собр. соч. Т.1. Счастливец Пер. СПб.: Просвещение, 1913. С. V-IX.
162. Смелский Вл. Рец. на: Карин Михаэлис. Книга о любви. Пер. с датского М. Розенфельд. Кн-во «Полюза», В. Антик и Ко. М., 1913 г. Ц. 75 к. // День. 1913. № 243. 8 сентября. С. 3.
163. Соловьев И. Рец. на: Карин Михаэлис-Стангеланд. Школа радости. Пер. с датского М. Розенфельд. «Библиотека нового воспитания и образования», под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. CVIII. М., 1916. 99 стр. Ц. 75 к. // Русские ведомости. 1916. 28 декабря. № 299. С. 6.
164. Тальников Д. Женщина в «опасном возрасте» (Заметки читателя) // Одесские новости. 1911. № 8326. 23 января. С. 3-4.
165. Хин Р.М. о пребывании Германа Банга в Москве // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 4. С. 176-177.
166. Швейцер Ф. Скандинавское творчество новейшего времени. Этюды // Горн Ф.В. История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М.: К.Т. Солдатенков, 1894. С. 369-388.
167. Школа радости // Бюллетени литературы и жизни. 1915. № 21-22. С. 1182-1188.
168. Элиасберг А. О дешевых книгах // Весы. 1909. № 1. С. 101-104.
169. Rosenthal Tatjana. Karin Michaelis: „Das gefährliche Alter“ im Lichte der Psychoanalyse (1911). [Карин Михаэлис «Опасный возраст» в свете психоанализа]. Режим доступа. URL: <http://web.tiscali.it/tatianarosenthal/> (Дата обращения: 15.10.2013).

4. ИССЛЕДОВАНИЯ О ДАТСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

170. Апенко Е.Х. Банг // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. унт-та, 1986. С.481-482.
171. Бент М.И. «Индивидуальная духовная жизнь» в произведениях Германа Банга // Известия высших учебных заведений: Уральский регион. 2012. № 4. Режим доступа: <http://mark-bent.livejournal.com/> (Дата обращения: 06.05.2013).

172. Борген Ю. «Тине» Германа Банга – к столетию описываемых в романе событий // Борген Ю. Слова, живущие во времени. Статьи и эссе. Пер. с норв. М.: Радуга, 1988. С. 180-182.
173. Ерхов Б.А. Послесловие // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 517-527.
174. Коровин А.В. Особенности психологизма в новеллах Хермана Банга // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 10: Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 82-92.
175. Куприянова И. Воспоминания Хенрика Понтоппидана // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 143-155.
176. Куприянова И. Выдающийся датский прозаик // Понтоппидан Х. Счастливчик Пер. Роман / Перевод с дат. С. Фридлянд; послесловие И. Куприяновой. М.: Панорама, 1995. С. 671-685.
177. Куприянова И.П. Культурно-историческая концепция Йоханнеса Йенсена (эпопея «Долгий путь») // Скандинавская филология. Scandinavica. V Межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 126-135.
178. Куприянова И.П. Предисловие // Йенсен Й.В. Избранное. Л.: Художественная литература, 1989. С. 5-14.
179. Куприянова И. Хенрик Понтоппидан // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 128-142.
180. Крымова Н., Погодин А. Карин Михаэлис // Датская новелла XIX-XX веков. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 576-577.
181. Лундквист А. Йоханнес В. Йенсен // Писатели Скандинавии о литературе. М.: Наука, 1982. С. 303-307.
182. Михайлова М.В. Роман Карин Михаэлис "Опасный возраст": рецепция в России / А.А. Ляпина, М.В. Михайлова // Вестник Московского университета: Сер.9: Филология. 2013. № 2. С. 76-85.

183. Михайлова М.В. Россика Карин Михаэлис // Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68-79.
184. Неустроев В.П. Генрик Понтоппидан и его «Счастливчик Пер» // Понтоппидан Г. Счастливчик Пер: Роман / Пер. с дат. С. Фридлянд. Киев: Орион, 1993. С. 3-19.
185. Неустроев В.П. Герман Банг // Неустроев В.П. Литературные очерки и портреты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 169-192.
186. Неустроев В.П. Герман Банг и его творчество // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 3-21.
187. Орлова Г.К. Новый русский Андерсен // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 6. С. 163-166.
188. Орлова Г.К. Х.К. Андерсен в русской литературе конца XIX - начала XX века: восприятие, переводы, влияние: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.
189. Салтыков А.А. «Мифы» Й.В. Йенсена – новый жанр малой прозы в датской литературе? // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. 10. Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 197-203.
190. Сергеев А.В. Йоханнес Йоргенсен и проблема датского символизма // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 1. С. 49-57.
191. Сергеев А.В. Комментарии // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 471-478.
192. Сергеев А.В. Реализм и миф в творчестве Й.В. Йенсена // Гьеллеруп К. Мельница. Йенсен Й.В. Избранные произведения. М.: Панорама, 2000. С. 465-477.
193. Сергеев А.В. Романы Германа Банга 80-х годов XIX века: (К проблеме метода). Дисс. .... канд. филол. наук (10.01.05). М., 1976. 162 с.
194. Шарышкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Брандес Г. Русские впечатления. М.:ОГИ, 2002. С. 360-405.

195. Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Русские источники для истории зарубежных литератур: Сб. исследований и материалов / отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1980. С.184-232.
196. Шарыпкин Д.М. Георг Брандес и русская литература // Брандес Г. Русские впечатления. М.:ОГИ, 2002. С. 347-359.
197. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.
198. Эльяшевич Д. «Россию я очень-очень люблю...» // Нева. 1991. № 2. С. 202-205.
199. Bang Herman. Værker i Mindeudgave. Bd. 2. [Работы в памятном издании. Т. 2]. // Arkiv for Dansk Litteratur. [Архив датской литературы]. С. 344-357. Электронный ресурс. Режим доступа:
http://adl.dk/adl_pub/pg/cv/ShowPgImg.aspx?nnoc=adl_pub&p_udg_id=5&p_sidenr=344 (Дата обращения: 14.02.2014).
200. Dramaturgiske Penne tegninger. Herman Bang som teateressayist. En antologi. [Драматургические рисунки пером. Герман Банг как театральный критик. Антология]. Udgivet og kommenteret af Knud Arne Jürgensen. Odense: Syddansk Universitets Forlag, 2007. 452 s.
201. Handesten L. Johannes V. Jensen: liv og værk. [Йоханнес В. Йенсен: жизнь и творчество]. København: Gyldendal, 2000. 514 s.
202. Jürgensen K.A. Herman Bangs teaterkritik, -journalistik, -essayistik, -poesier, -aforismer og sceniske arbejder. [Театральная критика, журналистские, поэтические, сценические работы, эссе, афоризмы Германа Банга]. Электронный ресурс. Режим доступа:
http://www.kb.dk/da/publikationer/online/fund_og_forskning/download/herman_bang.pdf (Дата обращения: 3.11.2012).
203. Merete von Eyben. Den farlige liv. En bog om Karin Michaëlis. København: Tiderne Skifter, 2006. 227 s.
204. Mitchell P.M. Henrik Pontoppidan. Boston: Twayne Publishers. 1979. 158 p.
205. Nunnally T. About the author // Bang H. Katinka. Washington: Fjord Press, 1990.

206. Petersen T. Et menneske kommer derhen, hvor det vil. En mands liv - om forfatteren og journalisten Johannes Jørgensen. [Человек идет туда, куда хочет. Жизнь мужчины – о писателе и журналисте Йоханнесе Йоргенсене]. København: Bogforlaget Frydenlund, 2006. 564 s.

5. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

207. Абрамович Н.Я. Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половой вопрос. М.: Свободный путь, 1913. 116 с.

208. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. 447 с.

209. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 541 с.

210. Белинский В.Г. Сочинений Зенеиды Р-вой. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2730.shtml (Дата обращения: 04.01.2014).

211. Бит-Юнан Ю.Г. Рецепция произведений В.С. Гроссмана в советской журналистике 1930-1960-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 259 с.

212. Блок А. Литературные итоги 1907 года // Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. Проза 1903-1917. М.-Л.: Художественная литература, 1962. С. 209-232.

213. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Автобиография. Дневники. М.-Л.: Художественная литература, 1963. 544 с.

214. Бобровник Е.А. «Женский вопрос» в русской философии конца XVIII – начала XIX в.: Учебное пособие по дисциплине «История русской философии». Мурманск: Изд-во МГГУ, 2003. 40 с.

215. Брауде Л.Ю. Ганс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Х.К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука, 1983. С.328-332.

216. Брауде Л.Ю. Мирное завоевание: Скандинавская литература в России // Детская литература. 1994. № 2. С. 45-50.

217. Валерий Брюсов и его корреспонденты. В двух книгах. Т. 98. Кн. 2. М.: Наука, 1994. 635 с.

218. Василевский Л. Рец. на: Сельма Лагерлеф. Северные легенды и рассказы. М. 1905. Стр. 191. Ц. 1 руб. // Мир Божий. 1906. № 2. С. 96.

219. Василевский Л. Литейный театр. Русский «Guignol» // Речь. 1909. 16 янв. С. 5.
220. Василевский Л. Новинки Литейного театра // Речь. 1909. 14 марта. С. 7.
221. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Изд. 3-е. М.: URSS; Изд-во ЛКИ, 2008. 646 с.
222. Веселовский Ю. Рец. на: Йонас Ли. Роман. С предисловием Германа Банга. К-во «Звезда». Москва. 1909. 240 стр. Ц. 1 р. // Современный мир. 1909. № 5. С. 140-142.
223. Веселовский Ю. Шведская литература наших дней // Веселовский Ю. Литературные очерки. М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1910. С. 362-385.
224. Волков Н.Д. Мейерхольд: В 2 т. Т. 2: 1908-1917. М.; Л.: Academia, 1929. 493 с.
225. Воробьева Н.В. Женская проза 1980-2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 257 с.
226. Ганзен П. Трудовая помощь в скандинавских странах // Мир Божий. 1899. № 11. С. 7-12.
227. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. писатель, 1972. 262 с.
228. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 222 с.
229. Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44-53.
230. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.
231. Горький А.М. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М.: Художественная литература, 1959. 382 с.
232. Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933-1936. М.: Художественная литература, 1953. 589 с.
233. Девятков В. Деревенские беседы. Как крестьяне живут за границей. Вып. 1. Нижний Новгород: Тип. т-ва тружеников печ. дела, 1906. 17 с.

234. Дмитриева Л.П. Цикл детективных новелл Э.А. По и его рецепция в России в XIX – начале XX в.: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 202 с.
235. Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуаров и эпистолярного наследия: в 2 т. Т.2: В дружеском и творческом кругу Дымова / Сост. и коммент. В. Хазана. Иерусалим: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011. 566 с.
236. Жаров Б.С. Датско-русские связи в области культуры. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. 32 с.
237. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе: Избр. тр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 558 с.
238. Звенигородская Н.Э. Провинциальные сезоны Всеволода Мейерхольда. 1902-1905 гг. М.: Едиториал УРСС, 2004. 244 с.
239. Иванов Вяч. Вс. Блок и Стриндберг // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. М.: Наука, 1993. С. 402-417.
240. История зарубежной литературы XX века. 1917-1945: Учебник для студентов филол. фак. пед. ин-тов / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головаченко и др.; Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. 3-е изд, испр., доп. М.: Просвещение, 1984. 304 с.
241. История зарубежной литературы XX века (1917-1945): Учебник для филол. спец. ун-тов / Под ред. проф. Л.Г. Андреева. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1980. 392 с.
242. К-в А. Литейный театр // Театр и искусство. 1909. № 2. С. 29-30.
243. К-в А. Литейный театр Казанского // Театр и искусство. 1909. № 9. С. 161-162.
244. Казакова И. Критика и публицистика конца XIX - начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение (Русский феминистский журнал). 1995. № 3. С. 63-67.
245. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика учебник. СПб.: ИнЪязиздат, 2006. 535 с.

246. Клинг Д.О. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.
247. Колтоновская Е. Женские силуэты (Писательницы и артистки). СПб.: Просвещение, 1912. 240 с.
248. Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения 60-х годов. Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 225-252.
249. Краснова Е.В. Российско-датские литературные контакты на рубеже XIX-XX вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 232-238.
250. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1909. № 2. С. 36-38.
251. Куприянова И.П. Тургенев в Дании // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 224-231.
252. Купцова И.В. Женские типы Серебряного века // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции. Иваново. 15-16 сентября 2000 г. Ч. III. История, язык, культура. Иваново: Издат. центр «Юнона», 2000. С. 37-39.
253. Лаврова Е.Л. Женский лик Серебряного века. Горловка: Издательство ГГПИИЯ, 2009. 280 с.
254. Лебедева О.О. Критические отзывы современников Н.С. Гумилева об его основных поэтических сборниках (1905 - 1925 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 226 с.
255. Левин И. ГУЛаг и Запад // Континент. 2012. № 151. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2012/151/133.html> (Дата обращения: 17.03.2014).
256. Легри А. Литейный театр с г. Мейерхольдом // Биржевые ведомости (веч.). 1909. 20 февр. С. 5.
257. Лекарпентье Г. Поездка к датским крестьянам // Вестник знания. 1912. № 9. С. 3-4.
258. Литейный театр // Речь. 1909. 10 нояб. С. 5.

259. Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.
260. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. В двух книгах. Кн. первая. М.: Наука, 1981. 228 с.
261. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.
262. Люнье-По О.М. Парад. Театральные воспоминания и впечатления (фрагменты из книги) // Искусство режиссуры за рубежом. Первая половина XX века. Хрестоматия / Отв. ред. Л.И. Гительман. СПб.: Чистый лист, 2004. С. 68-78.
263. Мейерхольд В.Э. Лекции: 1918-1919 / Сост. О.М. Фельдман. М.: О.Г.И., 2001. 280 с.
264. Мейерхольд В.Э. Наследие. М.: ОГИ, 1998. 744 с.
265. Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896-1939. М.: Искусство, 1976. 464 с.
266. Мезенцева А.Н. Женская литература как феномен: генезис и эволюция. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cross-kprk.ru/documents/Виртуальные%20секции/2012/секция%20литературоведение/женская%20литература%20как%20феномен%20генезис%20и%20эволюция.doc> (Дата обращения: 02.12.2013).
267. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 854 с.
268. Михайлов А. Литейный театр // Слово. 1909. 21 февр. С. 5.
269. Михайлова М.В. «Бабы с пьесами...» в эпоху Modern // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. и коммент. М.В. Михайловой. СПб.: Гиперион, 2009.
270. Михайлова М.В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Преображение. М., 1996. № 4. С. 150–158.
271. Михайлова М.В. Женщины-драматурги Серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе. М.: РАН ИНИОН, 2010. С. 4-35.
272. Михайлова М.В. Отцы-пустынники и жены... Непорочны? // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 101–113.

273. Михайлова М.В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология. 2001. № 1. С.35- 43.
274. Михайлова М.В. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // *Intelligencja: tradicja i nowe czasy*. Krakow, 2001. С. 159–172.
275. Мурадян К. Конец тысячелетия: Скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия; итоги и перспективы) // Электронный ресурс. Режим доступа:
<http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian> (Дата обращения: 06.03.2014).
276. Мыслякова М.В. Концепция творчества Леонида Андреева в символистской критике: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 216 с.
277. Надеждин Н.Н. Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц // *Новый мир*. 1902. № 92. С. 290-292.
278. Неустроев В.П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. 279 с.
279. Новости кинематографии // *Московская газета*. 1911. 10 апреля. Электронный ресурс. Режим доступа:
<http://starosti.ru/archive.php?y=1911&m=04&d=10> (Дата обращения: 17.03.2014).
280. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е, испр.. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2010. 262 с
281. Обухова-Зелиньска И. Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902-1914) // *Русские евреи в Америке*. Вып. 5. М.-Иерусалим: Гиперион, 2011. С. 72-114.
282. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Т. 8. Архив А.М. Горького. М.: АН СССР, 1960. 446 с.
283. Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу. Копенгаген: Rosenkilde and Bagger, 1976. 80 с.
284. Покотыло М.В. В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 204 с.

285. Пономарев С.И. Наши писательницы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 78 с.
286. Подстрочник: Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/219633/read> (Дата обращения: 18.03.2014).
287. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
288. Рассказы современных писательниц-феминисток. СПб.: Хронос, 1912. 32 с.
289. Ремизов А. Москва // Новоселье. 1949. № 39-41. С.1-15.
290. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010.shtml (Дата обращения: 16.10.2013).
291. Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: НЛЮ, 2007. 416 с.
292. Савский Н. Политический кризис в Дании // Летопись. 1916. № 11. С. 237-245.
293. Сергеев А.В. Проблема циркизации театра в русской режиссуре 1910-1920-х годов. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1998. 23 с.
294. Степина М.Ю. Н.А. Некрасов в русской критике 1838-1848 гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 450 с.
295. Стороженко Н.И. Лекции по западноевропейской литературе М.: Типо-лит. Г.И. Простакова, 1903. 268 с.
296. Тиандер К. Заметки о современной Дании // Современный мир. 1911. № 11. С. 255-272.
297. Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века: Кабаре и театр миниатюр в России: 1908-1917. М.: Молодая гвардия, 2005. 527 с.
298. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

299. Файнштейн М.Ш. Из истории русско-скандинавских литературных связей: М.П. Благовещенская // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв.ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С. 137-143.
300. Февральский А. Мейерхольд и цирк // Советская эстрада и цирк. 1963. № 4 (октябрь). С. 9-10.
301. Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (Вторая половина XIX – начало XX века). Иваново: ФГУП «Издательство “Иваново”»; Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
302. Чернин В.К. Русская рецепция Альфреда Теннисона: Дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 468 с.
303. Чернобаева А.Ю. Основные проблемы развития женского движения в России во второй половине XIX – начале XX веков: проблемная лекция для подготовки бакалавров всех направлений. М.: ГУУ, 2013. 28 с.
304. Чуйко В. Современные женщины-писательницы // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23-50.
305. Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 219 с.
306. Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. 296 с.
307. Эльяшевич Д.А. Русско-скандинавские книжные связи (К постановке вопроса) // Из истории русско-советского международного книжного общения (XIX-XX вв.). Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1987. С. 6-19.
308. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 3, 4. М.: Советский писатель, 1963. 791 с.
309. Яхнина Ю. Карин Михаэлис и ее роман «Мать» // Михаэлис К. Мать. М.: Гослитиздат, 1958. С. 3-9.
310. Demidova O. Russian women writers of the nineteenth century // Gender and Russian Literature. New perspectives. Cambridge: University Press, 1996. Pp. 92-111.

311. Jensen J.F. Turgenjev i dansk åndsliv: studier i dansk romankunst 1870 – 1900. [Тургенев в датской духовной жизни: исследования романного искусства 1870-1900]. København: Gyldendal, 1969. 413 s.
312. Kelly C. A history of Russian women's writing. 1820-1992. Oxford: Clarendon Press, 1994. 497 p.
313. Malinovski I. Russiske bøger i danske oversættelser: en bibliografi [Русские книги в датских переводах: Библиография]. København: Borgen, 1953. 51 s.
314. Rosenthal C. Carving out a career: women prose writers, 1885-1917, the biographical background // Gender and Russian Literature. New perspectives. Cambridge: University Press, 1996. Pp. 129-140.

6. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

315. Письмо Г. Банга О. Дымову // РГАЛИ. Ф. № 181. Оп. 1. Ед. хр. 5.
316. Эйзенштейн С.М. Герман Банг. Серия. Рисунки. 16 окт. 1942 г. // РГАЛИ. Ф. № 1923. Оп. № 2. Ед. хр. 1425.

7. СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

317. Грязневич Н. Библиография переводов датской художественной литературы на русский язык. СПб.: Symposium, 2011. 115 с.
318. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. Т. 8. 1994. 848 с.
319. Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. 29 с.
320. Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. Лакшин – Мураново / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1967. 1024 стб.
321. Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929-1939. Т. 1 / Ком. Акад.; Секция лит., искусства и яз.; Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Луначарский А.В., Нусинов И.М., Переверзев В.Ф., Скрыпник И.А.; Отв. ред. Фриче В.М.; Отв. секретарь Бескин О.М. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. 768 стб.
322. Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во "Сов. Энцикл.", 1934. 888 стб.

323. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956-1960.
324. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 48. СПб.: Типография И.А. Эфрона, 1898. 958 с.
325. Dansk litteratur historie. Bind 4. Fra Georg Brandes til Johannes V. Jensen. Af Hakon Stangerup og F.J. Billeskov. København: Politikens Forlag, 1977. 632 s.
326. Dansk litteraturs historie. Bind 3: 1870-1920. Redaktion: Klaus P. Mortensen, May Schack. København: Gyldendal, 2009. 718 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сопоставительная таблица времени публикации некоторых произведений Германа Банга в Дании и России (до 1917 г.)⁵¹⁰

Название произведения на датском языке с его дословным переводом на русский	Дата публикации в Дании	Название произведения на русском языке	Дата публикации в России	Фамилия переводчика	Место издания в России ⁵¹¹
Nåbløse slægter (Безнадежные поколения)	1880	Безнадежно погибающие Дряхлеющий век	190- 1913	Е. Благовещенская М. Лаврова	М.: Польза М.: Современные проблемы
Fædra (Федра)	1883	Графиня Урнэ	1911	Н.М. Вольпе	М.: Современные проблемы
Excentriske Noveller (Эксцентрические новеллы)	1885	Эксцентрические новеллы	1910	Н. Эфрос	М.: Издание В.М. Саблина
Ved vejen (У дороги)	1886	У дороги На пути	1910 1912	В.К. Рудина Е. Торнеус	М.: Издание В.М. Саблина М.: Современные проблемы
Stuk (Штукатурка)	1887	Погибшие мечты Крах	1911 1916	М. Лаврова Я. Сегал	М.: Современные проблемы М.: Универсальная библиотека
Tine (Тине)	1889	Тине	1911	А. Владимирова	М.: Издание В.М. Саблина
De fire djævle (Четыре дьявола)	1890	Четыре беса Четыре черта Четыре черта Четыре дьявола	1907 1912 1914 1910	Ф. Сологуб М.К. Я. Сегал Р. Тираспольская	СПб.: Шиповник («Северные сборники») М.: Современные проблемы М.: Польза СПб.: Изд. Акционерного общества типографского дела в Санкт-Петербурге
Ludvigsbakke (Холм Людвига)	1896	Роман больничной сиделки	1911	А. Владимирова	М.: Издание В.М. Саблина

⁵¹⁰ При составлении таблицы были использованы материалы из книги Н. Грязневич «Библиография переводов датской художественной литературы на русский язык» (СПб., 2011).

⁵¹¹ В таблицу включены те произведения, на которые последовали рецензии в России.

		Роман сестры милосердия	1911	М. Лаврова	М.: Современные проблемы
Det hvide hus (Белый дом)	1898	Белый дом	1908	Я. Сегал	М.: Издание В.М. Саблина
Det grå hus (Серый дом)	1901	Серый дом	1909	Н. Эфрос	журнал «Современный мир» (№2-4)
		Серый дом	1911	Е. Барсова, М. Розенфельд	М.: Издание В.М. Саблина
		Его превосходительство	1909	анонимный переводчик	М.: Современное творчество
Mikaël (Микаэль)	1904	Михаэль	1910	Р. Бреннер	М.: Современное творчество
		Михаэль	1911	Р. Бреннер	М.: Современные проблемы
		Михаэль	1910	С. Мяснов	М.: Издание В.М. Саблина
		Михаэль	1913	М. Розенфельд под ред. Я. Сегал	М.: Польза
De uden Fædreland (Те/Они без родины)	1906	Без родины	1911	М. Розенфельд	М.: Издание В.М. Саблина
		Без родины	1911	Я. Сегал	М.: Польза
Sælsomme Fortællinger (Необычные рассказы)	1907	Странные рассказы	1909	Н. Эфрос	М.: Издание В.М. Саблина
		Таинственные рассказы	1909	Я. Сегал	М.: Польза

**Сопоставительная таблица времени публикации
некоторых произведений Йоханнеса Йенсена в Дании и России
(до 1917 г.)⁵¹²**

Название произведения на датском языке с его дословным переводом на русский	Дата публикации в Дании	Название произведения на русском языке	Дата публикации в России	Фамилия переводчика	Место издания в России⁵¹³
Einar Elkær (Эйнар Элькер)	1898	Эйнар Элькер	1911	Я. Сегал	М.: Издание В.М. Саблина
Himmerlandsfolk. Historier (Народ Химмерланда. Истории)	1898	Из Гиммерландских рассказов Ютландские рассказы	1910 1911	А. и П. Ганзены П. Высоцкая, В. Рудина	М.: А.Ф. Маркс («Фиорды») М.: Издание В.М. Саблина
Intermezzo (Интермеццо)	1899	Интермеццо	1910	А. и П. Ганзены	М.: А.Ф. Маркс («Фиорды»)
Kongens Fald (Падение короля)	1901	Падение короля	1911	Я. Сегал	М.: Издание В.М. Саблина
Madame d'Ora (Мадам д'Ора)	1904	Мадам д'Ора	1911	В. Кошевич	М.: Издание В.М. Саблина
Skovene (Леса)	1904	Леса	1911	Е. Барсова	М.: Издание В.М. Саблина
Hjulet (Колесо)	1905	Колесо Колесо	1911 1916	Е. Барсова Я. Сегал	М.: Издание В.М. Саблина М.: Польза
Eksotiske Noveller (Экзотические новеллы)	1907	Экзотические новеллы	1911	П. Левицкий	М.: Издание В.М. Саблина
Den nye Verden (Новый свет)	1907	Новый свет	1911	А. Владимирова	М.: Издание В.М. Саблина
Braeen (Ледник / Глетчер)	1908	Ледник Глетчер: Новый миф о первом человеке Ледник	1909 1911 1912	А. и П. Ганзены В. Горев и Е. Яковлева Т. Макоцкая	М.: А.Ф. Маркс («Фиорды») СПб.: Тип. «Луч» М.: Издание В.М. Саблина

⁵¹² При составлении таблицы были использованы материалы из книги Н. Грязневич «Библиография переводов датской художественной литературы на русский язык» (СПб., 2011).

⁵¹³ В таблице представлены произведения Йоханнеса Йенсена, вышедшие отдельным изданием (небольшие произведения, включенные в сборники, отдельно не описывались).